

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

№

11

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ISSN 0132-1366



СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ



2001



«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

4
2001
ИЮЛЬ ●
АВГУСТ ●

СТАТЬИ

- Гибианский Л.Я.* (Москва). Триестский вопрос в конце Второй мировой войны (1944–1945) 3
- Аксенова Е.П., Досталь М.Ю.* (Москва). Русская ученая академия в Праге в годы Второй мировой войны 31

ДИСКУССИИ

- Цукерман К.* (Париж). Два этапа формирования Древнерусского государства 55
- Петрухин В.Я.* (Москва). О "Русском каганате", начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии 78

СООБЩЕНИЯ

- Русев Р.Д.* (София). Литературные газеты и журналы русской эмиграции в Болгарии (1921–1943 годы) 83
- Воробьева И.Г.* (Тверь). Десятилетие деятельности обновленной Матицы Хорватской 91

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Петрухин В.Я.* Л. Мюллер. Понять Россию: историко-культурные исследования 95
- Белова О.В.* А.В. Подосинов. Символы четырех евангелистов: Их происхождение и значение 98
- Крысько В.Б.* М. Moser. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts 103
- Ледовский М.Ю.* Новый выпуск журнала "Вестник РГНФ": "2000 лет христианской культуры" 108
- Кишкин Л.С.** I. Savický. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechach. 1914–1938 110
- Косик В.И.* А. Арсеньев. У излучины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду 115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Жакова Н.К., Котова М.Ю. Первые и вторые Славистические чтения памяти профессора
П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова 118

PERSONALIA

- Юбилей Ивана Константиновича Горского 122

НЕКРОЛОГИ

- Горизонтов Л.Е. Памяти Анджея Феликса Грабского (1934–2000) 124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Васильев М.А. (отдел истории)

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А.*, *Веслова И.Ю.*, *Кошкина Е.А.*

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru



© 2001 г. Л.Я. ГИБИАНСКИЙ

ТРИЕСТСКИЙ ВОПРОС В КОНЦЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1944–1945)^{1,2}

27 апреля 1945 г., когда силы вермахта все еще удерживали значительные районы Хорватии и Словении, в том числе Загреб и Любляну, остававшиеся в руках немцев вплоть до 8 мая, глава утверждавшегося в Югославии коммунистического режима Йосип Броз Тито отдал группировке своих войск, оперировавшей в Истрии и Словенском приморье, приказ немедленно приступить к форсированному наступлению, главной целью которого было овладеть Триестом. Параллельно ставилась задача взять, а если не удастся сразу, то по крайней мере блокировать еще занятый немцами важнейший портовый центр Истрии – Риеку. Попытка решить триестский вопрос военным путем вступила в стадию практической реализации начавшимся 29 апреля выполнением этого приказа. Уже 30 апреля югославские войска подошли к Триесту и 1 мая овладели большей частью города, а также стали занимать прилегающий район к западу от Триеста вплоть до реки Изонцо. Одновременно в результате развернувшихся в последние дни апреля и первые дни мая боевых действий югославской армии в районе Риеки германская группировка, вынужденная оставить этот город и пытавшаяся пробиться на север, была ликвидирована, а вся Истрия очищена от немцев и поставлена под контроль властей новой Югославии (подробнее см. [1]). Однако, если в отношении Истрии задача, поставленная Тито перед югославскими вооруженными силами, оказалась целиком выполненной, то в отношении Триеста с прилегающей округой цели, которые преследовало, предпринимая эту военную операцию, коммунистическое руководство Югославии, при всех достигнутых успехах осуществить в полной мере все-таки не удалось. Ибо наряду с югославским броском к Триесту подобного рода бросок был совершен в те же дни и западными союзниками, которых, вопреки расчетам Белграда, югославы смогли опередить лишь частично.

Еще 25 апреля фельдмаршал Гарольд Александер, верховный командующий силами западных союзников на Средиземноморье, наступавшими в Северной Италии и приближавшимися к Изонцо с запада, извещил телеграммой Лондон о желательности того, чтобы его войска как можно скорее заняли наиболее важные с его точки зрения районы, куда подходила югославская армия, включая прежде всего Триест и наиболее крупный после Риеки портовый город Истрии – Пулу, расположенный

Гибянский Леонид Янович – старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Статья является частью исследовательского проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (грант № 00-01-00224).

² Окончание. Начало см. в № 3, 2001 г.

на юго-западе полуострова. 26 апреля помощник постоянного заместителя британского министра иностранных дел Орме Сарджент направил эту телеграмму премьер-министру Уинстону Черчиллю с предложением оказать Александру всю возможную поддержку для реализации его плана. Сарджент подчеркнул, что если бы силами Александра удалось занять Триест раньше югославам, это дало бы Англии и США гораздо большие шансы добиться согласия Югославии и СССР на установление военного управления западных союзников во всей спорной области, что, в свою очередь, позволило бы затем передать значительную ее часть Италии, включая и Триест. Черчилль 27 апреля выразил согласие с таким планом [2. С. 133; 3. С. 510]. Для согласования плана с правительством США британский премьер срочно обратился к новому президенту США Гарри Трумэну, настаивая на необходимости опередить Тито и получить Триест, даже если требуется "идти на риск, свойственный таким политико-военным операциям" [4. Р. 480–481].

В чем заключался риск, прекрасно понимали как в Лондоне, так и в Вашингтоне. 30 апреля, когда уже появились сообщения, что югославские силы достигли Триеста, Сарджент в записке Черчиллю, посвященной рассмотрению возможных перспектив дальнейшего развития событий, подчеркивал, что коль скоро Александру не удастся поспеть в Триест раньше югославам, он столкнется с задачей забрать город не у находившегося там немецкого гарнизона, а у вошедших туда югославских войск. Применение же силы в отношении последних было бы очень сложной проблемой, а позиция югославам к тому же в большей мере зависит от того, какую поддержку им оказывает советская сторона [3. С. 514–515]³. Трумэн в ответ на обращение Черчилля писал 30 апреля, что перед вступлением западных войск в спорную область Александр должен объяснить свои намерения Тито и "сделать ясным, что любые югославские силы в этой области должны находиться под нашей командой", но при этом президент не исключал возможности "дальнейшей акции, если югославы не будут сотрудничать" по варианту, нужному западным союзникам, хотя и подчеркивал желание избежать того, чтобы сражаться с югославской армией [4. Р. 481].

Черчилль, рассчитывая на американскую поддержку, стремился, чтобы Александр хотя бы в последний момент все-таки успел в Триест и занял как можно более значительные позиции на территории, о которой шла речь. В телеграмме Александру 1 мая он запрашивал сведения о том, как идет продвижение войск и каковы перспективы того, что фельдмаршалу удастся осуществить свои намерения, особенно в отношении Триеста. Британский премьер-министр подчеркивал, сколь важно, чтобы англичане и американцы установили контроль над Триестом и всей областью, включая Истрию с Риекой и Пулой, поскольку это даст затем шансы на решение вопроса о данной территории в пользу Италии. Он вновь указывал, что тем самым будет создана ситуация, когда Италия, которая получит все это с помощью западных союзников, не пойдет в сторону коммунизма, а присоединится к западным демократиям. Соответственно, Черчилль считал, что Александр должен действовать как можно быстрее и что не следует заранее извещать югославскую и советскую стороны об операции, развертываемой в направлении Триеста западными союзниками [3. С. 517].

³ Сарджент выражал сожаление по поводу невозможности договориться с немцами, чтобы они удерживали Триест, оказывая сопротивление югославам, до подхода Александра [3. С. 515]. Перед этим, как видно из другой записки Сарджента Черчиллю, датированной 29 апреля 1945 г., были некоторые расчеты на то, что продвижение югославской армии в Истрии и к Триесту будет несколько задержано сопротивлением находившихся на этой территории югославских антифашистских военных формирований, в период войны сотрудничавших с фашистскими оккупантами, а теперь отходивших к северо-западным границам Югославии. В Лондоне хотели воспользоваться таким сопротивлением при условии, что оно будет оказываться без какой-либо английской помощи, а тем более участия. Но в итоге, когда войска Александра стали приближаться к данной территории, британское правительство сочло для себя невозможным какой-либо иной курс в отношении упомянутых антифашистских формирований, кроме решения об их разоружении и интернировании в лагерях для беженцев [3. С. 512–514].

Сам Александр, развивая наступление на Триест, был, однако, более осторожен и считал необходимым предупредить Тито о предпринятой операции, послав ему 30 апреля соответствующую телеграмму. Английский фельдмаршал опасался столкновения с югославскими войсками и считал нереальным установление контроля западных союзников над всей спорной областью. В телеграмме, посланной в адрес Тито 30 апреля, он предпочел сослаться на предложение, выдвинутое самим руководителем новой Югославии на белградских переговорах в феврале 1945 г., и, в сущности, претендовал на установление своего контроля не во всей области, а главным образом на ее западе – в Триесте и прилегающих районах; что же касалось Истрии, то Александр называл только порт Пулу, а также стоянки кораблей на западном побережье полуострова и коммуникации между Пулой и Триестом. Извещая 1 мая Черчилля об этой телеграмме, Александр предостерегал, что в случае, если бы западные союзники решили занять всю область силой, им пришлось бы сражаться с югославской армией, которая бы получила "по меньшей мере моральную поддержку русских", и в то же время обращал внимание своего премьер-министра на необходимость иметь в виду симпатии к югославам как к союзникам в войне, широко распространенные среди как британских солдат, так и общественности Англии [3. S. 517–518] (см. также [4. P. 481–482]).

Между тем бросок двух армий наперегонки – с запада сил Александра и с востока, навстречу им, югославских войск – закончился тем, что силы западных союзников, хотя немного и опоздав, подошли к Изонцо с противоположной от югославов стороны и 1 мая форсировали реку, после чего начали ускоренно продвигаться в глубь территории, по которой встречным потоком уже двигались югославские части. 2 мая войска союзников достигли Триеста, почти целиком находившегося в югославских руках, и приняли вместе с югославами участие в последних сражениях, завершившихся окончательным подавлением и капитуляцией остатков немецкого гарнизона [1; 5].

В итоге в Триесте и ряде прилегающих районов, вплоть до Изонцо на западе, расположились вперемешку югославские и союзнические войска. Их совместное присутствие в этой, западной, части спорной области сопровождалось претензиями каждой из сторон на установление своего контроля на данной территории. Причем каждая настойчиво требовала, чтобы ее приоритет в этом отношении был признан другой стороной.

Начиная с упомянутой выше телеграммы в адрес Тито от 30 апреля, Александр в своих посланиях руководителю новой Югославии в первых числах мая продолжал добиваться югославского согласия на передачу Триеста и прилегающих районов, занятых совместно югославскими и союзными войсками, под его, Александра, военное управление, а находящихся там югославских сил – под его верховное командование. Фельдмаршал полагал, что в сложившейся ситуации рассчитывать на большее вряд ли возможно, не идя на риск военного столкновения, и Лондон, тоже пришедший к выводу о необходимости избежать такого столкновения, в итоге согласился с этой позицией. В сущности, англичане вернулись к модифицированному варианту того плана раздела Венеции-Джулии на две зоны, который был ими предложен на Крымской конференции [3. S. 518, 521–522, 523–524, 528]. Между тем эти предложения, в итоге воспринятые и американской стороной в качестве практической линии общих требований западных союзников, были отвергнуты Белградом. Тито в ответных посланиях Александру, в отличие от своих предложений на февральских переговорах, настаивал теперь на том, чтобы сохранить всю спорную область, в том числе и ее западную часть с Триестом, под своим военным контролем и административным управлением. Он был готов лишь на предоставление западным союзникам триестского порта и ряда необходимых им коммуникаций [3. S. 519, 524; 6. S. 37–38].

Под знаком этих позиций в течение первой половины мая состоялись и разного рода переговоры югославских и западных военных представителей, в том числе переговоры 8–9 мая между Тито и начальником штаба Александра генерал-лейтенантом Уильямом Морганом, посетившим с этой целью Белград. Морган настаивал на

условиях, выдвинутых Александером. Тито стоял на своем, хотя и сделал некоторые дополнительные предложения компромиссного характера: он выразил готовность к тому, чтобы в Триесте действовала совместная военная комиссия обеих сторон, которая бы согласовывала и регулировала действия и взаимоотношения размещенных здесь войск западных союзников и югославских войск, и чтобы западные союзники могли использовать, помимо триестского порта, также порт Пулы и корабельные стоянки на западном побережье Истрии. Но Александра и стоявшие за ним правительства Англии и США это не устраивало, поскольку не давало главного – установления их военного управления в Триесте и прилегающих районах западной части спорной области. В итоге переговоры окончились безрезультатно [3. S. 533–534, 536–543]. Вооруженные силы сторон продолжали занимать одну и ту же территорию, фактически находясь в положении взаимного противостояния.

Правда, в развернувшемся, таким образом, триестском кризисе, обе стороны и, соответственно, их расположенные здесь чересполосно военные группировки старались вести себя друг с другом весьма осторожно, демонстрируя во взаимных контактах отношения между собой как между союзниками по антигитлеровской коалиции. Историографии, возникшей в период холодной войны, была нередко присуща тенденция чрезмерного преувеличения в изображении триестского противостояния как чуть ли ни балансирования на грани прямого военного конфликта, которое сопровождалось ожесточенной пропагандистской конфронтацией, подхлестывавшей возрастающую напряженность. На самом деле особенностью этого кризиса являлось то, что он совместил в себе черты, свойственные как уже зарождавшейся холодной войне, так и еще продолжавшемуся сотрудничеству участников антигитлеровской коалиции.

С одной стороны, и югославский коммунистический режим, и западные союзники пытались путем, по существу, военного противостояния друг другу в Триесте и прилегающих районах утвердить здесь свой контроль, который, как было понятно, предопределил бы будущую принадлежность этой территории. Поэтому каждый в ходе кризиса принимал меры по наращиванию здесь своих войск, что должно было служить как для демонстрации серьезности собственных намерений, а тем самым оказания психологического нажима на соперника, так и для страховки на случай, если бы вдруг соперник решился перейти к применению силы, чтобы осуществить свои цели⁴. С другой стороны, каждый стремился к тому, чтобы его действия не выглядели военной конфронтацией и не привели к прямому столкновению, и демонстрировал союзническую готовность к совместному решению на компромиссной основе. Отражением этого и было проведение в течение первой половины мая упомянутых выше переговоров на различных уровнях между югославскими и англо-американскими военными представителями, включая переговоры Тито с Морганом. Но как югославы, так и западные союзники, проявляя готовность к частичным компромиссным уступкам, не собирались уступать друг другу в главном – установлении своего единоличного военного управления на территории, занятой войсками обеих сторон. И такое положение делало невозможным достижение договоренности.

Что касалось пропагандистской конфронтации в ходе кризиса, то на самом деле в средствах массовой информации западных союзников, в частности в британской печати, в наибольшей мере уделявшей внимание событиям вокруг Триеста, эти события, и в том числе югославская позиция, освещались и оценивались в довольно умеренном духе, хотя и публиковались отдельные материалы с достаточно острой критикой югославских действий и позиции (частично об этом см., напр.: [7. S. 682–683]). Гораздо более резко выступала значительная часть итальянской печати. Но югославская пресса и массовая пропаганда, целиком находившиеся в руках правящего режима и выражавшие его политическую линию, очень жестко реагируя на критику Югославии

⁴ Об этом, в частности, свидетельствует переписка Черчилля с Александером (см., напр.: [3. S. 529, 530, 532; 4. P. 482–484]). Югославские документы, отражавшие соответствующие действия и расчеты Белграда, были до сих пор доступны в гораздо меньшей степени.

в иностранных средствах информации, часто интерпретировали дело таким образом, что материалы по поводу триестского кризиса, публиковавшиеся в итальянских газетах, представляли как позиция, разделяемая западными союзниками. Особый всплеск пропагандистской конфронтационности был вызван появившимся в средства массовой информации заявлением Александра 19 мая, обращенным к войскам, находившимся под его командованием. В нем фельдмаршал, касаясь югославских действий в отношении спорной области, квалифицировал намерение Тито утвердить свои права на эту территорию путем ее военной оккупации как акцию, напоминающую манеру поведения "Гитлера, Муссолини и Японии" [8]. Подобная характеристика отражала фактически усиливавшуюся напряженность в ходе кризиса. В ответ Тито в специальном заявлении, опубликованном правительственным югославским телеграфным агентством ТАНЮГ, выразил острое негодование по поводу такого шага Александра и подчеркнул, что обвинение, которое тот выдвинул, может быть адресовано только врагу, а не союзнику [6. S. 60].

Между тем в Триесте и его округе, где стояли войска обеих сторон, ни одна из них не считала возможным первой прибегнуть к прямым, тем более силовым действиям против другой, чтобы заставить ту отступить. Перспективы же совместного урегулирования политико-дипломатическим путем выглядели к середине мая 1945 г., после неудачи предшествовавших переговоров, как абсолютно нереальные. Ситуация одновременного военного присутствия здесь и югославов, и западных союзников, взаимно оспаривавших право контроля на данной территории, не устраивала в конечном счете ни Белград, ни Лондон и Вашингтон. Однако югославы были при этом в гораздо более выгодном положении, чем их западные соперники. Ибо, успев сюда несколько раньше и будучи, особенно в первые дни, гораздо большими по численности, югославские войска сумели занять несравненно более значительную часть Триеста и окружающих районов, и потому югославский контроль был тут почти повсеместно преобладающим. Привлекая на свою сторону достаточно широкие массы местного населения, причем не только словенского, которое стимулировалось отчасти левыми социально-политическими устремлениями, а в огромной мере – национальными побуждениями, но и итальянского, из тех слоев, главным образом триестских рабочих, что симпатизировали коммунистическому режиму Югославии исключительно на основе политико-идеологической ориентации, югославские власти стали быстро создавать на всей территории, куда дошли их войска, свою гражданскую администрацию. Она была аналогична той системе "народной власти", которая существовала в самой Югославии. А противники новой власти начали подавляться с применением привычных для этого режима набора репрессивных мер (о политическом положении на этой территории (см., напр., [9], а также [10. S. 24–72]). Присутствие в ряде мест войск западных союзников, постепенно увеличивавшихся по численности, создавало определенные препятствия этим югославским усилиям. Но в целом югославы в гораздо большей мере распространяли свой военный и административный контроль, и в частности особенно успешно в Триесте.

В этих условиях, после того, как Александру не удалось добиться от Тито желательных Западу уступок путем заключения соглашения между военными властями обеих сторон, Черчилль и Трумэн пришли к выводу о необходимости того, чтобы в дело вступили на правительственном уровне непосредственно Лондон и Вашингтон. 15 мая правительству Югославии были направлены идентичные ноты правительств Англии и США, в которых содержалось требование немедленного согласия Белграда на установление в Триесте и прилегающей области, а также в районе Пулы военного управления западных союзников. В ноте, однако, не говорилось о выводе югославских войск с этой территории, а указывалось лишь на необходимость того, чтобы они сотрудничали с союзным командующим в установлении управления под его властью [3. S. 550]. Одновременно Лондон и Вашингтон известили о своей ноте Москву, а Черчилль направил при этом 15 мая специальное послание И.В. Сталину [11. Т. 1. С. 418–421; Т. 2. С. 252, 323–324; 12. Vol. IV. P. 1162].

Рассматривая СССР в качестве патрона коммунистического режима Югославии, западные союзники подозревали, что югославские действия санкционированы Кремлем, который стоит за спиной Белграда. Как мы уже упоминали, еще в своем донесении министру иностранных дел Англии А. Идену от 21 апреля (оно было получено в Лондоне 1 мая) об итогах визита Тито в Советский Союз британский временный поверенный в делах в СССР Фрэнк Робертс специально обращал внимание на тот факт, что в опубликованной 15 апреля "Красной звездой" беседе с корреспондентом этой газеты руководитель нового югославского режима особо указывал на необходимость присоединения Истрии и Триеста к Югославии. По оценке Робертса, было бы удивительно, если бы такое публичное заявление в советской печати не являлось следствием поддержки Москвой этих территориальных требований [13.371/48928. R 7704/2808/92] (см. также [3. S. 506]). А по возвращении Тито из апрельской поездки в СССР глава британской военной миссии в Югославии вице-маршал авиации Артур Ли сделал на основе своих наблюдений вывод, что в Москве "Тито получил все, чего желал, и теперь точно знает, что он должен делать". И когда вслед за тем югославы предприняли военную операцию по овладению Триестом и всей спорной областью, лондонские аналитики были склонны связать соображение, высказанное Ли, с этой операцией, полагая, что она проводится с советского одобрения (см., напр.: [3. S. 521, 522; 13. 371/48928. R 7543/2808/92]). Фактор вероятной советской поддержки югославов в триестском кризисе вынуждены были с самого начала принимать в той или иной степени во внимание и Александер, и Черчилль, и Трумэн [3. S. 518, 525, 532; 4. P. 482; 14. P. 245]. В телеграмме Александеру 7 мая Черчилль охарактеризовал Тито и его войска в спорных районах как выдвинутое далеко вперед орудие Москвы [3. S. 532]. Потому-то, приступив 15 мая к новому раунду усилий, направленных на то, чтобы установить свой контроль над Триестом и западной частью Венеции-Джулии, британское и американское правительства обратились в Москву. При этом Черчилль в своем послании Сталину стремился провести мысль о том, что напряженность вокруг Триеста является следствием исключительно односторонних югославских действий, и пытался внушить советскому руководителю необходимость согласиться с решением, на котором настаивали западные союзники [11. Т. 1. С. 418–421].

До этого обращения западных держав Москва формально не вмешивалась в триестский кризис. После советско-югославского конфликта 1948 г. в официальной югославской пропаганде утверждалось, что в мае 1945 г. СССР вообще оставил Югославию в одиночестве перед лицом нажима со стороны Британии и США. Такая версия подкреплялась заявлениями самого Тито. В одном из своих выступлений весной 1952 г., в разгар конфронтации со Сталиным, он сказал, что во время майского кризиса 1945 г. советская сторона не оказала югославам даже моральной поддержки. По словам Тито, он долгими ночами сидел у телефона, ожидая из Москвы хоть какого-нибудь совета, но так и не дождался [15]. Эта версия, повторявшаяся позже не только Тито, но и некоторыми его сотрудниками (об этом говорил, например, один из словенских коммунистических функционеров Йоже Вильфан, впоследствии работавший в непосредственном окружении Тито [16. S. 174]), была широко воспринята югославской и западной историографией.

Но из советских и югославских архивных материалов, которые стало возможным исследовать в последнее время, видно, что в ходе триестского кризиса поддерживалась, как обычно, систематическая связь между официальным Белградом и Москвой, которая осуществлялась, в частности, через посольство СССР в Белграде. По этому каналу Москва получала от югославского руководства сведения о развитии событий, о ходе переговоров между югославской стороной и западными союзниками, в том числе об упоминавшихся выше переговорах Тито и генерала Моргана в первой половине мая (в Москву была прислана стенограмма переговоров между Тито и Морганом [17. Ф. 0144. Оп. 5в. П. 7. Д. 1. Л. 37–46]). Судя по документам, до того, как англичане и американцы направили югославскому правительству свои ноты от 15 мая и известили о них правительство СССР, в том числе путем послания Черчилля

Сталину, советское руководство не видело необходимости самому реагировать перед Лондоном и Вашингтоном на требования Александра, обращенные к югославам. Насколько можно понять, Сталин, как и в других подобных случаях, предпочитал придерживаться своей излюбленной тактики выжидания. Сложившаяся ситуация позволяла это. Ведь его подопечные югославы уже овладели Триестом и почти всей спорной территорией, опередив западных союзников. Последние, наоборот, находились в этом смысле в слабой позиции: им нужно было добиться от югославов того, чем те уже обладали. Пользуясь превосходством, Тито, за которым в глазах Запада маячила тень Сталина, в течение первой половины мая успешно противостоял требованиям Александра. И потому Сталин, оставаясь формально стороной, не участвующей в противостоянии, и тем самым ничем не рискуя, мог, не вмешиваясь непосредственно, наблюдать за перетягиванием каната между ними, ожидая, какой степени компромисса, по возможности наиболее выгодного для Югославии, удастся в итоге добиться от западных партнеров.

Англо-американский демарш от 15 мая менял ситуацию. Во-первых, обращение западных союзников в Москву вынуждало Сталина непосредственно обозначить какую-то определенную позицию СССР. Во-вторых, судя по новым архивным документам, анализ содержания нот Лондона и Вашингтона, адресованных Белграду, привел советского руководителя к выводу, что настал момент для выработки компромисса, который бы принес югославам максимально достижимый в тех реальных условиях результат. Получив ноты и послание Черчилля, Сталин 18 мая провел совещание с югославским послом в Москве Владимиром Поповичем в присутствии наркома иностранных дел В.М. Молотова и А.Я. Вышинского, первого заместителя Молотова. Во время совещания, которое продолжалось почти полтора часа, Сталин ознакомил Поповича с обращениями Лондона и Вашингтона, а затем перешел к обсуждению сложившегося положения. Выслушав сообщение югославского посла о том, каково мнение Тито о ситуации вокруг триестского вопроса, кремлевский хозяин сформулировал советскую, то есть свою, позицию относительно того, какую линию следует занять в связи с западным демаршем. Эта позиция, кратко изложенная в шифротелеграмме Поповича, полученной в Белграде 21 мая [18. I-3-d/13. L. 5-6], а более подробно в шифротелеграмме, которую по просьбе Поповича Сталин и Молотов сразу после совещания отправили советскому послу в Белграде И.В. Садчикову для вручения Тито [18. I-3-d/13. L. 1], сводилась к следующему⁵.

Советское руководство обратило особое внимание на отсутствие в британской и американской нотах от 15 мая требования о выводе югославских войск из Триеста и прилегающих районов, где западные союзники претендовали на свое управление. Поскольку в нотах говорилось лишь о необходимости немедленного согласия Белграда на введение там контроля со стороны Александра и на сотрудничество находившихся там югославских вооруженных сил с Александром в установлении военного управления под его властью, советское руководство расценивало это как уступку Запада. Сталин считал, что при условии, если в Триесте и других районах, о которых шла речь, останутся югославские войска и сохранится созданная там югославская гражданская администрация, можно согласиться на контроль Александра. Но при этом Сталин указывал, что прежде, чем дать официальное согласие, югославы должны путем ряда запросов выяснить у западных союзников, действительно ли их позиция, изложенная в нотах от 15 мая, не затрагивает дальнейшего пребывания югославских воинских частей и существования югославской гражданской администрации в спорной зоне.

Будучи прагматиком, кремлевский властитель, очевидно, исходил, с одной стороны, из того, что большего от Лондона и Вашингтона добиться просто невозможно, не идя

⁵ Возможно, то, что было высказано Сталиным, последний предварительно обсуждал с Молотовым и Вышинским, которые находились в его кабинете в течение двух часов, предшествовавших приему Поповича [19. С. 101].

на риск такого конфликта с ними, который бы угрожал более чем серьезным столкновением между Западом и Югославией. А подобное столкновение, способное к тому же слишком осложнить и отношения СССР с западными партнерами, явно не входило в тот момент в расчеты Сталина. С другой стороны, как видно из приведенных выше документов, он считал, что сохранение югославских войск и гражданской администрации в спорных районах даже при установлении контроля со стороны Александра даст Белграду важный шанс для дальнейшей борьбы за эти районы. На совещании 18 мая и в шифротелеграмме, посланной позднее в адрес Тито, Сталин подчеркивал, что, опираясь на сохраненные таким образом позиции, югославы должны будут затем приложить усилия, чтобы дипломатическими средствами закрепить свой контроль над той территорией, над которой будет возможно. В частности, он предвидел, что в итоге встанет вопрос о выделении отдельных участков как для югославских, так и для англо-американских войск. И указывал, что югославам предстоит дипломатическая борьба за военное обладание определенными, то есть наиболее желательными для них участками [18. I-3-d/13. L. 1, 5-6].

В шифротелеграмме с изложением этой программы действий, которую он направил Тито, Сталин спрашивал руководителя Югославии, есть ли у него возражения [18. I-3-d/13. L. 1]. Тито, получив телеграмму, отнюдь не испытал энтузиазма. Еще 17 мая, т.е. до совещания Сталина с Поповичем в Москве, он уже ответил на ноты западных союзников от 15 мая. В ответе повторялась югославская позиция, излагавшаяся в первой половине мая, в частности на переговорах Тито с Морганом: Белград был готов на частичные уступки в предоставлении союзникам триестского порта и необходимых коммуникаций, но продолжал настаивать на сохранении контроля югославской армии над всей территорией до реки Соча, то есть Изонцо, включая Триест, Горицию и Монфальконе⁶. Телеграмма, полученная из Москвы, содержала программу, фактически означавшую необходимость изменения этой позиции.

В ответе на имя Сталина и Молотова, написанном Тито, выражалось, хотя и в очень осторожной форме, сомнение относительно того, насколько реальна перспектива, намеченная советским руководством. "Мы были бы полностью согласны с вашим советом по поводу Триеста и Венеции-Джулии, — писал он, — если бы союзники действительно согласились на то, чтобы только иметь контроль над зоной, которую они требуют". Тито подчеркивал, что в случае, если бы такой контроль не затрагивал ни уже имеющегося военного присутствия югославов на этой территории, ни их существующей там гражданской администрации, Белград был бы готов поставить свои войска под командование Александра. "Но по нашему глубокому убеждению, здесь идет речь о совершенно другом", — говорилось в тексте ответа — речь идет о том, что западные союзники "хотят, полностью заняв Триест, Горицию, Полу и Монфальконе, не допустить на этой территории создания народной власти не только у словенцев, но и у итальянцев, хотят создать прочную базу для итальянской реакции и путем разного рода крючкотворства сделать невозможным, чтобы в будущем при переговорах о мире (имеется в виду мирная конференция. — Л.Г.) Югославия добилась бы этих своих оправданных требований с помощью плебисцита среди народа". Тито также подчеркивал, что отвод югославских войск с этой территории имел бы "катастрофические последствия" и для внутривластного положения в Югославии. "Весь народ, — писал он, — и даже те, кто не благосклонен к нам, в данный момент твердо стоят вместе с нами по вопросу о Триесте и Истрии, а потеря последних вследствие нашей уступки полностью бы нас политически дискредитировала". Югославский лидер старался доказать Кремлю оправданность той позиции, которую Белград занимал до сих пор в отношении Триеста и Венеции-Джулии [18. I-3-d/13. L. 2-3].

⁶ Югославский ответ, направленный англичанам, см. [3. S. 550-552], а американцам — [12. Vol. IV. P. 1165-1167]. В ответе, как обычно, заявлялось, что контроль югославской армии не означает предопределения государственной принадлежности этой территории, вопрос о которой будет решен на мирной конференции. Подобные заявления делались, в свою очередь, западными союзниками в отношении установления их контроля над спорной зоной.

Как видно, составляя ответ, Тито испытывал колебания в связи с тем, что фактически возражал против программы действий, которая исходила от советского руководства. Сначала он заключил свой ответ фразой: "Я прошу Вас каким-либо образом поддержать нас в нашем справедливом деле". Затем продолжил эту фразу рукописной припиской: "на основе Ваших рекомендаций". Тем самым, как можно понять, Тито пытался хоть как-то сгладить то обстоятельство, что на самом деле его ответ означал несогласие с указаниями Кремля. Но потом эту приписку, слишком явно противоречившую содержанию ответа, он все-таки вычеркнул [18. I-3-d/13. L. 3].

Архивные материалы, которые пока оказались доступными, оставляют неясным, каким был окончательный вариант ответа Тито на телеграмму Сталина и Молотова. Однако из имеющихся документов следует, что в итоге югославское руководство не решилось отвергнуть рекомендации, поступившие из Москвы. Во всяком случае в ночь с 19 на 20 мая человек № 2 в югославском руководстве Эдвард Кардель, имея, очевидно, санкцию Тито, беседовал с британским послом Ральфом Стивенсоном относительно возможности согласованного решения проблемы Триеста и прилегающей области. А затем 20 мая он предложил послу продолжить переговоры и представил ему меморандум, в котором от имени югославского правительства выражалось согласие на то, чтобы в спорной зоне была учреждена союзная военная администрация под верховным командованием Александра [20. № 5. Л. 64]. Документы Карделя свидетельствуют о том, что на такое решение повлиял и сильный рост напряженности между Югославией и западными союзниками, происшедший после того, как 17 мая Белград отверг требования, предъявленные в британской и американской нотах от 15 мая. В посольствах Великобритании и США стали демонстративно сжигать архивы и готовиться к эвакуации из Белграда, а Стивенсон, разговаривая ночью 19 мая с советским послом Садчиковым, заявил, что наступает момент, когда вопрос, возникший в связи с Триестом и Венецией-Джулией, решит тот, у кого больше сил. Имелось в виду, что Запад сильнее Югославии. По оценке Карделя, все это, с одной стороны, в немалой степени было спектаклем, шантажом, призванным устрашить югославы и заставить их пойти на уступки, но, с другой стороны, западные союзники "зашли так далеко, что больше не могли отступить без огромного урона для своего престижа", а потому "в столь напряженной ситуации дело могло все же получить крайне нежелательный оборот" [20. № 4. Л. 62; № 5. Л. 63]. Но если фактор западного нажима сыграл свою роль в югославском решении пойти на уступки, то сами компромиссные предложения, содержащиеся в меморандуме, врученном Карделем Стивенсону, следовали в основном той линии, которая была намечена в полученной Тито шифротелеграмме от Сталина и Молотова.

Согласие на создание союзной военной администрации под верховным командованием Александра обуславливалось в меморандуме тем, чтобы югославские войска остались в спорной зоне и обладали тем же статусом, что и войска западных союзников. Более того, сама союзная военная администрация должна была включать на паритетной основе представителей британской, американской и югославской армий. Другим условием было полное сохранение действовавшей на этой территории гражданской администрации, которая в действительности являлась частью югославской государственной системы. В меморандуме особо оговаривалось, что эта администрация должна действовать под руководством краевого народно-освободительного комитета Словенского приморья и что в ее компетенции будут находиться все вопросы, кроме чисто военных, в том числе она будет вести и полицейской службой. Военная администрация не имела права вмешиваться во внутреннюю организационную структуру и персональный состав гражданской власти. Вместе с тем Кардель, аналогично программе, намеченной Сталиным, предусматривал установление более выгодных Белграду границ восточной зоны, которую западные союзники вообще были согласны оставить под югославским военным управлением, и западной зоны, по поводу которой и шел спор. В меморандуме предлагалось несколько расширить восточную зону в западном направлении, что означало увеличение территории под полным

югославским контролем. Одновременно меморандумом намечалось расширение западной зоны, под верховным командованием Александра, но с мощным присутствием югославы, тоже дальше на запад [20. № 5. Л. 64–66]. Последнее, по замыслу Карделя, позволило бы Югославии активно работать среди словенского населения вплоть до линии Чивидале–Тарченто–Джемона–Понтеда и приобрести более сильные позиции при дальнейших территориальных решениях [20. № 5. Л. 71].

Получив 20 мая меморандум, Стивенсон выразил Карделю принципиальное одобрение по поводу изменения югославской позиции в сторону компромисса, но выдвинул ряд конкретных замечаний, направленных на ограничение югославских условий. По его настоянию Кардель, пойдя на новые уступки, заменил пространный меморандум более короткой нотой, содержание которой сводилось к согласию на то, чтобы в западной зоне было установлено военное управление под командованием Александра при условии, что там останутся югославские войска и гражданская администрация. Все остальные, чего добивались югославы, должно было стать предметом последующих переговоров. Поскольку Тито еще до того момента отбыл 20 мая из Белграда в поездку по Хорватии и Словении, Кардель послал ему подготовленный проект ноты и договорился со Стивенсоном, что ее официальное вручение британскому послу произойдет на следующий день, после того, как на это будет получено согласие Тито. С утра 21 мая Кардель и заместитель министра иностранных дел Югославии Владимир Велебит продолжили дискуссию со Стивенсоном, в ходе которой шло дипломатическое противоборство относительно некоторых формулировок проекта югославской ноты. Так и не получив до 11 часов утра никакого ответа от Тито Кардель около полудня официально передал Стивенсону еще немного отрецензированный текст ноты [20. № 4. Л. 62; № 5. Л. 66–68]. Изложение новой югославской позиции завершалось в ней предложением провести переговоры между правительством Югославии и правительствами Великобритании и США с целью урегулирования связанных с этим конкретных вопросов [3. S. 552; 12. Vol. IV. P. 1170–1171].

В сообщениях, которые он все время посылал уехавшему из Белграда Тито, Кардель подчеркивал, что обо всем этом деле он "постоянно извещал Садчикова", а советский посол, в свою очередь, "был постоянно связан с Москвой" [20. № 5. Л. 69]. Таким образом советская сторона находилась в курсе событий и определенным образом была фактически их участником. В частности, беседуя со Стивенсоном ночью 19 мая, Садчиков в ответ на упоминавшееся выше заявление британского посла о том, что наступает момент, когда спорный вопрос решит тот, у кого больше силы, критически заметил, что это отнюдь не демократический метод, обозначив тем самым советскую позицию в поддержку югославы. В то же время при подготовке югославской ноты, предназначенной для Стивенсона, Садчиков, обсуждая с Карделем ситуацию, высказывал мнение о необходимости поторопиться с ее вручением [20. № 5. Л. 63]. Само советское руководство тоже, с одной стороны, предупреждало западных союзников против сильного давления на Белград, с другой – торопило югославы прийти к компромиссному урегулированию с Западом на основе рекомендаций, данных Кремлем. Это было связано с посланием, которое Трумэн направил Сталину после ответа, данного югославским правительством 17 мая на британскую и американскую ноты от 15 мая.

В послании президента США, полученном в Москве 21 мая, выражалось серьезное недовольство югославским ответом от 17 мая. Трумэн настаивал на необходимости согласия Белграда с западными требованиями, изложенными 15 мая, и заявлял, что "мы не можем пойти на какое-либо отступление от принципов организованного и быстрого решения вопроса". Это звучало почти угрозой югославам. Вместе с тем Трумэн прямо обращался к Сталину с выражением надежды на то, что можно рассчитывать на использование советским руководителем своего влияния в целях содействия урегулированию, которое бы соответствовало позиции, отстаивавшейся западными союзниками [11. Т. 2. С. 251–252; 12. Vol. IV. P. 1168–1169].

Получив послание американского президента, советское руководство срочно адресовалось в Белград. Молотов в телефонном разговоре с Садчиковым выразил желание связаться и побеседовать с Тито. Поскольку Садчиков сообщил, что Тито уехал в Загреб, Молотов поручил послу передать руководителю Югославии мнение Москвы о необходимости предпринять действия по урегулированию конфликта с западными союзниками. При этом Молотов повторил те самые рекомендации, которые были высказаны Поповичу на совещании у Сталина 18 мая и в посланной затем телеграмме Сталина и Молотова в адрес Тито. Когда же в ответ Садчиков прочитал уже переданную официально Стивенсону югославскую ноту от 21 мая, соответствовавшую именно этим рекомендациям, Молотов целиком одобрил ее и выразил полное удовлетворение югославской позицией [20. № 5. Л. 69–70]⁷.

22 мая Сталин ответил Трумэну, изложив в качестве советских предложений то, о чем говорилось в югославской ноте, врученной накануне Стивенсону. При этом Сталин сделал основной упор на необходимость "полностью учитывать законные претензии Югославии и вклад, внесенный югославскими вооруженными силами в общее дело союзников в борьбе против гитлеровской Германии", и "считаться с тем фактом, что именно союзные югославские войска изгнали немецких захватчиков с территории Истрии – Триеста". Указанными аргументами он обосновывал центральный тезис своего ответа Трумэну: на территории, где будет установлен контроль союзного командующего, должны вместе с тем остаться находящиеся там югославские войска. Сталин подчеркивал также необходимость сохранения действующей в этом районе югославской администрации, ссылаясь на то, что она пользуется "доверием местного населения", являющегося в большинстве югославским [11. Т. 2. С. 252–254]. Свое послание Трумэну Сталин направил и Черчиллю [11. Т. 1. С. 423–424].

Текст послания был сразу же сообщен из Москвы в Белград для сведения югославского руководства, и Кардель, извещая о его содержании Тито в письме от 23 мая, так оценивал позицию, занятую Сталиным: "Мы, следовательно, сейчас имеем на этой основе русскую поддержку и можем – если англичане и американцы примут наши предложения, содержащиеся в последней ноте, – выдвинуть такие конкретные предложения о позиции нашей армии и гражданской власти, о роли нашей армии в военной администрации, которые сведут роль союзного верховного командования до степени как можно меньшего фактора" [20. № 6. Л. 74–75].

Подобная оптимистическая оценка, которой Кардель придерживался по крайней мере вплоть до начала июня, основывалась не только на послании Сталина Трумэну от 22 мая, но и на других советских действиях, предпринимавшихся в эти дни в связи с триестским кризисом.

Важное место занимала здесь, в частности, позиция, занятая как раз в тот момент советским руководством в связи с уже упоминавшимся выше третьим обращением лидера Итальянской коммунистической партии (ИКП) Пальмиро Тольятти в Москву по триестскому вопросу.

Это обращение, полученное в середине мая, было обусловлено тем, что занятие югославской армией Триеста и настойчивые заявления Белграда о своих правах даже на районы с преимущественно итальянским населением еще больше обострили ситуацию для ИКП ввиду поднявшихся в Италии протестов. В своей телеграмме, которая поступила к Г. Димитрову как заведующему отделом международной информации ЦК ВКП(б), Тольятти выразил резкое несогласие "с поведением Тито и его представителей в вопросе о Триесте". Тольятти утверждал, что заключенные прежде соглашения между ИКП и Коммунистической партией Югославии (КПЮ) предусматривали, "что вопрос о Триесте будет решен мирным путем после окончания войны", и обвинял югославов в том, что они вопреки этому действуют явочным порядком, будто вопрос об изменении восточных границ Италии и принадлежности Триеста

⁷ Садчиков передал в Москву полный текст югославской ноты от 21 мая в переводе на русский язык и дополнительно сообщил, как проходит предложенная Александром демаркационная линия между восточной (югославской) и западной зонами [17. Ф. 0144. Оп. 5в. П. 7. Д. 1. Л. 51].

"уже решен". Он подчеркивал, что такое поведение югославы "исключительно затрудняет наше положение" и "создает англо-американцам ненужную популярность". Указав на опасность ускорения образования антикоммунистического фронта в Италии, лидер ИКП заключал: "Мне кажется, что форсировать решение вопроса о Триесте и таким образом создать в Италии еще более реакционное положение, чем до сих пор, не в наших общих интересах" (телеграмма, полученная от Тольятти на русском языке, полностью цитируется – но без указания даты – в письме Димитрова Сталину 18 мая 1945 г. [21. Д. 716. Л. 45–46]). Цель обращения Тольятти в Москву была очевидна: он хотел советской директивы Белграду отступить и пойти по пути компромиссного, более приемлемого для Италии урегулирования триестской проблемы.

Однако его телеграмма, полученная Димитровым в разгар майского кризиса, по своей направленности против югославской политики как бы совпадала с обвинениями в адрес Тито со стороны западных союзников. Во всяком случае, в связи с этой телеграммой, текст которой Димитров 17 мая сообщил Тито по радиосвязи шифровкой [22. Ф. 146 б, Оп. 6. А.е. 1024. Л. 7; 23. IX. 1–II/17. Л. 50–51], Кремль посчитал нужным решение в пользу уже утвердившегося в Югославии коммунистического режима. Данные об обстоятельствах принятия этого решения довольно противоречивы.

Согласно тому, что записал в своем дневнике Димитров, 17 мая он беседовал по поводу телеграммы Тольятти (фигурировавшего под своим известным псевдонимом Эрколи) с Молотовым и в тот же день "написал Стал[ину] по вопросу о Триесте – обосновал необходимость и справедливость отдать Триест Югославии" [24. С. 479]⁸. Среди российских архивных материалов, ставших в последние годы доступными для исследования, есть датированная, правда, не 17, а 18 мая трехстраничная записка, адресованная Сталину Димитровым, который в ней высказался за передачу Триеста Югославии и за то, чтобы Тольятти открыто занял именно такую позицию. Димитров сопроводил свое предложение аргументацией, которую, по его мнению, должен был использовать руководитель ИКП: неразрывная связь Триеста с его округой, населенной югославами; особая необходимость триестского порта для Югославии; выгода для Италии в получении спокойной границы с Югославией, если Триест отойдет к последней и тем самым перестанет быть яблоком раздора [21. Д. 716. Л. 45–47]. Поскольку составлению записки предшествовал разговор ее автора с Молотовым по этому вопросу, остается неясным, исходило ли такое предложение от самого Димитрова или он, скорее, оформил и, возможно, развил то, что услышал от руководящего советского собеседника (ему он направил копию документа, представленного Сталину [21. Д. 716. Л. 48]). Но как бы там ни было, в дневнике Димитров отметил, что пять дней спустя, 23 мая, он послал Молотову проект телеграммы в адрес Тольятти, составленный "в духе моего письма Сталину (почему Триест должны отдать Югославии)" [24. С. 479]. И зафиксированное в дневнике подтверждает хранящаяся в архиве записка Димитрова Молотову от 23 мая [21. Д. 799. Л. 311]. Из этого должно следовать, что к тому времени в результате решения, принятого Сталиным, Димитрову было, очевидно, поручено составить проект советского ответа Тольятти в соответствии с предложениями, содержащимися в записке от 18 мая. Далее, 28 мая Димитров указал в дневнике, что Сталин "одобрил мою точку зрения" по триестскому вопросу и что соответствующая шифровка отправлена лидеру ИКП [24. С. 480]. Как свидетельствуют исследованные архивные документы, шифровка в самом деле была аналогична предложениям, сформулированным в записке Димитрова Сталину от 18 мая, и даже текстуально почти совпадала с ними. Тольятти было рекомендовано занять ясную позицию в пользу присоединения Триеста к Югославии и "тактично и аргументированно разъяснить ее перед итальянским народом, не боясь, что итальянские реакционеры временно могут это использовать против компартии" (в данной

⁸ Цитируемые здесь и дальше записи из дневника, сделанные Димитровым по-русски, приводятся нами в соответствии с архивным оригиналом [22. Ф. 146 б, Оп. 2. А.е. 15], чье стилистическое своеобразие не всегда полностью отражено переводом на болгарский язык в публикации дневника.

статье нами использовался текст шифровки руководителю ИКП, сообщенный одновременно в радиограмме, которую Димитров послал Тито "для сведения" [23. IX. 1–II/17. Л. 57–58]).

Однако та картина выработки принятого Кремлем решения, которая рисуется перечисленными выше документами (в той или иной мере она получила отражение в некоторых предыдущих наших работах, напр.: [25. Р. 66–67]), оказывается в противоречии с другим недавно обнаруженным архивным документом – телеграммой, отправленной 19 мая из Москвы в Белград югославским послом в СССР Поповичем. В ней Попович, ссылаясь на состоявшуюся накануне беседу со Сталиным, о которой мы уже упоминали, сообщил, что Димитров разделяет мнение Тольятти о югославских действиях в отношении Триеста как о факторе, укрепляющем фронт враждебных коммунистам сил в Италии, создающем возможность изоляции ИКП и, таким образом, наносящем ущерб общему коммунистическому делу. Из телеграммы посла следовало, что о такой позиции Димитрова он узнал из разговора с советским лидером по поводу Триеста. В телеграмме говорилось, что на вопрос Сталина о том, каково в связи с этим мнение Поповича, тот ответил, что точка зрения Тольятти и Димитрова неправильна. Посол сказал, что "по вопросу Триеста товарищи-итальянцы из страха оказываются под влиянием реакции и таким образом будут самоизолироваться", в то время как они должны действовать как раз наоборот. Сталин согласился, отметив, что Тольятти забывает об итальянских преступлениях в отношении народов Югославии, и указал, что руководителю ИКП следует открыто выступить относительно триестской проблемы. "Таким образом, – резюмировалось в телеграмме Поповича, – Сталин отверг предложения Димитрова" [26. Šk. 28. Dos. XVIII. Št. 28/3573 (XVIII–С-8)].

Столь значительное противоречие между документами, касающимися позиции Димитрова и ее роли в выработке решения Кремлем, ставит исследователя перед сложной дилеммой, чему же верить и как обстояло дело в действительности. С одной стороны, как уже говорилось, то, что изложено в дневнике Димитрова, находит подтверждение в упомянутых выше архивных материалах. С другой стороны, очень сомнительно, чтобы Попович мог просто сочинить то, о чем сообщил в телеграмме 19 мая. Но из этой коллизии логически следует, что наиболее близкой к истине должна быть такая картина событий, которая совмещала бы обе рисуемые документами версии, кажущиеся противоположными. В принципе подобное совмещение возможно, пожалуй, лишь в двух случаях.

Во-первых, если предположить, что Димитров не сразу занял ту позицию, которую он зафиксировал в дневнике, а что сначала, получив послание от Тольятти, он был склонен солидаризироваться с лидером ИКП и в этом духе информировал советское руководство, возможно, во время упомянутого в дневнике разговора с Молотовым 17 мая. В таком случае нет ничего удивительного, что Попович 18 мая услышал от Сталина именно об этом мнении Димитрова. Но поскольку, как сообщалось в телеграмме Поповича, Сталин в итоге разговора с послом выразил убеждение в ошибочности точки зрения Тольятти, то выглядит достаточно вероятным, если бы подобная оценка была спущена в виде указания Димитрову, а тот, сообразуясь с ней, тут же, вопреки своей первоначальной позиции, составил бы в соответствующем духе записку и направил ее кремлевскую властителю. Не исключено, что потому-то записка и датирована на самом деле 18, а не 17 мая, как утверждалось в дневнике. Заметим, что встреча Сталина с Поповичем 18 мая закончилась в 21 час 20 мин. [19. С. 101], так что в этот день еще оставалось время, чтобы Димитров получил такое указание и успел написать записку. Правда, ее текст составлен так, словно автор обращается по данному поводу наверх впервые. Но это вполне может быть объяснимо тогдашними правилами аппаратной игры.

Во-вторых, обе версии, рисуемые документами, оказываются совмещенными и в случае, если предположить, что Попович не вполне верно интерпретировал некоторую часть того, о чем узнал от Сталина при встрече 18 мая, прежде всего отно-

сительно позиции Димитрова. В телеграмме, посланной в Белград 19 мая, Попович сообщил о позиции Димитрова следующим образом: "Сталин дал мне прочитать текст депеши 682. Димитров на основе известия от Эрколи предложил Сталину адресовать Эрколи нам". И как далее говорилось в телеграмме посла, "из депеши видно, что Эрколи порицает нас", т.е. югославское руководство, за политику, проводимую в отношении Триеста [26. Šk. 28. Dos. XVIII. Št. 28/3573 (XVIII – С-8)]. Что это за депеша, с которой Сталин ознакомил Поповича? Говоря о ней в своей телеграмме, предназначенной для Тито, посол просто сослался на номер прочитанной депеши. Значит он исходил из того, что указанный номер уже известен Тито, который поэтому должен понимать, о чем идет речь. Вместе с тем из телеграммы Поповича следует, что депеша, которую он имел в виду, содержала текст упомянутого нами выше послания, присланного Тольятти в Москву в середине мая. Сопоставление этих двух обстоятельств делает очевидным, что подразумевалась шифровка, отправленная 17 мая Димитровым в адрес Тито с информацией о претензиях лидера ИКП. И фраза Поповича о том, что Димитров предложил Сталину адресовать Эрколи в Белград, относилась, по всей вероятности, как раз к тому, чтобы обращение Тольятти по поводу югославских действий в триестском вопросе, полученное советской стороной, переслать Тито. Видимо, на этом основании посол и решил, что Димитров поддержал позицию Тольятти. Но в самой шифровке ничего на сей счет не говорилось. Она содержала вообще лишь одну фразу Димитрова: "Передаю полученную нами от Эрколи телеграмму". А дальше в шифровке отсутствовало что-либо, кроме полного воспроизведения послания лидера ИКП [22. Ф. 146 б. Оп. 6. А.е. 1024. Л. 7; 23. IX.1–II/17. Л. 50–51]. Из этого отнюдь не ясно, посылались ли такая информация просто с целью поставить Тито в известность о возникшей проблеме, или же, как и посчитал Попович, отправкой подобной депеши фактически выражалась солидарность с точкой зрения Тольятти. Конечно, есть вероятность того, что Попович сделал свои выводы на основе каких-то дополнительных разъяснений, услышанных от Сталина. Однако в телеграмме посла от 19 мая не упоминалось о такого рода разъяснениях. К тому же нельзя исключить и того, что Попович не во всем точно понимал кое-что из сказанного ему Сталиным, возможно, из-за недостаточного знания послом русского языка. А как видно из журнала записи лиц, принятых Сталиным, на встрече 18 мая переводчика не было [19. С. 101].

На основе документального материала, который пока оказался доступным для исследования, трудно с определенностью утверждать, какой из двух изложенных выше возможных вариантов роли Димитрова ближе к истине. Но было ли так или иначе, решение, принятое в Кремле, известно: советское руководство, считая нужным на данном этапе пойти на временный компромисс с западными союзниками в вопросе о военном контроле в Триесте и западной части Венеции-Джулии, в то же время не только стремилось к тому, чтобы компромисс оставлял максимально большие возможности для Югославии, но и сделало одновременно выбор в пользу дальнейшей дипломатической борьбы за последующую – в рамках послевоенного мирного урегулирования – передачу Триеста Югославии. Комментируя в переписке с Тито советскую позицию, занятую в связи с майским обращением Тольятти, Кардель, узнавший о ней из телеграммы Поповича и сообщивший об этом Тито, делал вывод, что "Сталин, следовательно, одобрил нашу политику" [20. № 5. Л. 70]⁹.

Кардель обращал внимание и на другие советские действия в поддержку Югославии. 28 мая он писал Тито, находившемуся в Словении: "Русские нам сейчас начали очень серьезно помогать. Начали появляться в советской печати очень острые статьи в нашу пользу, в которых даже прямо ставится требование, чтобы мирная конференция признала за Югославией право на Триест" [20. № 9. Л. 82]. Кардель, очевидно,

⁹ Основываясь на полученной информации, Кардель написал югославский ответ на претензии Тольятти, адресованный последнему, а копию направил Тито [20. № 5. Л. 72; № 6. Л. 76].

имел прежде всего в виду обширную статью по триестскому вопросу, опубликованную накануне в газете "Правда". В статье давалась резко отрицательная оценка нажиму Великобритании и США на Югославию и выражалась поддержка позиции, занятой югославским правительством [27].

Возможно, появление этой статьи было вызвано (или ускорено) посланной из Белграда в Москву тревожной информацией об угрозе силовых действий западных союзников в спорной зоне. В телеграмме, отправленной 24 мая послу в СССР Поповичу заместителем министра иностранных дел Югославии Велебитом, говорилось: "Мы приняли сейчас известие, что союзнические войска движутся с линии Сочи (т.е. Изонцо. – Л.Г.) на восток. Наши войска имеют задачу воспрепятствовать их дальнейшему прорыву. Срочно сообщи о позиции Советского правительства" [26. Шк. 28. Dos. XVIII. Št. 28/3573 (XVIII – С-8)]. Речь шла о предпринятых в те дни соединениями Александра попытках расширить свое присутствие на некоторых участках спорной территории и несколько продвинуться в глубь нее. Кардель, замещавший все еще находившегося вне Белграда Тито, немедленно провел совещание с руководством генштаба и послал инструкции командованию югославских войск в районе Триеста твердо стоять на занимаемых позициях, но в то же время "избегать любых провокаций" и обратиться к представителям союзного командования с предложением взаимно воздерживаться от изменения расположения воинских частей в указанном районе до окончания переговоров правительства Югославии с правительствами Англии и США и заключения соглашения между ними [20. № 6. Л. 73; № 7. Л. 77–78]. В целом удалось в тот момент избежать значительных столкновений и серьезного нарушения сложившегося там соотношения сил между югославами и западными союзниками. Кардель, извещавший Тито о развитии событий, информировал его 28 мая, что в основном обстановка успокоилась [20. № 9. Л. 81].

Независимо от того, была ли упомянута выше статья в "Правде" обусловлена телеграммой Велебита Поповичу, у которой посол должен был проинформировать советскую сторону, или же появление статьи не вызывалось непосредственно сообщением, поступившим из Белграда, данное выступление "Правды" как раз в эти дни вновь указывало, на сей раз публично, на позицию Москвы в поддержку Югославии в триестском вопросе. Показательно, что тогда же, как Кардель сообщил Тито 28 мая, Садчиков "официально посетил Стивенсона и в очень острой форме изложил ему, формально как личное мнение, советскую позицию по вопросу о Триесте, относительно нынешнего конфликта между нами и союзниками" [20. № 9. Л. 82]¹⁰.

В целях демонстрации своей поддержки югославов Москва решила использовать вручение маршалу Ф.И. Толбухину, который командовал советскими войсками на территории Австрии и Венгрии, югославского "ордена народного героя" (войска Толбухина участвовали до того и в боях за освобождение Югославии). 25 мая Садчиков известил Карделя, что советское правительство не против, чтобы Тито встретился с Толбухиным в Любляне или Загребе, где и вручил бы ему орден. При этом, как Кардель сообщил Тито, Садчиков сказал, что "они (т.е. советское правительство. – Л.Г.) полностью понимают характер встречи в нынешнее время" [20. № 6. Л. 75]. 27 мая Садчиков проинформировал Карделя о предстоящем прибытии Толбухина в конце мая в Люблян [20. № 9. Л. 82]. Публичная церемония, во время которой Тито в присутствии Садчикова вручил Толбухину орден, состоялась 2 июня в Мариборе, и о ней сообщила вся югославская пресса (подробнее см.: [28. 1945. 3 VI]). То, что ее местом была выбрана Словения, еще больше подчеркивало символическое значение этого мероприятия как демонстрации тесной связи Югославии с СССР перед лицом триестского кризиса.

¹⁰ Вместе с этим Кардель сообщил Тито о получении телеграммы от посла Поповича, в которой говорилось, что в Москве очень довольны тем, что югославское руководство послушалось кремлевского совета о компромиссном решении с западными союзниками [20. № 9. Л. 82].

Одновременно советское руководство искало и другие пути воздействия на западных союзников в пользу Югославии. В связи с этим в Москве возникла мысль использовать некоторые различия между позицией Лондона и позицией Вашингтона. В частности, имелось в виду прозондировать возможную заинтересованность США в Югославии, в разработке ее природных ресурсов и, если такая заинтересованность проявится, попробовать с ее помощью добиться смягчения американской политики в триестском вопросе. В конце мая Молотов дал поручение Садчикову связаться на этот предмет с Тито. В поручении говорилось: "Посоветуйте югославскому правительству намекнуть американцам, что если улучшится позиция американцев в отношении югославских территориальных претензий к Италии, то тогда американцы могут рассчитывать на получение концессий на право разведки ископаемых" [18. I-3-b/616]. Кардель, которому ввиду отсутствия Тито в Белграде Садчиков передал совет Молотова, сообщил о нем Тито 28 мая. При этом Кардель так оценивал подобного рода идею: "В нынешней ситуации такое наше предложение, откровенно говоря, не имеет больших шансов на успех, но, конечно, нужно было бы его выдвинуть в какой-то удобной форме. Возможно, мы, хотя бы до мирной конференции, их (американцев. — Л.Г.) до некоторой степени подкупим" [20. № 9. Л. 82–83].

Стремясь заранее подготовиться к борьбе за свои территориальные интересы при будущем европейском мирном урегулировании и рассчитывая на советскую поддержку, правительство Югославии 25 мая передало Садчикову "Меморандум о югославских пограничных требованиях к Италии и Австрии". Садчиков переслал его в Москву. В меморандуме излагались и аргументировались претензии Белграда на Триест и всю Венецию-Джулию, а также на Каринтию и некоторые другие районы Австрии [17. Ф. 0144. Оп. 5 в. П. 7. Д. 1. Л. 16–35].

Между тем западные союзники, до конца мая не дававшие ответа на предложения, содержащиеся в югославской ноте от 21 мая, заняли затем совсем не такую позицию, как рассчитывал Кремль, когда 18 мая формулировал свои рекомендации югославскому руководству. В послании Сталину, которое было получено в Москве 31 мая, Трумэн, с удовлетворением фиксируя согласие Белграда на установление союзного военного управления в спорной зоне Венеции-Джулии, в то же время, вопреки югославским условиям, настаивал на том, что союзный командующий должен иметь право сам "определять методы осуществления гражданского управления, а также устанавливать численность югославских войск под своим командованием, которые могут находиться в этом районе". Американский президент подчеркивал, что Александер будет использовать ту "югославскую гражданскую администрацию, которая, по его мнению, работает удовлетворительно, но, особенно в центрах, в которых преобладает итальянское население, он должен располагать властью менять административный персонал по своему усмотрению" [11. Т. 2. С. 257; 12. Vol. IV. P. 1178]. Такую же позицию Вашингтон и Лондон выразили в идентичных нотах, врученных югославскому правительству 2 июня. К нотам был приложен проект соглашения, который стал основой англо-американской линии на начавшихся вслед затем в Белграде переговорах между представителями правительств Югославии, Великобритании и США [12. Vol. IV. P. 1176–1177]¹¹. Помимо права союзного командующего по своему усмотрению использовать или заменять гражданскую администрацию в зоне, которая будет находиться под его контролем, Запад требовал также ограничения югославского военного присутствия в этой зоне почти символическим контингентом всего в 2000 военнослужащих, которые должны были быть размещены в одном из районов, определенных Александером, с запрещением доступа в другие районы. Это означало фактическое отстранение югославов от реального участия в управлении территорией, отходившей под союзный контроль.

¹¹ Югославская сторона ознакомилась с нотами и проектом соглашения посольство СССР в Белграде, которое переслало в Москву перевод этих документов на русский язык [17. Ф. 0144. Оп. 5 в. П. 7. Д. 1. Л. 106–109].

Твердость, проявленная Лондоном и Вашингтоном в выдвигении своих требований как единственно возможных, сделала во многом несбыточным план, изложенный югославам Сталиным и Молотовым, и перечеркнула надежды, которые питал Кардел, выработать соответствующую этому плану югославскую ноту от 21 мая. Перед лицом жесткой западной позиции Москва и надевшийся на советскую поддержку Белград вынуждены были отступить. 9 июня в Белграде послами Великобритании и США и министром иностранных дел Югославии было подписано соглашение, соответствовавшее проекту, приложенному к нотам западных союзников от 2 июня. При подписании соглашения югославское правительство адресовалось к британскому и американскому правительствам со специальным заявлением, в котором говорилось, что таким соглашением "грубо нарушены чувства и интересы югославского населения в Истрии, Триесте и Словенском приморье, а также всех югославских народов". В заявлении указывалось, что правительство Югославии решило все-таки подписать соглашение "в стремлении избежать со своей стороны любого возможного повода для эвентуального столкновения" [6. S. 81–83]. Таким образом Белград прямо засвидетельствовал, что был вынужден принять западные требования в результате оказанного на него давления.

Советские и югославские архивные материалы, которые пока удалось исследовать, не дают, в отличие от событий мая, ясной картины того, как обсуждался между Кремлем и югославским руководством фактический ультиматум, предъявленный югославам в начале июня Англией и США. Владимир Дедиер, бывший придворный биограф Тито, утверждал, что в 1980 г. генерал Пеко Дапчевич, командовавший в июне 1945 г. югославскими войсками, расположенными в Триесте и Венеции-Джулии, сообщил ему устно о цитировавшейся в секретном приказе Тито от 6 июня 1945 г. телеграмме, полученной от Сталина. Согласно этой версии, в телеграмме Сталин требовал от Тито вывести в течение 48 часов югославские войска из Триеста, аргументируя свое требование тем, что не хочет из-за триестского вопроса быть ввергнутым в Третью мировую войну [29. S. 73, 917]. Изложенное Дедиером, за которым, кстати, водилось немало вымыслов, получило определенное распространение в историографии, в том числе было принято на веру даже рядом авторитетных авторов, например, таким крупным американским исследователем новейшей истории Югославии, как Иво Банац [30. P. 17], у которого это, в свою очередь, заимствовал один из наиболее известных специалистов по истории холодной войны Джон Гэддис [31. P. 30]. Между тем никаких документальных данных, которые бы подтверждали такую версию, до сих пор не обнаружено. Известно лишь, что 8 июня Сталин направил новое послание Трумэну по триестскому вопросу. Оно представляло собой ответ на упомянутое выше послание президента США, полученное Сталиным 31 мая, и на переданную советскому руководителю американским посольством в Москве копию требований, предъявленных югославскому правительству 2 июня. В послании от 8 июня Сталин, по сути, никак не отреагировал на западные требования. Он ограничился лишь общим пожеланием, чтобы в результате югославо-англо-американских переговоров "югославские интересы были бы должным образом удовлетворены и чтобы весь вопрос о теперешнем напряженном положении в районе Истрии–Триеста был благополучно разрешен" [11. Т. 2. С. 260]. Столь робкое по сравнению с его предыдущим посланием Трумэну от 22 мая напоминание о "югославских интересах" выглядело скорее дежурной фразой, нежели демонстрацией решимости защищать их. Фактически Сталин уклонился от выражения отношения к условиям, выдвинутым Лондоном и Вашингтоном.

Очевидно, кремлевский властитель пришел на сей раз к выводу, что западные союзники не намерены отступать от своих требований, изложенных югославам 2 июня, и что противостояние этим требованиям сопряжено лишь с опасностью эскалации триестского кризиса. К такому выводу Сталина, возможно, подтолкнул неудачный для Белграда и Москвы опыт спора с Лондоном по поводу присутствия югославских войск в Австрии.

Еще 12 мая Тито получил от посла Стивенсона ноту, в которой от имени британского правительства предлагалось, "чтобы все югославские силы, находящиеся в данный момент в Австрии, были немедленно выведены и чтобы югославское правительство уважало границу 1937 г. как временную границу между Австрией и Югославией до окончательного утверждения границы на мирной конференции" [3. S. 553]. Югославам была направлена и американская нота того же содержания [12. Vol. V. P. 1319–1320]. Речь шла о югославских войсках, которые, как уже говорилось выше, находились на территории Каринтии, отходившей в британскую зону оккупации. Как раз в это время туда вошли и стали размещаться английские войска. 13 мая Тито в переданной Стивенсону ответной ноте адресовал британскому правительству просьбу разрешить югославским воинским частям остаться на позициях, занятых ими на территории, отошедшей в английскую зону. При этом он апеллировал как к тому, что Югославия является союзной страной, чьи войска перешли границу с Австрией, преследуя "врага, который не подчинился условиям капитуляции", так и к тому, что правительство СССР согласилось на размещение югославских войск в советской зоне оккупации. Используя советское согласие в качестве прецедента, Тито предлагал, чтобы югославские силы в британской зоне были под верховным командованием Александера, подобно тому, как югославские части в советской зоне будут под командованием Толбухина. Югославский руководитель заверял, что такое решение никак не предопределяло бы результатов будущей мирной конференции [6. S. 48–49]. Такой же ответ был направлен и правительству США [12. Vol. V. P. 1322–1323]. Это предложение в значительной мере напоминало комбинацию, которую пять дней спустя, 18 мая, Сталин предложил югославам в отношении Триеста и западной части Венеции-Джулии. Как уже говорилось выше, упомянутая комбинация была рассчитана на то, чтобы в условиях вынужденного согласия на контроль со стороны Александера все-таки сохранить югославское присутствие в Триесте и западной части Венеции-Джулии и тем самым дать Белграду важный шанс для дальнейшей борьбы за них. Едва ли есть основание сомневаться в том, что предложение Тито по поводу сохранения югославского военного присутствия, хотя бы под верховным командованием Александера, в районах Каринтии, отходивших в британскую зону, было направлено к аналогичной цели относительно этих районов.

Однако из югославской попытки ничего не вышло. 17 мая Тито получил от Стивенсона новую британскую ноту, в которой отвергалось предложение Белграда. В ноте подчеркивалось, что Лондон не может согласиться с участием югославских войск в оккупации на территории британской зоны, принимая во внимание именно югославские территориальные требования к Австрии. "Занятие югославскими частями тех территорий, на которые претендует югославское правительство, наверняка повлияло бы на нынешнее положение в этих районах, о которых правительство Его Величества считает себя обязанным заботиться до окончательного решения". В ноте было повторено требование, чтобы Тито приказал вывести югославские войска из британской зоны [3. S. 554]. Посол США в Белграде получил из Вашингтона указание поддержать британскую позицию [12. Vol. V. P. 1323–1324]). Более того, еще 14 мая посольство Великобритании в Москве направило в НКВД СССР письмо, содержащее возражения британского правительства и против советского намерения разрешить в своей зоне участие югославских войск в оккупации Австрии (сведения об этом письме см.: [32. С. 394; 12. Vol. V. P. 1322]). Твердость, проявленная в этом вопросе англичанами, не оставляла ни югославам, ни их советским покровителям выбора. 19 мая Тито ответил Стивенсону официальной нотой, в которой югославское правительство информировало о том, что оно дало приказ частям югославской армии на территории британской зоны оккупации Австрии отойти на линию довоенной югославо-австрийской границы. Сопровождавшие эту информацию выражение сожаления Белграда по поводу позиции Лондона и повторение аргументов в пользу югославской точки зрения носили ритуально-пропагандистский характер и были лишены практического значения. В ноте признавалось, что югославское правитель-

ство вынуждено отвести войска ввиду требований Англии и поддержавших ее США [6. С. 59–60]. Такая же нота была вручена послу США в Белграде [12. Vol. V. P. 1325]. Что же касалось пребывания югославских частей в советской зоне оккупации, то Москва, протянув больше двух недель после демарша, предпринятого по этому поводу британским посольством 14 мая, попыталась в своем ответе посольству 31 мая оспорить аргументы англичан и настаивала на правомерности своего решения [32. С. 394–395]. Однако это было скорее стремлением сохранить лицо, ибо после вывода югославских частей с территории Каринтии, отходившей в британскую зону, военное присутствие югославы в советской зоне теряло практический смысл: оно больше не могло служить прецедентом для сохранения югославских войск в Каринтии, как рассчитывали Сталин и Тито. К тому же ввиду решительной позиции англичан, поддержанных американцами, от размещения югославских сил в советской зоне оккупации тоже пришлось встать за тем отказаться¹². Не исключено, что это повлияло и на расчеты Сталина в случае с триестской проблемой.

Перед исследователем встает также вопрос, сказался ли на позиции Сталина в начале июня 1945 г. инцидент, как раз в те дни произошедший в отношениях между Кремлем и руководством Югославии в связи с речью, произнесенной Тито на митинге в Любляне 26 мая. Сохранявшийся тогда и Москвой, и Белградом в строгой тайне, этот инцидент впервые получил огласку только в ходе советско-югославского конфликта 1948 г. и затем неоднократно упоминался в историографии, но его интерпретация, как правило, несла на себе отпечаток пропагандистских версий, сформировавшихся во время конфликта 1948 г.

Свою речь в Любляне 26 мая, когда югославское руководство ожидало, каков будет ответ Лондона и Вашингтона на югославскую ноту с предложениями по триестскому вопросу от 21 мая, Тито почти целиком посвятил отстаиванию права Югославии на Венецию-Джулию, а также Каринтию. Он выразил резкое недовольство позицией западных союзников, вынудивших югославские войска покинуть Каринтию и потребовавших такого же вывода югославских сил из Триеста и прилегающих районов Словенского приморья. Одновременно он решительно осудил выступления западной печати против действий Белграда в ходе майского кризиса. Однако Тито употреблял в речи просто формулировку "союзники", без специального уточнения, что речь идет именно о западных державах, о Британии и США¹³. В этом контексте он заявил, что "мы не хотим платить по чужим счетам, мы не хотим быть разменной монетой, мы не хотим, чтобы нас вмешивали в какую-то политику сфер интересов", "мы больше не хотим быть ни от кого зависимыми, не смотря на то, что писалось и что говорилось". Как можно понять, Тито имел в виду появившиеся в некоторых западных масс-медиа утверждения о том, что, согласно договоренностям "большой тройки", Триест находится в сфере западных, а не советских интересов и это исключает удовлетворение претензий на него со стороны Югославии, находящейся под советским влиянием. Между тем советская сторона посчитала, что такое публичное заявление югославского руководителя может быть истолковано как осуждающее не только западных союзников, но и политику Москвы.

Неделю спустя после опубликования речи Тито в югославской печати, 4 июня, советник посольства СССР в Югославии Д.С. Чувахин посетил Карделя (последний по-прежнему замещал Тито, все еще не возвратившегося в Белград) специально для

¹² Фиксируя тот факт, что югославские войска не смогли в итоге принять участие в оккупации Австрии в советской зоне, ряд западных авторов не упоминал, однако, обо всех названных здесь обстоятельствах и тем самым рисовал не соответствующую действительности картину, будто советская сторона просто отказала югославам, подобно тому, как сделали западные союзники (см., например, известную работу английского исследователя Стефена Клиссолда, опубликованную в качестве введения в [33. P. 45]).

¹³ Речь была тогда опубликована в югославской печати, ее полный текст см. [28. 1945. 28 V], а также [6. С. 67–70]. После инцидента, в период до советско-югославского конфликта 1948 г., текст речи Тито переиздавался с исправлениями, в частности в него задним числом была включена формулировка "западные союзники" (см., напр. [34. С. 22]).

того, чтобы задать ему вопрос, что именно «маршал (т.е. Тито. – Л.Г.) имел в виду, когда говорил "об оплате чужих счетов", "разменной монете" и "о политике сфер влияния"». В тот же день несколько часов спустя уже сам посол Садчиков, "беседуя с Карделем по другим вопросам, спросил его относительно этих же выражений в речи Тито" (телефонограмма Садчикова в Москву 4 июня 1945 г. [17. Ф. 0144. Оп. 29. П. 116. Д. 16. Л. 7]). В документах, с которыми пока удалось ознакомиться в российских архивах, нет данных о том, действовали ли Чувахин и Садчиков по собственной инициативе или выполняли поручение, полученное из Москвы. Однако ряд обстоятельств говорит скорее в пользу последнего. Во-первых, с вопросом к Карделю, причем крайне настойчиво – сначала Чувахин и вслед за ним Садчиков, обратились не сразу, а только через неделю после того, как посольство могло из прессы ознакомиться с речью Тито. Наиболее логично такая задержка была бы объяснима как раз тем, что это время ушло на получение и рассмотрение советским руководством информации о содержании речи Тито, после чего посольству в Белграде дали указание задать вопрос Карделю. Во-вторых, в телефонограмме о беседах с Карделем, посланной Садчиковым в Москву, об этих беседах говорилось без всякого объяснения того, почему Карделю задали такой вопрос. Это может скорее всего означать, что причина предпринятой акции была Москве хорошо известна. В-третьих, текст полученной в НКВД СССР от Садчикова телефонограммы был направлен в самую высокую инстанцию: его разослали так называемой "пятерке" в советском руководстве, которая в то время занималась внешнеполитической сферой, – Сталину, Молотову, члену политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микояну и кандидатам в члены политбюро Л.П. Берия и Г.М. Маленкову [17. Ф. 0144. Оп. 29. П. 116. Д. 16. Л. 8]. То, что вовсе не первичная информация о речи Тито и даже не изложение мотивов, которыми руководствовался при этом югославский руководитель, а запоздавшее на неделю выяснение у Карделя смысла употребленных Тито формулировок было сразу разослано в столь высокий адрес, наводит на мысль, что советские дипломаты в Белграде послали телефонограмму в качестве донесения о шаге, предпринятом с ведома упомянутой "пятерки", а фактически Сталина.

В телефонограмме говорилось, что ответ, данный Карделем Чувахину и Садчикову, сводился к следующему:

"По мнению Карделя, Тито имел в виду только политику англо-американцев и их игру с итальянскими империалистами. Тито, по словам Карделя, хотел лишь подчеркнуть, что Югославия не будет разменной монетой в руках англичан и американцев в их торге с итальянскими империалистами.

Под политической сферой влияния Тито, по-видимому, имел в виду политику англичан в Югославии. Имеется, сказал Кардель, личное письмо Черчилля на имя Тито, в котором указывается, что Англия особенно заинтересована в Югославии и поэтому считает нежелательным расширение на ее территории интересов других государств.

Эти выражения, – продолжал Кардель, – не относятся к Советскому Союзу. Напротив, формулой нашей независимости было и остается – союз и опора на Советский Союз. Другого пути укрепления нашей независимости мы не знаем. Мы видим, что советское правительство сделало все возможное, поддерживая нас по вопросу о Приморье и Триесте" [17. Ф. 0144. Оп. 29. П. 116. Д. 16. Л. 7].

Как видно из телефонограммы, советские собеседники Карделя не удовлетворились таким объяснением и задали новый вопрос: не кажется ли ему, "что не вполне ясные формулировки могут вызвать лишь недоумения и прямо ошибочные толкования". В частности Садчиков сказал, что "трудно говорить об оплате союзниками каких-то счетов в пользу Италии, ибо союзники в прямом смысле слова не задолжали у итальянцев". Садчиков особо отметил, что "эти недоразумения", которые порождает речь Тито в Любляне, "могут усилиться в связи с общим контекстом речи, в котором ничего не говорится об особых отношениях с Советским Союзом, и в деле освобождения Словении отмечается лишь роль словенцев и ни одним словом не упоминается о действиях Красной Армии". Телефонограмма посла свидетельствует о том,

что перед лицом подобных аргументов Кардель был вынужден признать правомерность соображений, высказанных с советской стороны, и сам дал критическую оценку формулировок речи Тито, о которых говорили Чувахин и Садчиков. "Кардель сказал, – сообщалось в телефонограмме, – что он согласен с тем, что приведенные выражения Тито являются неточными и двусмысленными. Они (т.е. руководящие югославские деятели, находившиеся в Белграде. – Л.Г.), по словам Карделя, специально обратили внимание на эти выражения". При этом Кардель сказал, что и в речи Тито в Загребе, которая была произнесена за несколько дней до люблянкой речи, имеются "неточные и невыгодные для настоящего момента" формулировки по вопросам внутренней политики [17. Ф. 0144. Оп. 29. П. 116. Д. 16. Л. 7–8].

Возможно, Кардель пытался таким способом убедить советскую сторону в том, что вызвавшие ее недовольство формулировки, которые содержала речь в Любляне, вовсе не являются чем-то экстраординарным и специально связанным с отношением к СССР, а представляют собой обычные ошибки, встречающиеся в речах Тито и по поводу внутриюгославских дел. В качестве причины таких ошибок Кардель сослался на то, что Тито "никогда своих речей не пишет, выступает экспромтом и о содержании своих речей предвзвешивает ни с кем не советуется". Судя по все той же телефонограмме Садчикова 4 июня, посол был склонен во многом принять подобное объяснение. Во всяком случае он отметил в телефонограмме, что "Тито по-видимому действительно выступил в гор[оде] Любляне экспромтом" и что "во время встречи в гор[оде] Марибор", т.е., очевидно, при встрече Тито с маршалом Толбухиным и Садчиковым в Мариборе 2 июня, у руководителя Югославии "можно было заметить желание также оправдаться по поводу этой речи". По оценке посла, "оправдание это было до глупости наивным". И далее Садчиков цитировал: "Когда я произносил свою речь, – сказал Тито, – начался дождь с градом. Дождь и град били меня по носу и лицу, и это так рассердило меня, что я произнес такую злую речь" [17. Ф. 0144. Оп. 29. П. 116. Д. 16. Л. 8].

Между тем советское руководство, ознакомившись с телефонограммой, таких объяснений не приняло. 5 июня, на следующий же день, Садчиков получил из Москвы указание заявить югославскому правительству, что "речь тов. Тито мы считаем недружелюбным выпадом против Советского Союза, а объяснения тов. Карделя – неудовлетворительными". Послу поручалось передать Тито, "что если он еще раз допустит такой выпад против Советского Союза, мы будем вынуждены ответить открытой критикой в печати и дезавуировать его". Садчиков немедленно, 5 июня, выполнил инструкции и сообщил то, что ему было поручено, Карделю, поскольку к тому времени Тито еще не вернулся в Белград. Информировав Москву об этом, посол указал, что переданное им Карделю произвело на последнего "тяжелое впечатление", и он согласился с советской оценкой речи Тито, считая советскую позицию правильной. Согласно донесению посла, Кардель при этом "очень осторожно" критиковал Тито, сказав, что тот "иногда склонен рассматривать Югославию, как нечто самодовлеющее вне общей связи с развитием пролетарской революции и социализма", а югославскому руководству "не хватает коллективности в работе", так что "фактически каждый из нас предоставлен самому себе" (указание Садчикову и его донесение о беседе с Карделем 5 июня цитировались затем в советско-югославской переписке во время конфликта 1948 г. [35]). В сущности, Кардель продолжил этим уже сказанное им Садчикову накануне о том, что Тито произносит свои речи, ни с кем не советуясь. Но если 4 июня объяснения Карделя сводились к тому, что у Тито случаются из-за этого просто неудачные формулировки, то на сей раз перед лицом жесткой советской позиции он говорил и о недостаточном учете руководителем Югославии общего развития "пролетарской революции и социализма", т.е. прежде всего практически интересов советской политики.

Если верить Любодрагу Джуричу, который был тогда шефом кабинета Тито, сразу после этой беседы с Садчиковым Кардель был полон негодования, что Тито "болтает всякую всячину", а ему, Карделю, приходится "таскать каштаны из огня" [36. С. 285].

Согласно же мемуарам Милована Джиласа, тогда одного из трех наиболее близких к Тито членов югославского коммунистического руководства, он вместе с двумя другими из этой тройки – Александром Ранковичем и Карделем по инициативе последнего отправились к Тито, возвратившемуся в Белград, и поставили перед ним вопрос о необходимости немедленно загладить инцидент с СССР, с чем Тито тут же согласился [37. С. 81].

Судя по исследованным документам, данный инцидент больше не фигурировал в советско-югославских отношениях вплоть до конфликта 1948 г., когда история с люблянкой речью была вновь извлечена на свет советским руководством и использована в обвинениях, выдвинутых Москвой против Белграда. В ответ на эти обвинения югославы специальным документом политбюро ЦК КПЮ, текст которого был использован в предисловии к брошюре с советско-югославской перепиской 1948 г., изданной тогда же властями Югославии, опровергали советские утверждения о том, что Тито в своей речи в Любляне имел в виду не только западных союзников, но и СССР¹⁴. Однако позднее, по мере того, как в ходе конфликта Белград выдвинул версию о том, что столкновение с СССР началось еще с периода Второй мировой войны, югославская официальная пропаганда, а вслед за ней историография развернулись на 180 градусов: с начала 1950-х годов речь Тито в Любляне стали характеризовать как направленную на самом деле и против Советского Союза ввиду отсутствия желаемой советской поддержки Югославии в триестском вопросе. Эта новая версия получила широкое распространение и в западной историографии.

Остается, однако, вопросом, какое из двух югославских утверждений соответствовало истине. До сих пор не обнаружено никаких документальных данных, которые бы прямо свидетельствовали в пользу одного либо другого. Но если принять во внимание, что речь Тито 25 мая была произнесена до отступления Сталина перед западными союзниками, происшедшего лишь в начале июня, а стало быть, она отражала настроения югославского руководства в тот период, когда, как уже говорилось выше, Москва оказывала поддержку Белграду и в югославских верхах были довольно оптимистические прогнозы, весьма сомнительно, чтобы Тито сознательно решился на публичное выступление, нацеленное и против СССР. Югославская версия, выдвинутая в 1950-е годы, была, очевидно, продиктована проявившимся с этого времени стремлением представить югославский режим как якобы всегда находившийся в оппозиции к сталинизму, что, однако, не соответствовало действительности до конфликта 1948 г.

Что же касалось оценки речи Тито самим Сталиным, то, как видно из советского демарша, предпринятого 5 июня 1945 г. через Садчикова, кремлевский властитель усмотрел тогда в выступлении югославского лидера скрытую критику и в свой адрес. Это, конечно, могло оказать на него определенное влияние, когда в первых числах июня он выработывал свою позицию в ответ на послание Трумэна, полученное 31 мая, и на ноты англичан и американцев югославам 2 июня. Однако подлинное выяснение того, воздействовал ли инцидент, вызванный люблянкой речью Тито, на позицию, занятую Кремлем в триестском вопросе в начале июня 1945 г., а если воздействовал, то в какой мере, возможно лишь на основе дальнейших архивных изысканий, пока существенно затрудненных все еще значительной недоступностью такого рода материалов в отечественных архивах.

Но какие бы соображения ни оказали в тот момент влияния на выводы, делавшиеся Сталиным, очевидно, что перед лицом решительной западной позиции Москва и надевшийся на советскую поддержку Белград вынуждены были отступить. Об этом

¹⁴ В документе под названием "Замечание политбюро ЦК КПЮ", который был составлен в мае 1948 г., говорилось, в частности, что "заявление товарища Тито в Любляне ни в коем случае не относилось к Советскому Союзу, а исключительно к западным империалистическим державам" [23. IX. 1–1/22. Л. 52]. В предисловии к брошюре с советско-югославской перепиской 1948 г. говорилось по поводу речи Тито в Любляне, что "вся критика, высказанная товарищем Тито, направлена исключительно против западных держав" [38. С. 5].

ясно свидетельствовали и ответное послание Сталина Трумэну 8 июня, и соглашение Югославии с Англией и США, подписанное в Белграде 9 июня.

Правда, в ходе происходивших с 13 по 20 июня 1945 г. в Дуино переговоров между югославскими и западными военными представителями о применении белградского соглашения югославская делегация, возглавлявшаяся начальником генштаба генералом Арсо Йовановичем, пыталась хотя бы частично изменить ситуацию. Соглашение, заключенное в Белграде 9 июня, носило в значительной мере рамочный характер, а на переговорах в Дуино должно было быть выработано и подписано дополнительное соглашение, в котором бы конкретизировались детали и порядок осуществления того, что определялось документом от 9 июня. Используя это обстоятельство, югославская сторона стремилась в Дуино к фактической ревизии некоторых положений белградского соглашения.

Наибольшие усилия были направлены на то, чтобы добиться от западных союзников обязательства сохранить в зоне, отходящей под их военное управление, органы югославской гражданской власти. Предусматривая, что в этой части Венеции-Джулии будет использована та югославская гражданская администрация, "которая по мнению союзного верховного командующего действует удовлетворительно", но что союзное военное управление полномерно в отдельных местах "использовать любые гражданские власти, которые считает наилучшими", а также "менять административный персонал по своему усмотрению" [6, S. 81], белградское соглашение фактически позволяло Александру ликвидировать установленные югославами органы власти на территории западной зоны. К этому, в частности, западное командование сразу же приступило в Триесте. Кардель, находившийся тогда в Словении и сообщивший в Белград югославскому руководству о том, что 13 июня власть в Триесте перешла в руки западных союзников, телеграфировал Тито 14 июня: "Сегодня интернировали наших руководящих товарищей в Триесте и выгнали из помещения отделы Народно-освободительного комитета" (с этими телеграммами югославская сторона ознакомила посольство СССР в Белграде, а оно прислало их перевод на русский язык в Москву [17. Ф. 0144. Оп. 5 в. П. 7. Д. 1. Л. 111–112]). Стремясь воспрепятствовать такому развитию событий, Тито 15 июня послал радиogramму оставшемуся в те дни в Словении Карделю и главе югославской делегации в Дуино генералу Йовановичу, требуя неукоснительно добиваться от западных партнеров по переговорам, "чтобы гарантировалось уважение существующих народных властей". "Замена отдельных гражданских органов и, соответственно, установление новых на демократической основе должны быть согласованы с нашими властями", – говорилось в радиogramме. Тито особо подчеркивал, что югославская сторона не может согласиться на создание заново западными союзниками каких-либо полицейских, административных и других органов на территории, отошедшей под управление Александра [26. Šk. 28. Dos. XVIII. Št. 28/3580 (XVIII – C-15)]. Соответственно, югославская делегация на переговорах в Дуино представила в тот же день, 15 июня, меморандум, которым, формально не оспаривая предусмотренного белградским соглашением, предлагалось, чтобы "в случае, если союзное военное управление не будет удовлетворено работой административного персонала или каких-то органов гражданского управления", все необходимые замены производились не самими союзниками, а по их требованию так называемым краевым народным комитетом, т.е. высшим югославским органом гражданской власти, действовавшим на этой территории [6. S. 106; 39. P. 843–844]. Принятие такого условия означало бы, что система администрации, установленная там ранее югославами, на самом деле оказывалась бы обязательной для западных союзников.

Более того, руководство Югославии не оставляло и мысли прямо пересмотреть указанные белградским соглашением жесткие ограничения в отношении югославского военного присутствия в зоне, перешедшей под контроль Александра. В радиogramме, которую Тито направил Карделю и Йовановичу 15 июня, содержалась директива добиваться на переговорах в Дуино, чтобы вместо численности югославского воинского контингента в 2000 человек и его расквартирования лишь в одном опре-

деленном районе, как предусматривалось белградским соглашением, англо-американские представители согласились на увеличение контингента до 6000 человек и его размещение в наиболее важных центрах западной зоны, включая сам Триест, а также в ряде более мелких пунктов [26. Šk. 28. Dos. XVIII. Št. 28/3580 (XVIII–C-15)].

Однако переговоры в Дуино оказались для югославов чрезвычайно трудными с самого начала. Об этом Кардель телеграфировал Тито еще 14 июня. Кардель квалифицировал позицию представителей Александра на переговорах как враждебную и даже дерзкую [17. Ф. 0144. Оп. 5 в. П. 7. Д. 1. Л. 112]. Причина такой характеристики была в том, что западные союзники отказывались удовлетворять югославские претензии. В соответствии с этой позицией генерал Морган, являвшийся представителем Александра на переговорах в Дуино, направил 16 июня генералу Йовановичу отрицательный ответ на югославское требование относительно гражданской администрации в западной зоне [39. Р. 844–846; 6. S. 106–108]. Подобный ответ ставил югославскую сторону перед проблемой, как действовать дальше. Сложность положения усугублялась для нее тем, что поскольку белградское соглашение предусматривало, чтобы 12 июня Тито отвел свои войска из зоны, передаваемой под контроль Александра [6. S. 81], югославы были вынуждены выполнить это условие уже к началу переговоров в Дуино [10. S. 24]. А лишившись своего военного присутствия на спорной территории, они утратили и всякую возможность торговаться с западными союзниками. Ведь последние, уже получив под свое управление эту зону, вообще могли в крайнем случае обойтись без достижения соглашения в Дуино.

Из обнаруженной нами недавно в архиве радиোগраммы Тито, посланной Карделю 18 июня, видно, что в сложившейся ситуации руководитель Югославии надеялся лишь на то, что необходимое давление на англичан и американцев все-таки окажет Кремль. Поскольку в радиোগрамме говорилось об ожидании ответа советского правительства, очевидно, что Тито перед этим обратился с соответствующей просьбой в Москву. Из того, что он писал Карделю, можно понять, что узнав о западном отказе, последовавшем 16 июня, глава югославского режима решил оттянуть продолжение переговоров в Дуино до получения советского ответа. Однако к 18 июня ответа так и не было, а судя по той же радиোগрамме, Тито был изведен югославской делегацией в Дуино, что дальше откладывать переговоры ей не удастся. В лихорадочном поиске выхода из положения югославский лидер 18 июня сначала дал инструкции Карделю, чтобы делегация в Дуино продолжила переговоры и пошла на частичные уступки, заявив об отказе от требования увеличить численность югославского воинского контингента, которому предстояло быть размещенным в западной зоне. Но вместе с тем она должна была по-прежнему упорно настаивать на признании Александром югославской гражданской власти, не подписывая без этого никакого соглашения. Директива Тито предусматривала, чтобы делегация попыталась протянуть переговоры до следующего дня, 19 июня, когда, как он формулировал, она получит "окончательное решение". Вероятно, он рассчитывал, что к тому времени югославское руководство уже будет иметь советский ответ. Однако Тито одновременно боялся, как бы перед лицом нового затягивания переговоров югославами западные союзники сами не прервали встречу в Дуино, поставив Белград перед совершившимся фактом. Он через Карделя предостерегал югославскую делегацию о такой опасности и требовал от нее сообщений о реакции западных представителей на затяжку переговоров. Между тем через несколько часов от Тито последовала новая директива, адресованная Карделю и Йовановичу. Теперь он был готов пойти на дальнейшие более чем серьезные уступки: "Добейтесь хотя бы каких-нибудь гарантий об уважении гражданских властей. Если они (т.е. западные представители в Дуино. – Л.Г.) не согласятся, тогда можете подписать согласие о демаркационной линии и остальных пунктах, по которым достигнуто согласие, а о гражданской власти можете сделать заявление, что не удалось достигнуть согласия". Столь стремительное, в течение все того же 18 июня, отступление от прежних позиций объяснялось в этой радиোগрамме Тито следующим образом: "Это нужно для того, чтобы у западных союзников не было аргументов для

выдвижения новых требований, таких, как оккупация Западной Истрии" [26. Šk. 28. Dos. XVIII. Št. 28/3580 (XVIII – C-15)].

Вторая директива, которую Тито послал 18 июня, в итоге и определила финал переговоров в Дуино. Поскольку никаких изменений западной позиции по вопросу о гражданской власти югославская делегация добиться так и не могла, она пошла на заключение соглашения без удовлетворения ее претензий по этому вопросу. Подписанное Йовановичем и Морганом 20 июня соглашение конкретизировало то, что в более общем виде было определено белградским соглашением от 9 июня, но при этом все условия последнего сохранялись полностью [6. S. 98–105]. Восточная зона, которую Югославия получила под свое управление, включила большую часть Венеции-Джулии, но в западной зоне, которая отошла под управление Александра и охватывала Триест с прилегающей территорией, а также район Пулы и порты на западном побережье Истрии, Белграду не удалось сохранить ни военного присутствия, кроме символического, ни своей гражданской власти. Западные союзники пошли лишь на то, чтобы одновременно с соглашением в Дуино Морган подписал вместе с Йовановичем "Примечание о гражданской администрации зоны Венеции-Джулии, поступающей под союзное военное управление". Это "Примечание..." состояло из трех пунктов. В первом фиксировалось, что югославская делегация передала меморандум с предложениями о гражданской администрации, т.е. меморандум от 15 июня, о котором шла речь выше. Во втором пункте констатировалось, что союзное верховное командование дало на этот меморандум ответ, т.е. ответ от 16 июня, который был отрицательным. В третьем пункте говорилось, что югославская делегация не может считать ответ удовлетворительным и оставляет за собой право "поставить этот вопрос дипломатическим путем" [6. S. 105; 39. P. 843].

Кроме радиограмм Тито от 18 июня, о которых говорилось выше, в архивных материалах, оказавшихся до сих пор доступными для исследования, пока не обнаружено документов об обстоятельствах столь стремительного, всего на протяжении нескольких часов, отступления югославского руководства от своих требований. А сами радиограммы оставляют в значительной мере неясным, что именно толкнуло Тито в тот день на такое решение. Почему у него вдруг возникли столь серьезные опасения, что западные союзники сами прекратят переговоры в Дуино или будут настаивать на оккупации ими Западной Истрии? Получил ли он тогда такие сведения из источника, который считал надежным? И что это был за источник? Не исключено, что подобного рода информация поступила к Тито от югославской делегации в Дуино, у которой могло сложиться соответствующее впечатление от разговоров с западными представителями. В исследованных архивных материалах нет сообщений, посылавшихся Йовановичем в Белград. Но обращает на себя внимание одно весьма любопытное обстоятельство. Как сообщалось 22 июня 1945 г. в телеграмме американского посла в Италии Александра Кёрка заместителю государственного секретаря США Джозефу Грю, генерал Морган по завершении переговоров рассказал, сколь трудно было склонить генерала Йовановича к подписанию соглашения и какими способами этого удалось достигнуть. Причем подробности того, о чем говорил Морган, даже спустя 15 лет госдепартамент США при публикации телеграммы предпочел исключить [39. P. 849]. Возможно, западная сторона намеренно создавала у Йовановича представление о том, что при дальнейшем затягивании переговоров она предпримет шаги, которые еще больше осложнят ситуацию для югославы. Но пока не будут обнаружены необходимые документы, вряд ли удастся сделать более определенные выводы.

Возникает и вопрос относительно того, с какой целью 19 июня последовало сообщение правительственного телеграфного агентства Югославии ТАНЮГ, в котором публично излагалось югославское требование от 15 июня относительно гражданской власти и говорилось о застое в переговорах, ответственность за который возлагалась на западных союзников, не соглашающихся удовлетворить это требование. Утром следующего дня сообщение ТАНЮГ было опубликовано в югославской печати

[6. С. 97–98]. В одной из предыдущих работ нами высказывалось мнение, что такая публичная акция была призвана оказать нажим на англичан и американцев [40. С. 59]. Но подобная трактовка, пожалуй, лишается оснований ввиду найденных теперь радиogramм Тито от 18 июня. Если, как выясняется, уже тогда югославское руководство решило отступить, то какой смысл имела бы акция нажима в виде сообщения ТАНЮГ 19 июня, а тем более публикация этого сообщения в прессе 20 июня, в тот день, когда как раз подписывалось соглашение в Дуино? В свете упомянутых радиogramм возникает, наоборот, впечатление, не было ли названное сообщение пропагандистским шагом, призванным подготовить население Югославии к последовавшему затем известию о заключении соглашения на условиях, продиктованных западными союзниками. Ведь сообщение ТАНЮГ рисовало картину того, как югославское руководство борется за справедливые требования, которые, однако, беззастенчиво саботируются англо-американцами. В создаваемой таким образом психологической атмосфере официально Белграду было до известной степени легче сохранить лицо, когда вынужденное подписание соглашения стало фактом.

Наконец, поскольку в первой из рассматривавшихся нами радиogramм от 18 июня Тито, по сути, ставил югославские возможности на переговорах в Дуино в зависимость от позиции Кремля, особое значение приобретает вопрос о том, было ли – и насколько – принятое им через несколько часов решение отступить обусловлено советским фактором. До сих пор нет никаких данных, что 18 июня в Белграде был получен какой-нибудь советский ответ относительно переговоров в Дуино, столь ожидавшийся руководителем Югославии, как нет сведений и о каком-либо ответе Москвы югославам на эту тему даже в последующие дни. Но ясно, что к решению отступить, принятому 18 июня, югославский лидер мог прийти только либо при получении советского сообщения о невозможности добиться того, чего хотели югославы, либо если в тот день советского ответа так и не было, а Тито, потеряв надежду, на основе поступившей к нему информации счел, что дальнейшее ожидание чревато опасностью ухудшения ситуации для югославской стороны. Очевидно также, что даже после того, как 18 июня Тито послал вторую директиву делегации в Дуино, соглашение в таком виде все-таки не было бы заключено, если бы до момента, когда произошло его подписание 20 июня, последовал хоть сколько-нибудь обнадеживающий ответ из Москвы.

В свете сказанного выглядит несколько странным, что на следующий день после подписания соглашения в Дуино Кремль тем не менее выступил перед правительствами Англии и США в поддержку югославских требований, уже перечеркнутых соглашением. 21 июня Сталин направил Черчиллю и Трумэну идентичные послания, в которых заявлялось, что переговоры между югославами и западными союзниками, "как видно, зашли в тупик", и в качестве причины такого положения повторялись те же самые обвинения, что и в сообщении ТАНЮГ от 19 июня. В посланиях говорилось, что "представители Союзного Командования на Средиземном море не хотят считаться даже с минимальными пожеланиями югославов, которым принадлежит заслуга освобождения от немецкого захватчиков этой территории, где к тому же преобладает югославское население". Сталин выражал мнение, что "такое положение нельзя считать удовлетворительным". Явно с целью утяжелить обвинения в адрес западных держав он задним числом осудил "тон ультиматума" в британской и американской нотах правительству Югославии от 2 июня и сделанное Александером еще 19 мая и уже упоминавшееся нами выше заявление, в котором действия Тито по занятию Триеста и западной части Венеции-Джулии сравнивались с практикой, присущей фашистской оси. "Все это, – писал советский руководитель, – заставляет меня обратить Ваше внимание на создавшееся положение. Я по-прежнему надеюсь, что в отношении Триеста-Истрии справедливые югославские интересы будут удовлетворены, особенно имея в виду, что в основном вопросе (т.е. о передаче спорной зоны под контроль Александера. – Л.Г.) югославы пошли навстречу союзникам" [11. Т. 1. С. 435–436; Т. 2. С. 267].

Подобно многим другим случаям, касающимся действий Сталина, здесь опять возникают загадки относительно того, как, когда, с учетом какой информации и с какой целью принималось им решение направить такие обращения главам правительств Англии и США. Документальные данные на сей счет тоже пока не удалось обнаружить в соответствующих отечественных архивах то ли из-за действительного их отсутствия там, то ли из-за фактически сохраняющейся недоступности. В самих посланиях, о которых идет речь, бросается в глаза, во-первых, что они выдержаны Сталиным в несравненно более жестком тоне, нежели написанное им Трумэну 8 июня, когда он фактически уклонился от сколько-нибудь существенной поддержки югославских интересов. А во-вторых, что послания, датированные (и отправленные) следующим после заключения соглашения в Дуино днем, составлены так, словно Сталин ничего не знает о соглашении. Сочетанию того и другого может быть двоякое объяснение. Или руководитель СССР на сей раз счел нужным в самом деле предпринять серьезную попытку нажима на западных союзников в пользу Белграда, но выступил с опозданием, по какой-то причине не будучи вовремя информированным, что обращения к Черчиллю и Трумэну потеряли смысл. Или же, наоборот, Сталин считал, что советское выступление в поддержку югославских пожеланий неизбежно натолкнется на отрицательный ответ англичан и американцев, но по тактическим соображениям не хотел реагировать на просьбу Тито отказом, а потому просто прибегнул к игре: потянул время и отправил Трумэну и Черчиллю послания, написанные в решительном стиле, лишь тогда, когда было поздно, делая вид, что ему не известно об уже заключенном соглашении в Дуино, и тем самым вместо заведомой неудачи своего демарша перекаладывая, по сути, ответственность на самих югославов, поторопившихся подписать соглашение на западных условиях.

Возможно, в ходе дальнейших изысканий удастся все-таки обнаружить документальные материалы, которые позволят выяснить, какой из этих вариантов ближе к истине. Но если в действительности имел место первый из них, то встает вопрос о том, почему Сталин не был своевременно извещен югославским руководством о принятом еще 18 июня решении отступить.

Что же касается посланий Сталина Черчиллю и Трумэну от 21 июня, то Черчилль в ответе Сталину 24 июня не преминул заметить, что дело уже "счастливо улажено", и не стал обсуждать его по существу, а сослался на возможность "совместно обсудить положение" на готовившейся Потсдамской конференции [11. Т. 1. С. 437]. Трумэн в послании Сталину, полученном в Москве 26 июня, тоже отметил уже заключенное в Дуино соглашение, но, в отличие от британского премьера, счел нужным не уклоняться от ответа по существу проблемы, а, наоборот, еще раз заявил о праве западных союзников устанавливать в своей зоне ту гражданскую администрацию, которую они считают нужной, подобно тому, как это делают югославы в пределах своей зоны. В заключение он, как и Черчилль, указал, что, "если Вы считаете, что существуют какие-либо другие аспекты соглашения, которые следует обсудить, мы будем иметь возможность сделать это при нашей скорой встрече", т.е. на предстоявшей конференции в Потсдаме [11. Т. 2. С. 268–269].

Дальнейшее обсуждение триестского вопроса происходило уже в рамках послевоенного мирного урегулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kostić U.* Oslobođenje Istre, Slovenačkog Primorja i Trsta 1945: Ofanziva jugoslovenske 4 armije. Beograd, 1978.
2. *Эрман Дж.* Большая стратегия: Октябрь 1944 – август 1945. М., 1958.
3. *Tito–Churchill: Stogo tajno* Beograd; Zagreb, 1981.
4. *Churchill W.S.* The Second World War. London, 1954. Vol. VI.
5. *Cox G.* The Race for Trieste. London, 1977.
6. *Dokumenti o spoljnoj politici Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije.* 1945. Beograd, 1984.

7. *Pirjevec J.* Od prijateljev do sovražnikov: Odnos britanskega tiska do Jugoslavije leta 1945 // Konec druge svetovne vojne v Jugoslaviji (Borec. Št. 12). Ljubljana, 1986.
8. Documents on American Foreign Relations. Princeton, 1947. Vol. VII.
9. *Troha N.* Osvoboditev ali okupacija, narodna osvoboditev ali revolucija – Primorska in Trst v letu 1945 // Slovenija v letu 1945: Zbornik referatov. Ljubljana, 1996.
10. *Troha N.* Komu Trst: Slovenci in Italijani med dvema državama. Ljubljana, 1999.
11. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Изд. 2-е. М., 1976. Т. 1–2.
12. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. Washington, 1968. Vol. IV; Washington, 1967. Vol. V.
13. Public Record Office (London). Foreign Office.
14. *Truman H.S.* Memoirs. New York, 1955. Vol. I.
15. Ljudska pravica. 1952. 5 IV.
16. *Pirjevec J.* Jugoslavija 1918–1992: Nastanek, razvoj ter raspad Karadjordjevičeve in Titove Jugoslavije. Koper, 1995.
17. Архив внешней политики Российской Федерации.
18. Архив Josipa Broza Tita (Белград), Fond Kabinet Maršala Jugoslavije.
19. Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. // Исторический архив. 1996. № 4.
20. Архив Југославије (Белград). Ф. Едварда Кардеља. Колекција "Sabrana dela". Т. IX(X).
21. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128.
22. Централен државен архив. Софија.
23. Архив Југославије. Ф. 507. ЦК СКЈ.
24. *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). Софија, 1997.
25. *Gibjanskij L.* L'Unione Sovietica, la Jugoslavia e Trieste // La crisi di Trieste. Maggio–giugno 1945: Una revisione storiografica (Collana "i Quaderni di Qualestoria", 9). Trieste, 1995.
26. Архив Републике Словеније (Любљана). Fond 1277.
27. К вопросу о Триесте // Правда. 1945. 27 V.
28. Борба.
29. *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita. Rijeka; Zagreb, 1981. Т. 2.
30. *Banac I.* With Stalin Against Tito: Cominformist Splits in Yugoslav Communism. Ithaca; London, 1988.
31. *Gaddis J.L.* We Now Know: Rethinking Cold War History. New York; Oxford, 1997.
32. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1983. Т. 2.
33. Yugoslavia and the Soviet Union, 1939–1973: A Documentary Survey. London, 1975.
34. *Броз Тито Ј.* Изградња нове Југославије. Београд, 1947. Књ. 1.
35. Секретная советско-югославская переписка 1948 года // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 144.
36. *Ђурић Лј.* Сећања на ljude i događaje. Београд, 1989.
37. *Ђилас М.* Власти i pobuna. Београд, 1991.
38. Писма ЦК КПЈ и писма ЦК СКП(6). Београд, 1948.
39. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. Washington, 1960. Vol. I.
40. *Гибанский Л.Я.* Сталин и триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война. М., 1998.



© 2001 г. Е.П. АКСЕНОВА, М.Ю. ДОСТАЛЬ

РУССКАЯ УЧЕНАЯ АКАДЕМИЯ В ПРАГЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В последнее время научные учреждения русской эмиграции в межвоенной Чехословакии стали предметом пристального внимания исследователей. Несколько работ, начиная с конца 1920-х годов, в той или иной степени освещают и деятельность Русского народного (позднее – свободного) университета в Праге [1–7], как правило, ограничиваясь 1938 г. В фонде Русского свободного университета (PCY) в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) [8] большинство документов также относится к 1920–1930 гг. В книге В.Т. Пашуто лишь кратко упоминается о дальнейшем существовании университета [5. С. 47–49]. Изучая личные фонды русских эмигрантов в Архиве Академии наук (А.В. Флоровский) [9] и в ГАРФ (П.А. Остроухов [10], М.М. Новиков [11], А.Н. Фатеев [12] и др.), авторам настоящей статьи удалось получить немало сведений об истории PCY в годы Второй мировой войны, когда он назывался Русской ученой академией. Именно этот последний период его деятельности вплоть до закрытия в послевоенные годы и рассматривается в данной статье. При этом необходимо оговориться, что характер документальных материалов позволил авторам исследовать преимущественно научно-организационную деятельность PCY, оставляя в стороне ее содержательный аспект.

Прежде чем обратиться к последним годам существования PCY, кратко напомним обстоятельства образования и деятельности университета вплоть до 1938 г. Русский народный университет (РНУ) был официально открыт 16 октября 1923 г. группой русских профессоров и общественных деятелей (среди них – П.И. Новгородцев, М.М. Новиков, А.А. Кизеветтер и др.) при пражском Земгоре (Объединение российских земских и городских деятелей в ЧСР) по образцу московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского [13. С. 7; 8. Л. 51]. Первоначально его целью было оказание помощи русским студентам, обучавшимся в чехословацких вузах, в получении полноценного высшего образования. В одном из ранних отчетов РНУ указывалось, что он "поставил своей задачей быть тем живым связующим звеном между нею (русской молодежью. – *Е.А., М.Д.*) и научной мыслью – тем культурным центром, вокруг которого сгруппировались бы все элементы русской эмиграции, ищущие знаний и пополнения своего образования, где мысль их находила бы ... ответ на свои искания и запросы, где создалась бы почва, благоприятствующая и вызывающая подобные стимулы" [8. Л. 10 об.]. Кроме того "Народный университет

Аксенова Елена Петровна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Досталь Марина Юрьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ставит своей целью также ознакомление граждан Чехии и Словакии с русской культурой, историей и искусством, для чего устраиваются лекции, исторические концерты и литературные вечера, как в Праге, так и в провинции" [8. Л. 51]. Правительство ЧСР при поддержке президента Т.Г. Масарика, осуществляя "русскую акцию" [14. С. 15–17; 15. С. 28–38], выделило значительные субсидии на материальную поддержку профессоров и студентов университета.

По мере того, как деятельность РНУ росла и расширялась, находя отклик не только в русском, но и в чешском обществе, а субсидии медленно сокращались, перед руководством университета встала насущная задача как можно надежнее и на более длительное время обеспечить его материальное положение. С этой целью было создано Общество Русского народного университета "на основе чешско-русского объединения". 8 декабря 1925 г. состоялось учредительное собрание этого общества, на котором был избран его председатель, профессор З. Бажант, и первый состав Куратория, куда вошли помимо председателя профессор С.В. Завадский (зам. председателя), профессор М.М. Новиков (ректор РНУ), Ф. Матоушек (казначей), доцент М.А. Циммерман (секретарь) и другие русские и чешские деятели [2. С. 3] (всего 20 человек). Кроме того, управление РНУ осуществлялось через Совет преподавателей и Общее собрание слушателей. Студентами университета могли быть лица не моложе 17 лет. Обучение в РНУ было платное, однако, материально необеспеченные слушатели могли освобождаться от платы. Учебный год делился на два семестра – зимний и летний [9. Д. 234. Л. 1, 4–5].

Среди преподавателей университета были известные русские ученые: историки А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, Д.Н. Вергун, И.И. Лаппо, Б.А. Евреинов, П.А. Остроухов, С.Г. Пушкарев, экономисты П.Б. Струве, П.Н. Савицкий, философы С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, литературоведы Е.А. Ляцкий, А.Л. Бем, лингвист С.И. Карцевский, историк искусства Н.Л. Окунев и многие другие [8. Л. 31 об.].

Деятельность РНУ проходила в пяти отделениях: 1) общественных наук (заведующий проф. Н.С. Тимашев), 2) историко-филологическом (заведующий проф. А.А. Кизеветтер), 3) естественных и прикладных наук (заведующий проф. Н.М. Могиланский), 4) по изучению ЧСР (заведующий проф. И. Поливка), 5) курсов русского и иностранных языков (заведующий проф. Е.А. Ляцкий) [1. С. 96].

Преподаватели с успехом читали лекции и доклады, вели кружки во многих городах Чехии, Моравии, Словакии и Подкарпатской Руси. В разных городах Чехословакии было основано несколько филиалов РНУ [2. С. 6–7].

В своей деятельности преподаватели РНУ опирались на определенные морально-нравственные критерии, выработанные отечественной педагогикой еще в дореволюционное время. Их profession de foi определялось следующими положениями: "Преподаватели обязаны во всех своих лекциях освещать вопрос объективно, воздерживаясь от какой-либо агитации и тенденциозности. Однако каждый преподаватель, обязанный заботиться о достоинстве школы, в выражении своего мнения независим" [9. Д. 234. Л. 3].

Почти полное прекращение субвенций чехословацкого правительства в годы мирового экономического кризиса и естественное уменьшение притока российских студентов-эмигрантов ввиду закрытия границ СССР принудило руководство университета начать его реорганизацию. Он получил наименование "Русский свободный университет". Осенью 1933 г. при нем было основано Русское научно-исследовательское объединение (НИО), куда вошло большинство русских ученых, проживающих в Чехословакии и продолжающих активную научную работу. НИО взяло на себя всю издательскую деятельность университета, продолжив издание его "Трудов" (в 1928–1933 гг. вышло 5 томов) под новым названием – "Записки Научно-исследовательского объединения при РСУ". В "Записках" печатались труды членов НИО преимущественно на европейских языках, "доступных иностранным специалистам с учетом интересов славянского мира" (всего к 1938 г. вышло 8 томов). Издание трудов

осуществлял особый Редакционный комитет в составе М.М. Новикова (председатель), А.Н. Фатеева (зав. секцией гуманитарных наук), В.С. Ильина (зав. секцией естественных и математических наук), Д.Н. Иванцова (секретарь) и П.Ф. Миловидова, которого вскоре заменил П.А. Остроухов. По Положению о НИО к печати принимались "оригинальные исследования из области чистой науки, лишенные каких-либо внеученных тенденций, не опубликованные предварительно в международной литературе" [9. Д. 279. Л. 4].

Главными задачами РСУ после его преобразования были провозглашены: научно-исследовательская деятельность, учебно-просветительская работа и деятельность, направленная на культурное сближение с чешским и словацким обществом. Как видим, акцент переместился с учебной на научную деятельность, которая в условиях убывания русских слушателей, признавалась особенно важной. Кроме устройства ставших уже традиционными лекций и докладов в чехословацкой провинции, при РСУ успешно действовали курсы иностранных языков, счетоводства, стенографии, бухгалтерские, землемерные, дорожно-строительные, женские, медицинские и др. Большим материальным подспорьем для РСУ была организация дискуссионных вечеров, благотворительных концертов и особенно ежегодных праздников "Татьянин день" с участием чехословацких коллег и членов их семей [3. С. 9–10].

Работа собственно РСУ теперь все более сосредоточивалась вокруг "семинариев". К 1938 г. состав их определялся следующим образом: "Новое в экономической жизни" (руководитель проф. Д.Н. Иванцов), "Новое в политической жизни, по геополитике и философии права" (проф. А.Н. Фатеев), по истории экономического быта (проф. П.А. Остроухов), по изучению Ф.М. Достоевского, по русскому языку и литературе (д-р А.Л. Бем), по общим вопросам естествознания, этнографии и евгеники (проф. М.М. Новиков), по изучению современной России (по каждой области свой руководитель), по изучению психоанализа (д-р Н.Ф. Досужков). Кроме того были организованы кружки по изучению Первой мировой войны (ген. В.В. Чернавин), по изучению Подкарпатской Руси (проф. Д.Н. Вергун), по изучению современной русской литературы (д-р К.А. Чхеидзе), эстетический (при Философском обществе, руководитель проф. И.И. Лапшин) [2. С. 11].

Из существовавших ранее подразделений хотелось бы особо отметить семинары: по изучению международной жизни и международного права (доц. М.А. Циммерман), Россия и славянство (М.А. Циммерман), кружки: ревнителей русского слова (проф. С.В. Завадский), по изучению современного хозяйственного быта (проф. С.Н. Прокопович), по этнографии и антропологии (проф. Н.М. Могилянский), по изучению евгеники (проф. Б.П. Матушенко) и др. [2. С. 12].

При РСУ существовали и успешно работали кроме НИО (пред. М.М. Новиков) также прежде самостоятельные Философское общество (пред. проф. И.И. Лапшин; общество, руководимое ранее Н.Г. Лосским, присоединилось к РСУ еще в 1926 г.), Педагогическое общество (пред. А.В. Живакулина) [5. С. 48].

В конце 1933 г. В.Ф. Булгаков (последний личный секретарь Л.Н. Толстого) предложил университету идею создания Русского заграничного культурно-исторического музея, "целью которого явилось бы хранение, изучение и экспозиция памятников и материалов, относящихся к истории, жизни, творчеству и быту русской эмиграции и русского зарубежного населения вообще" [2. С. 14–19]. В будущем все коллекции музея предполагалось перевезти в Россию как ее "национальное достояние". Первоначально коллекции музея располагались в помещениях университета (Краковская, 8, Прага II), но затем при посредстве известного чешского политика-русософила К. Крамаржа музею удалось найти удобное помещение в Збраславском замке, предоставленное его владельцем, чешским предпринимателем К. Бартонь-Добениным. В 1934 г. началась организация музея, а 25 сентября 1935 г. он впервые был открыт для посетителей (хотя первоначально открытие планировалось весной 1935 г.). К тому времени музею (директор В.Ф. Булгаков, председатель Музейной комиссии РСУ М.М. Новиков) удалось приобрести уникальные коллекции, которые

были размещены в 8 помещениях замка. Экспозиция включала тогда четыре отделения: художественное, архитектурное, истории эмиграции, русской старины с отделом автографов и большим собранием фотографий. Музею предназначались и экспонаты книжной выставки изданий русских ученых-эмигрантов, посвященной 180-летию основания Московского университета [9. Д. 337. Л. 7] (подробнее см.: [16. С. 548–556]).

В целом можно сказать, что РСУ успешно справлялся не только с учебной и культурно-просветительной, но и с научной работой. В научной сфере университет к 1938 г. выполнил в основном главные задачи, стоявшие перед ним: "1. Хранение принципов русской свободной науки; 2. Объединение русских ученых, проживающих в Чехословакии и ведущих активную научную работу; 3. Печатание научных трудов своих членов и широкое с ними ознакомление иностранных ученых. Сношения с русскими и иностранными деятелями и учреждениями; 4. Взаимное ознакомление членов со своими работами и взаимное содействие и поддержка научной деятельности; 5. Привлечение к научной деятельности новых кадров молодых русских ученых; 6. Организация публичных докладов и съездов русских ученых; делегирование своих членов на международные конгрессы" [3. Л. 4].

По поводу последнего пункта необходимо заметить, что все члены РСУ и сопутствующих ему обществ если не организовывали, то принимали самое непосредственное и активное участие почти во всех съездах русских и чехословацких ученых на территории ЧСР, а также в международных форумах за ее пределами.

Итак, к 1938 г. сложилась следующая "схема работы РСУ":

I. Учебно-просветительская деятельность: 1) низшая ступень (школы грамоты в Праге, Ужгороде, Кошице); 2) средняя ступень (курсы счетоводства, стенографии, бухгалтерии, торговой корреспонденции, востоковедения, массажа; курсы языков в Праге, Брно, Колине, Кладно, Роужнице, Ужгороде); 3) высшая ступень (лекции и курсы в Праге и 35 других городах, дискуссионные вечера, концерты и литературные вечера с лекциями, специальные курсы: землемерные, дорожно-строительные, медицинские).

II. Научная деятельность: 1) Научно-исследовательское объединение; 2) Философское общество; 3) Педагогическое общество; 4) Кружки и семинарии (всего 23).

III. Издательская деятельность: 1) научные труды университета; 2) отдельные брошюры; 3) сборник "Московский университет"; 4) "Записки Научно-исследовательского объединения"; 5) брошюры НИО.

IV. Русский культурно-исторический музей: 1) художественное отделение; 2) архитектурное отделение; 3) отделение истории русской эмиграции; 4) отделение русской старины; 5) издательская работа.

V. Участие в юбилеях и др. культурных начинаниях: 1) 175-летие Московского университета; 2) 100-летие смерти А.С. Пушкина; 3) дни русской культуры; 4) научные съезды.

VI. Стипендиальный фонд им. Московского университета.

VII. Ужгородское отделение: лекции, курсы русского языка.

VIII. "Справочный листок".

За 15 лет работы РСУ зафиксировано 38166 часов занятий и 514134 посещения [9. Д. 253. Л. 1].

В результате Мюнхенского сговора великих держав (сентябрь 1938 г.) Чехословакия потеряла треть своей территории, отошедшей к Германии, Польше и Венгрии. В марте 1939 г. ЧСР была оккупирована германскими войсками. На ее территории был создан Протекторат Богемии и Моравии, управляемый "имперским протектором" бароном Карлом фон Нейратом. В Словакии в марте 1939 г. было провозглашено "самостоятельное и независимое Словацкое государство" во главе с Й. Тисо. Подкарпатская Русь вошла в состав хортистской Венгрии [17. С. 361–365].

Серьезные изменения в политическом положении ЧСР не могли не отразиться на деятельности организаций русской эмиграции, в том числе и РСУ. Видимо, вследствие

указанных событий некоторое время положение РСУ оставалось неопределенным, и его нормальная работа была как бы приостановлена. Не случайно, что именно за этот период (конец 1938 – первая половина 1939 г.) нам не удалось найти в архивах более или менее подробных сведений о деятельности РСУ. Лишь в списке докладов Научно-исследовательского объединения при РСУ на 1939 г. значатся доклады Н.А. Еленева "Русский эстетический индивидуализм", А.Н. Фатеева "Великолепный князь Тавриды (к 200-летию со дня рождения)", А.Л. Бема "О русском романтизме" и ряд других [9. Д. 256. Л. 1], но состоялись ли они (полностью или частично и в какое время), нам неизвестно.

Наряду с некоторыми другими научными и культурными учреждениями русской эмиграции деятельность РСУ была разрешена в Протекторате Чехии и Моравии, но подчинена Управлению делами русской эмиграции в Берлине (УДРЭ). Непосредственный контроль за ними осуществлял в Протекторате уполномоченный начальника УДРЭ. В РСУ происходили некоторые перемены, связанные с попытками приспособления к условиям немецкой оккупации. Бессменный со дня основания университета ректор М.М. Новиков (1876–1960), получив обеспеченное место ординарного профессора в Братиславском университете, переехал в Словакию [18]. 16 апреля 1939 г. Совет преподавателей РСУ единогласно избрал ректором профессора биологии, доктора естественных наук В.С. Ильина (1882–1957), настроенного резко антисоветски и лояльно по отношению к фашистскому режиму [9. Д. 251. Л. 4].

Из сохранившихся поквартальных отчетов о деятельности РСУ в 1939/1940 учебном году следует, что занятия в нем начались не ранее ноября. До начала января 1940 г. было прочитано уже 19 лекций, из них пять в НИО. В январе вводился новый семинарий по русской литературе (под руководством проф. Е.А. Ляцкого), а в феврале новый кружок по изучению русской национальной идеи. Чтение лекций снова приобрело регулярный характер [9. Д. 251. Л. 5].

С началом Второй мировой войны РСУ предпринял целенаправленную военную подготовку своих слушателей из числа бывших офицеров и солдат, а также молодежи призывного возраста. В годы войны при РСУ действовал кружок по изучению Второй мировой войны, причем наиболее активно – в первые месяцы 1940 г. Из сохранившегося расписания лекций в РСУ за январь – март 1940 г. видно, что занятия кружка осуществлялись в нескольких группах: юридической, пехотной, кавалерийской, артиллерийской, технической, санитарной, общей и на женских медицинских курсах. В юридической (рук. С.И. Варшавский) анализировались основные законы военного времени. В пехотной группе (Е.К. Мельницкий, Е.Ф. Туманов) разбирали вопросы стратегии и тактики стрелковой дивизии, при том особое внимание обращалось на организацию ее обороны (в отличие от наступательной доктрины Красной Армии). В кавалерийской группе А.Н. Мизинов и С.Д. Гегела-Швили (так в документах. – Е.А., М.Д.) знакомили слушателей с организацией Красной конницы и обсуждали общие вопросы боевых действий современной конницы. Артиллерийская группа (А.С. Романов, Е.К. Мельницкий) разбирала проблемы артиллерийской подготовки при обороне, общие основания стрельбы на поражение и пр. В технической группе (С.Д. Гегела-Швили, Е.Ф. Туманов) занимались специальными вопросами технического обслуживания войск. Санитарная группа (Ф.Ф. Никишин) обращала особое внимание на вопросы, связанные с переливанием крови, на женских медицинских курсах (Ватулин, Магас) изучались анатомия и хирургия.

Наконец, для всех членов кружка проводились общие лекции по разным военным вопросам, прежде всего историческим: "Из опыта немецко-польской войны" (М.А. Губанов), "Русско-германские отношения в свете истории" (Е.Ф. Максимо-вич), "Природа Красной Армии" (Н.А. Бигаев), "Бронепоезда" (Хластов), "Изучение местности на карте" (Е.Ф. Туманов), "Что офицер должен знать о флоте" (М.С. Стахевич), "Роль военных в деле борьбы с государственными преступлениями" (С.И. Варшавский), "Взаимодействие пехоты и артиллерии в бою" (С.Д. Гегела-Швили) и пр.

Словом, слушатели кружка получали всестороннюю подготовку, почти на уровне военной академии. В первые месяцы 1940 г. занятия кружка в разных группах и в целом проводились практически каждый день. В дальнейшем занятия велись менее интенсивно. Кружок просуществовал до середины 1944 г., и его лекции приобрели более академические формы рассуждений в основном на исторические и социологические темы [9. Д. 267. Л. 1 об., 3 об., 13 об., 15 об., 23 об., 25 об., 27 об.].

Особенно заботило руководство университета положение курсов русского языка, приносивших университету определенный доход. В отчете констатировалось, что в январе 1940 г. число слушателей курсов "ненормально" снизилось. Из десяти групп только две посещало достаточное количество учащихся (10–12), в остальные ходило от двух до восьми человек. Из записавшихся в сентябре – декабре 1939 г. 179 человек к январю осталось всего 70 (убыль составила 60%). Положение решили исправить путем целенаправленной рекламной кампании: организовали световую рекламу в кинотеатрах "Рай" и "Лидо-био", развесили 180 плакатов и афиш около учреждений, опубликовали объявления в нескольких газетах. К концу 1940 г. разместили рекламу на 250 вагонах трамваев. Эти и другие мероприятия принесли свои результаты. К сентябрю 1940 г. на курсы записалось 188 слушателей (позднее – 230, в результате чего образовалось 12 групп, при реальном посещении в 140–150 человек). Проведенная в августе – сентябре запись на курсы принесла университету около 8500 крон, и в отчете с удовлетворением отмечалось, что университет "впервые получил значительную прибыль от курсов" [9. Д. 251. Л. 7–8]. Таким образом, расторопные и умелые действия руководства университета и неистребленный немецкой оккупацией (может быть, как протест против нее) интерес к русской культуре и языку, привели к возрождению курсов русского языка при РСУ к концу 1940 г.

Наряду с курсами для взрослых были открыты русские курсы для детей (8–10 учебных часов в неделю), на которые записалось 62 человека (зав. курсами доц. С.Г. Пушкарев). Кроме школьных занятий было устроено две лекции со "световыми картинками и веселый праздник, посвященный Лермонтову" [9. Д. 251. Л. 10].

Хуже обстояло дело с другими курсами. Коммерческие курсы открыть не удалось "вследствие отсутствия желающих их посещать", а на женские медицинские курсы ходило малое количество слушателей.

В этот период в университете работали юридические, бухгалтерские курсы, практические курсы высшей математики для инженеров, курсы по изучению современной России. Кроме того читались новые циклы лекций по русской истории (в кружке по изучению русской национальной идеи) и "Люди и богатства России" (в семинаре по общим вопросам естествознания, этнографии и евгеники) [9. Д. 251. Л. 4, 10].

Культурно-исторический музей также переживал не лучшие времена. Приток новых экспонатов в связи с войной значительно уменьшился. Тем не менее музей продолжал получать пожертвования: 500 крон от Государственной пражской сберкассы, а к концу года обычные 10 тыс. крон от его покровителя К. Бартонь-Добенина. Музей расширил свою экспозицию и его коллекции заняли 14 залов в Збраславском замке [9. Д. 251. Л. 7, 11 об.].

В 1940 г. в состав организаций РСУ вошла и русская библиотека, возобновившая свою деятельность с 9 июля в новом помещении (Прага, Дейвице, ул. Грацианиго, 15). В отчете отмечалось увеличение числа ее пользователей. 12 декабря 1940 г. русский театр "Студия" устроил спектакль, чистый сбор от которого был направлен в пользу библиотеки [9. Д. 251. Л. 7].

Русская библиотека была основана Земгором в 1921 г., в 1933 г. она получила статус "Русской библиотеки им. Т.Г. Масарика в Праге". В ее фондах числилось несколько десятков тысяч книг, разделенных на 16 тематических групп (зав. библиотекой С.Н. Николаев). В августе 1939 г. по распоряжению германских властей из библиотеки были изъяты 1860 книг "марксистского содержания". Деятельность библиотеки почти прекратилась из-за "тяжелого материального положения" и "объективных условий". Поэтому Совет Общества "Русской библиотеки" решил, что "лучшим

выходом из создавшегося положения" будет вхождение библиотеки в РСУ на правах самостоятельного учреждения, о чем ежегодно, до конца войны, между ними заключалось соглашение.

Членами Общества "Русской библиотеки" в 1940 г. были: В.Г. Архангельский (зам. председателя), В.Ф. Булгаков, С.Н. Николаев (секретарь), Н.Ф. Новожилов, А.Т. Павлов, С.П. Постников, В.Н. Стомифе, Е.И. Якушева, Н.Н. Ястребова-Рагозина (представитель РСУ) [9. Д. 261. Л. 1–8].

С апреля по октябрь 1940 г. в РСУ состоялось 18 лекций (из них 5 в НИО) и 69 докладов. Среди выступлений, запланированных на этот год по НИО, значились доклады П.Н. Савицкого "Проблемы нового железнодорожного строительства в Советской России", М.В. Шахматова "Идея соборности в древнерусской литературе", Н.Е. Андреева "К истории московских споров об иконописи в XVII столетии", Н.О. Лосского "Мысли Достоевского о России и русском народе", В.В. Саханева "Из истории Подкарпатской Руси", А.Ф. Изюмова "В.И. Кельсиев, его переписка с Герценом (60-е годы)", Н.Н. Ястребовой-Рагозиной "Из истории русской общественной мысли". Кроме того, планировались доклады по естествознанию, медицине и другим отраслям знания. В 1940 г. состоялись собрания, посвященные памяти М.М. Сперанского и Н.М. Пржевальского [9. Д. 256. Л. 1].

В том же году в РСУ вошло Русское историческое общество, существовавшее с 1925 г. как самостоятельная и авторитетная в русских эмигрантских кругах научная организация, издававшая свои "Записки". К 1940 г. в РИО осталось всего 18 членов, отношения между которыми обострились. Очередной (четвертый) том "Записок" РИО, подготовленный к печати, был запрещен немецкой цензурой. Общество находилось на грани прекращения своего существования. Средство выхода из такого положения виделось в объединении с РСУ.

Отношения РИО и Научно-исследовательского объединения при РСУ были непростыми с самого начала существования последнего. По одному из проектов, НИО должно было стать объединением "существующих ученых обществ", "надстройкой над ... живыми организациями", своего рода Академией наук. Однако под давлением М.М. Новикова и В.С. Ильина такая структура была отвергнута. Правда, предполагалось, что НИО создается прежде всего "для публикации трудов членов Объединения". Но с первых же шагов своей деятельности НИО "перешло к системе докладов", которые, как намечалось вначале, должны были иметь "общий, методологический характер" и служить ознакомлению научных работников с достижениями науки. Очевидно, что "параллельное существование однородных по задачам организаций" должно было "свести на нет существующие ученые общества". Их деятельность, действительно, постепенно начала свертываться. Многие члены РИО, например, предпочитали делать доклады в НИО, отказываясь в то же время читать их в РИО. В такой ситуации дальнейшее существование РИО было невозможным [9. Д. 400. Л. 40–40 об.].

Включение РИО в РСУ произошло 15 марта 1940 г. До этого правление Общества "было занято приспособлением своего Устава к новым административным нормам, установленным в Протекторате распоряжением властей, и обсуждением вопросов организационного порядка". 15 марта на годичном Общем собрании было избрано правление в составе: Е.А. Ляцкий (председатель), А.Ф. Изюмов (тов. председателя), Н.Ф. Новожилов (секретарь), Е.Ф. Максимович (казначей) и А.В. Каменев. Правлению было предоставлено право войти в состав учреждений РСУ в Праге. Вхождение это было оформлено специальным договором. РИО продолжало функционировать в РСУ как самостоятельная структура, проводя свои научные заседания.

За период с 15 марта по 15 декабря 1940 г. правление успело упорядочить библиотеку Общества, перенесло склад изданий Общества из частного помещения в помещение библиотеки, состоявшей при Русском свободном университете, привело в порядок могилы бывших членов Общества, похороненных на Ольшанском кладбище. В 1940 г. в Обществе было прочитано 8 докладов.

Таким образом, в 1940 г. РСУ завершил объединение под своей эгидой почти всех наиболее значительных научных и культурно-просветительных учреждений и организаций русской эмиграции в Праге. Такая концентрация научных сил русской эмиграции была не столько в интересах перечисленных русских институций, сколько определялась необходимостью их самосохранения (поскольку немецкие власти оказывали поддержку университету). С точки зрения властей, объединение большой группы ученых в одном центре создавало удобство для наблюдения за ними.

Постепенно возобновилась издательская деятельность НИО при РСУ. За 1940 г. выпущено четыре брошюры, две находились в производстве, восемь принято к печати [9. Д. 251. Л. 9].

В отчетных документах руководство РСУ стремилось подать деятельность университета в самом выгодном свете, делая, в частности, акцент на его необходимости и полезности не только русским эмигрантским кругам, но и "местному" (т.е. чешскому) населению. Этим объяснялась и некоторая материальная помощь чешского "правительства" университету. Он продолжал получать субсидии от Министерства народного просвещения (МНП). В качестве дополнительной субвенции на 1939 г. он получил 10 тыс. крон, 2 тыс. крон были получены также на организацию коммерческих курсов. Незначительные пожертвования поступали и от частных лиц (например, 300 крон от Г.Ф. Машиной). Предполагалось получение от МНП еще 20 тыс. крон, что дало бы возможность не свертывать "расширяющуюся" деятельность РСУ. В 1940 г., как и в предыдущие, РСУ получил 10 тыс. крон от МНП [9. Д. 251. Л. 9].

Однако постепенно РСУ все более поступал в подчинение немецким властям. 21 апреля 1940 г. во все эмигрантские организации была разослана специальная секретная инструкция уполномоченного начальника УДРЭ генерала от кавалерии В.В. Бискупского, в которой регламентировалась вся деятельность российских эмигрантов в Протекторате. В частности, при Управлении предполагалось создать особое Бюро труда "для приискания работы для эмигрантов". Все разрешенные русские эмигрантские организации должны были действовать под надзором опорных пунктов УДРЭ, которые обязаны "всеми мерами способствовать единению эмиграции, улаживать недоразумения, сглаживать трения, могущие возникнуть между отдельными организациями, группами и отдельными лицами". На всех собраниях этих организаций должен был непременно присутствовать уполномоченный Опорного пункта УДРЭ в Протекторате. Каждый месяц уполномоченный обязан был составлять начальнику УДРЭ в Германии доклад "обо всем происходящем в общественной жизни русской эмиграции в Протекторате" (с 1941 г. уполномоченным стал В.С. Ильин) [5. С. 47; 9. Д. 254. Л. 1–2].

Ограничения деятельности русских ученых, обусловленные режимом Протектората, видимо, достаточно заметно отражались на их положении. 5 октября 1940 г. ректор РСУ подписал "Меморандум о положении русских ученых в Протекторате", в котором говорилось о гостеприимстве правительства Чехословакии, давшего возможность русским ученым, изгнанным из России, продолжать научную работу, сохраняя и развивая традиции русской науки, подготавливая молодые научные силы, издавая свою научную продукцию. Вместе с тем, в "Меморандуме" обращалось особое внимание на "крайне тяжелое" материальное положение русских научных работников, которое не позволяет им в полную силу заниматься наукой и заставляет "искать добавочный заработок" (т.к. зарплата упала с 2–3 тыс. крон до 250–700 крон) [9. Д. 265. Л. 1]. Какова была реакция властей на этот документ, нам не известно, но можно предположить, что в условиях оккупации ЧСР выходцам из России вряд ли могли предоставить большие льготы.

К концу 1940 г. РСУ был отдан под наблюдение немецкого Карлова университета, в частности, его проректора проф. Гервига Гампрля, со стороны которого, как указывалось в отчете РСУ, проявлялось "самое благожелательное отношение к деятельности университета". Ему же представлялись на одобрение список преподавателей и вся программа деятельности РСУ [9. Д. 265. Л. 10; Д. 274. Л. 1]. В то же время,

в полицейское управление были переданы на утверждение исправленные экземпляры Устава РСУ.

В это время список членов РСУ насчитывал 59 человек (включая работников канцелярии, секретарей и т.д.). Среди ученых, входивших в его состав, были: Н.Е. Андреев, А.Л. Бем, С.И. Варшавский, П.Д. Долгоруков, Д.Н. Иванцов, А.Ф. Изюмов, В.С. Ильин, В.И. Исаев, И.И. Крашенинников, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Е.А. Ляцкий, Е.И. Мельников, П.Ф. Миловидов, Н.Ф. Новожилов, Б.Н. Одинцов, П.А. Остроухов, И.О. Панас, С.Г. Пушкирев, Н.П. и П.Н. Савицкие, В.В. Саханев, А.Н. Фатеев, А.В. Флоровский, М.В. Шахматов, Н.Н. Ястребова-Рагозина и др. Членом Общества РСУ был и сын известного русского художника. М.В. Васнецов. В рядах Общества было несколько иностранных членов (Б. Немец, З. Бажант и др.).

В Совет преподавателей РСУ входили: Н.Е. Андреев, З. Бажант, А.Л. Бем, Е.Л. Буницкий, Н.В. Быстров, А.А. Вилков, А.Д. Григорьев, Ф.Н. Досушков, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Е.А. Ляцкий, Е.Ф. Максимович, Е.И. Мельников, П.Ф. Миловидов, Б.Н. Одинцов, П.А. Остроухов, И.О. Панас, С.Г. Пушкирев, П.Н. Савицкий, А.П. Фан-дер-Флит, А.В. Флоровский, К.А. Чхеидзе, М.В. Шахматов, Н.Н. Ястребова-Рагозина. Президиум Совета преподавателей состоял из трех человек: В.С. Ильина (председатель), А.Н. Фатеева (зам. председателя) и Д.Н. Иванцова (секретарь) [9. Д. 260. Л. 1–4].

В течение следующего 1940/1941 учебного года была осуществлена реорганизация деятельности РСУ на основе курсовой системы, что, по убеждению руководства университета, оживило его работу и "дало значительный приток новых слушателей и привлекло к деятельности университета внимание более широких кругов русской общественности" [9. Д. 251. Л. 11].

Наиболее интересные лекции и доклады в 1940/41 учебном году читались в кружке по изучению русской национальной идеи и в семинарии по изучению современной литературы. В первом из них можно отметить выступления М.В. Шахматова "Национально-государственная теория Хомякова", Н.Е. Андреева "Расцвет русского реалистического романа", С.Г. Пушкирева "Отношения церкви и государства в Древней Руси", цикл лекций Е.Ф. Максимовича "Внешние сношения России в конце XIX – начале XX вв.", "Боснийский кризис и вопрос о проливах", "Конец союза трех императоров и балканские разочарования". Таким образом, в лекциях Максимовича затрагивалась не только российская, но и славянская проблематика. В литературном семинарии, среди прочих, А.Л. Бем делал доклады "О русском символизме", "Поэзия Пастернака" и др. Было организовано заседание, посвященное творчеству И.А. Бунина [9. Д. 262. Л. 1–5; 12. Д. 26. Л. 1–1 об].

Работал семинарий по геополитике, среди докладов которого хочется отметить выступление А.Д. Григорьева на тему "Карпато-Волынское государство восточных славян в I в. по Р.Х.". Восточнославянский регион был также в центре внимания П.Н. Савицкого, рассказавшего о "Хозяйственных приобретениях СССР в Западной Украине и Западной Белоруссии" на заседании семинария "Новое в экономической жизни". Интерес к современным проблемам некоторых славянских стран отразился на выборе темы доклада Г.А. Орлова "Военный крах Польши", сделанного им в семинарии "Новое в политической жизни". Одно из заседаний кружка по изучению современной русской литературы было посвящено "Творчеству молодых карпаторусских писателей". "Природным богатствам России" уделил внимание в своем выступлении П.Н. Савицкий на курсах по изучению современной России [9. Д. 262. Л. 5; Д. 267. Л. 23 об., 27 об.].

В физико-математическом семинаре, основанном при РСУ в ноябре 1940 г. Е.Л. Буницким, проводилась работа по следующим направлениям: 1) чистая математика; 2) теоретическая физика; 3) теоретические вопросы механики и техники; 4) вопросы преподавания физики в средней школе (в частности, описания и демонстрации новых приборов); 5) методика элементарных математических дисциплин [12. Д. 13. Л. 11].

Продолжалась деятельность НИО. На одном из его заседаний Н.Н. Ястребова-Рагозина выступила с докладом "Философия национал-социализма и славянофилы", на другом Н.Е. Андреев познакомил коллег с итогами своего исследования на тему: "Русская литература в эмиграции: проза" [9. Д. 262. Л. 7–9].

Члены РСУ наряду с научной вели и просветительскую работу. Так, например, С.Г. Пушкарев в 1940 г. выступил со следующими популярными лекциями: "Дмитрий Донской (его значение в русской истории)", "Национальная идея в Московской Руси", "Смутное время", "Эпоха Петра Великого", "Эпоха Екатерины II", "Историческое значение монастырей в Московской Руси", "Святой Сергий и Свято-Троицкая Сергиева Лавра в русской истории", "Казачество в истории России" и др. [9. Д. 262. Л. 11].

24 ноября состоялось совместное собрание НИО, Русской академической группы в Чехословакии и Союза русских инженеров, посвященное научной деятельности И.И. Лапшина, Н.О. Лосского и А.П. Фан-дер-Флита [9. Д. 262. Л. 6].

Итак, к началу 1941 г. деятельность РСУ, согласно отчету, не только стабилизировалась, но и проходила "под знаком возрастающей активности". Указывалось на "увеличение числа слушателей и образование постоянных кадров слушателей в отдельных обществах, семинариях, кружках и т.д.". Подчеркивалось, что в РСУ "особое внимание было уделено исследованию и освещению новых идей и явлений, являющихся основанием нового социального порядка" [9. Д. 251. Л. 11]. В частности, 13 марта были открыты курсы по изучению "экономическо-правового строя современных государств, большинство лекций которых было посвящено новым явлениям в области экономического и правового строя современной Германии". Затем начали работу специальные курсы для членов воинских организаций, для членов РНСД (Российского национально-социального движения), для подготовки членов партии по "организации тоталитарного государства", курсы по изучению организации Советского государства, "для подготовки административных и судебных деятелей" и др. [9. Д. 253. Л. 5]. Из документов РСУ следует, что идея организации нескольких курсов для членов РНСД в дальнейшем не получила своего развития. В программе 1942–1943 гг. они отсутствуют.

Видимо, добрые отношения РСУ с немецкими властями и определенные шаги к удовлетворению интересов профашистских организаций, хотя бы и внутри эмигрантской общины, сделало невозможным дальнейшее сотрудничество чешских патриотически настроенных деятелей с университетом. В отчете (16 октября 1942 г.) сообщалось: "В управлении Общества РСУ в Праге в течение года произошли следующие перемены. Сложил свои обязанности долголетний Председатель, проф. д-р Зденек Бажант. В исполнение обязанностей председателя вступил тов. председателя Общества, проф. д-р А.Н. Фатеев. Далее, отказался от должности казначея Общества директор Франтишек Матоушек. Его место занял проф. д-р П.А. Остроухов. Ректором РСУ является проф. д-р В.С. Ильин, секретарем – проф. Д.Н. Иванцов" [12. Д. 13. Л. 6 об.].

В начале 1941 г. проводилось несколько семинариев: новое в экономической жизни, новое в политической жизни, по геополитике и философии права, по изучению русской литературы, по изучению русского языка и литературы, по общим вопросам естествознания, этнографии и евгеники, по истории хозяйственного быта, по изучению экономической географии, физико-математический.

Любопытно, что большинство из 11 докладов в семинарии по геополитике было посвящено славянской тематике. Среди них следует в первую очередь отметить доклады А.Д. Григорьева: "Северное государство восточных славян до образования Киевского государства", "Придунайские славяне в первые века по Р.Х.", "Первоначальная Словакия, Восточная Моравия и Нитранское княжество" и др. Кроме того, в семинарии звучали сообщения Г.А. Орлова "Аустерлиц и планы Наполеона против Англии", А.Н. Фатеева "Современная Турция, ее внутреннее и внешнее положение" и др. [9. Д. 262. Л. 13, 17, 20, 23].

В кружке по изучению русской национальной идеи были заслушаны доклады С.А. Левицкого "Национальная идея Вл. Соловьева", С.Г. Пушкарева "Национальное мировоззрение К. Аксакова", И.И. Лапшина "Дух русского искусства" и многие другие. В семинариях по изучению современной литературы и по русской литературе поднимались интересные темы, связанные с изучением творчества М.А. Булгакова (Н.Е. Андреев), Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой (А.Л. Бем "Об акмеизме"), "О русском футуризме" (А.Л. Бем) и др. [9. Д. 262. Л. 12, 18, 20, 24, 33].

Вступление Германии в войну с СССР вызвало некоторые надежды у части профессоров университета на скорое падение большевистского режима в России и тем самым на "открывающиеся возможности применения русских культурных сил на родине" [9. Д. 251. Л. 1, 13, 14 об.]. Осуществление этого они полагали возможным через сотрудничество с немецкими властями.

Уже 24 июня 1941 г. от уполномоченного начальника УДРЭ Е.К. Ефремова через "Объединение русских профессиональных союзов в Протекторате Чехия и Моравия" РСУ получил циркуляр, который указывал, что все русские, проживающие на территории Протектората, вне зависимости от подданства "не имеют права выезжать с места своего жительства, менять адрес в месте своего жительства, покидать или менять свою службу – без предварительного сообщения об этом в Опорный пункт УДРЭ в Протекторате Богемии и Моравии... Обязаны в кратчайший срок зарегистрироваться в Опорном пункте" [10. Д. 138. Л. 1; 12. Д. 43. Л. 7]. И несмотря на такое существенное ограничение прав русских эмигрантов, проф. А.Н. Фатеев выступил с верноподданнической инициативой: "в ожидании предложения желаемым приложить свои знания и найти себе то или иное применение в борьбе против советской власти и большевизма, следует на всякий случай срочно заготовить на немецком языке списки членов организаций", чтобы в случае запроса быстрее выполнить распоряжение властей в соответствии с пожеланиями руководителя Объединения русских профессиональных союзов в Германии барона В.Л. Остен-Сакена. Первыми изъявили готовность дать сведения о себе П.А. Остроухов и М.В. Шахматов¹.

Подобная же услужливость была проявлена руководством университета в деле ареста директора Русского культурно-исторического музея В.Ф. Булгакова. Ректор университета В.С. Ильин писал А.Н. Фатееву 26 июня 1941 г. из Бадена: "О Булгакове поговорите с Гамперлем. Я бы предложил следующий проект по отношению к Булгакову: если документ у Каликина² действительно инкриминирующий и его уличающий в коммунизме, хотя бы и в христианском, то его, конечно, нам защищать и покрывать не следует, иначе тень падает и на нас. Подобный опыт, и не раз, уже пережили воинские организации, и для них это кончилось плохо. Булгакова, в случае его связи с коммунистами, нужно удалить и разоблачить самим, т.е. попросить у Каликина документ, рассмотреть его в Президиуме и вынести постановление о его удалении, а потом уже передать весь материал Каликину" [12. Д. 42. Л. 2] (Невольно напрашивается аналогия с поведением "благонамеренных" коммунистов в Советской России в мрачную эпоху сталинских репрессий).

В течение лета руководством университета обдумывало план внесения некоторых изменений в программу преподавания в РСУ. Отражение этих раздумий прозвучало, в частности, в письмах ректора университета В.С. Ильина А.Н. Фатееву из Бадена. 15 июля он интересовался, поддерживает ли Фатеев контакты с Гамперлем: "Его

¹ Мотивировкой поступка М.В. Шахматова может послужить такое откровение в письме А.Н. Фатееву: "... я от начала белой борьбы (октябрь 1918 г.) до ее конца был у Деникина, и мне дороже всего моя белая честь; терпимость не может идти левее белого рубежа. И в эмиграции, несмотря на различия партий, мы должны оставаться белыми" (20 VII. 1941) [12. Ф. Р-6427. Оп. 1. Д. 43. Л. 19, 21; Д. 17. Л. 6].

² Каликин Е.В. (1896 – ок. 1948), журналист, собственный корреспондент газеты "Новое слово". Опубликовал статью "Пражские письма" (Nowoje Slowo, Berlin. 1941. 24 VIII. S. 5), разоблачающую организацию христианских коммунистов, существовавшую в Праге в 1920-х годах и обвинил ее членов (в том числе В.Ф. Булгакова) в "иудо-коммунизме".

нужно держать в курсе наших дел. Что он думает о России и о науке в будущем". "Возможно, что скоро откроется Россия", – писал он в другом письме, и с этими ожиданиями были связаны определенные надежды и планы. Преподаватель РСУ Н.А. Бигаев "наметил целую программу ознакомления по разным научным отделам с Россией". 7 августа Ильин отвечал на письмо Фатеева: "Все программы наших лекций действительно нужно продумать и придать многим из них российский направление. Если 50–60 слушателей Бигаева будут на лицо, а не только на бумаге, то, конечно, курс можно начать уже в сентябре, но не все лекции, а только по намеченной программе. Лекции официально в немецких высших школах начинаются 3-го ноября, но нам, вероятно, можно и раньше, об этом нужно поговорить с Гамперлем, и я думаю, он не будет возражать" [12. Д. 42. Л. 1].

О курсе Н.А. Бигаева в документах РСУ нам не удалось найти упоминаний. Но действительно, во второй половине 1941 г. можно заметить некоторое оживление в университете современной "русской" тематики. Так, в семинаре по общим вопросам естествознания, этнографии и евгеники Б.Н. Одинцов читал лекцию об организации сельского хозяйства в СССР, в южной России и на Северном Кавказе, а в семинаре по организации государства и народного хозяйства С.И. Варшавский говорил о земельном вопросе в России, о школе в СССР, М.Ф. Ковалев – о землеустройстве и земледелии в России, Б.Н. Одинцов – о природных сельскохозяйственных ресурсах западных краев России. Многие вопросы современного положения в СССР и планы его переустройства были предметом лекций, читавшихся в Праге и провинции [9. Д. 262. Л. 32, 34, 37].

Вообще в деятельности РСУ во второй половине 1941 г. можно наблюдать некоторое воодушевление. В отчете говорилось: "Необходимо отметить всеобщее желание как профессорского состава, так и административного аппарата Университета и его канцелярии, приложить все силы и знания к наибольшему развитию [...] деятельности Университета" [9. Д. 251. Л. 13 об.].

В 1941/1942 учебном году начали работу новые семинарии: по организации государства и народного хозяйства (под руководством проф. Д.Н. Иванцова) и "Теоретические проблемы современной литературы" (руководитель Н.Е. Андреев) [9. Д. 251. Л. 16].

Основу деятельности РСУ, как и прежде, составляли различные курсы: юридические, по изучению современной России (преобразованные во время войны из семинария), по изучению конституционно-правового строя современных государств и пр. Последние курсы преимущественно были посвящены Германии. Так, Д.Н. Иванцов читал лекции "Финансирование четырехлеток в Германии", "Организация промышленности и сельского хозяйства в современной Германии", "Мероприятия по подъему промышленной и сельской деятельности в Германии", "Хозяйственная система итальянского фашизма"; темами лекций С.И. Варшавского были "Рабочее законодательство в Германии", "Национально-расовые основы германского права и Нюрнбергские (так в документе. – Е.А., М.Д.) законы" и др. [9. Д. 262. Л. 20–22, 24, 27].

В документах, связанных с деятельностью РСУ, подчеркивалось, что война не нарушила привычный ритм работы университета, все подразделения которого продолжали свою обычную деятельность. Правда, отмечалось, что посещаемость семинариев, кружков и курсов в некоторых случаях упала, но "очень незначительно" [9. Д. 253. Л. 3–4].

В отчете за 1941 г. говорилось, что НИО "продолжало энергично развивать свою научно-издательскую работу и устраивало регулярно 2 р[аза] в месяц научные собрания для заслушивания и обсуждения докладов своих членов". Среди докладов хотелось бы отметить следующие: Н.Н. Ястребова-Рагозина "К. Леонтьев и его философия", Н.А. Еленев "Петр Великий и Купецкий", А.Л. Бем "Лермонтов и Достоевский", Н.О. Лосский "Личность в художественном творчестве Достоевского" и др. Было проведено также специальное заседание, посвященное памяти М.В. Ломоносова.

В отчете отмечалась активная издательская деятельность НИО в условиях, когда русским ученым трудно было опубликовать свои работы в иностранных изданиях. Объединение публиковало труды РСУ и его членов, несмотря на недостаток бумаги и материальных средств, на "ряд технических затруднений и серьезных ограничений, связанных с военным временем". Подчеркивалось также, что значительные "задержки происходят от предварительного прохождения всех рукописей через правительственную цензуру" [9. Д. 262. Л. 31; Д. 251. Л. 14].

Однако такое положение, по всей вероятности, не очень смущало ректора РСУ В.С. Ильина, который в одном из частных писем (А.В. Флоровскому) 9 декабря 1941 г. отмечал, что публикаторская деятельность НИО идет "нормально и препятствий не встречает, только заранее до печатания все нужно представлять в цензуру, что мы и делаем". В результате в 1941–1942 гг. выпущено в свет десять работ русских ученых и пять подготовлено к печати [9. Оп. 2. Д. 238. Л. 3 об.; 12. Д. 12. Л. 6].

В Философском обществе было прочитано 14 докладов. Среди них: Н.О. Лосский "Идея абсолютной ценности в произведениях Достоевского", "Идеал красоты", "Состав идеала красоты", "Ущербная красота", С.А. Левицкий "О трагическом мировоззрении", И.И. Лапшин "Проблемы смерти", "Возможна ли эстетика без метафизики", "Феноменология нравственного сознания", "Спор о свободе воли в современной философии", А.Н. Фатеев "Первая русская философия истории (Чаадаев)" и др. Находясь при РСУ, Философское общество все более утрачивало статус самостоятельной научной организации, и в 1941 г. в документах университета зачастую именовалось семинарием [9. Д. 271. Л. 1–1 об.].

В Историческом обществе также состоялось 14 докладов. Отметим некоторые из них: Н.А. Еленев "Средне-европейское барокко", "Архитектурные памятники Московского Кремля", А.Ф. Изюмов «"Великий исход" (опыт подсчета эмиграции первых лет)», М.В. Шахматов "Из истории национально-государственных идей", А.Д. Григорьев "Государства восточных славян на восток от Святослава", "Финские, мадьярские и тюркские топографические имена в Средней Европе", П.Н. Савицкий "К вопросу об исторических циклах", "Общая концепция русской истории", Е.Ф. Максимович "Духовенство в Пугачевском движении", С.Г. Пушкарев "Крестьянская реформа графа Киселева" и др. [9. Д. 262. Л. 13, 23, 28, 30].

Педагогическое общество не развило активной деятельности. Здесь было прочитано два доклада: О.М. Калачевской "Учебники русского языка" и В.В. Перемилого «"Господин из Сан-Франциско" Бунина» [9. Д. 262. Л. 26, 28].

Культурно-исторический музей, согласно отчету, «привлекает все большее внимание культурных слоев населения. За истекшее время Музей посетил ряд высших представителей Германской администрации и выдающихся деятелей науки и искусства. Посещаемость Музея непрерывно увеличивается. Музеем было получено от русского благотворителя Кулаева, проживающего в Америке, 400 американских долларов, предназначенных для издания "Словаря русских зарубежных писателей", составленного директором музея (В.Ф. Булгаковым. – Е.А., М.Д.) по музейным материалам». Вскоре, как уже упоминалось, В.Ф. Булгаков был арестован по обвинению в "иудо-коммунизме", а директором музея был избран художник Н.В. Зарецкий [9. Д. 251. Л. 11 об.; 10. Д. 107. Л. 21–22].

Для управления Русской библиотекой была назначена библиотечная комиссия, в которую вошли Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, С.Н. Николаев и Н.Н. Ястребова-Рагозина. В конце 1941 г. в Русскую библиотеку поступило распоряжение (к сожалению, "глухая" запись в протоколе заседания Совета Общества Русской библиотеки не сообщает – от кого) о запрещении выдачи книг советского издания. К этим скупым протокольным строкам, тем не менее, есть комментарий: "Надо однако заметить, что книги советского издания не выдавались и раньше" [9. Д. 251. Л. 14, 17; Д. 270. Л. 5 об.].

Курсы русского языка, доставившие руководству РСУ столько хлопот в предыдущем году, "прошли удачно". На них благодаря усиленной рекламе (в разных районах

Праги – Жижков, Смихов, Летна) записалось 267 человек. Занятия проходили в десяти группах по полтора часа два раза в неделю, в двух специальных группах один раз в неделю по два часа; в здании Русской гимназии обучалось еще около 40 слушателей. В Брно занималось около 30 слушателей. В отчете, в частности, указывалось, что "доход от курсов значительно возрос, за покрытием всех расходов из оставшихся сумм было оплачено помещение университета и связанные с ним расходы и еще осталась некоторая сумма, употребленная на развитие лекционной деятельности" [9. Д. 251. Л. 12].

Лекции профессоров РСУ традиционно проходили в Праге, Брно и Пльзене. Среди них наиболее примечательны по тематике: Д.Н. Иванцов "Хозяйственная политика Германского национал-социализма", "Основные вопросы хозяйственного переустройства России", Н.Е. Андреев "Национальные основы Московского государства", "Предпосылки и развитие преобразований Петра Великого", "Русская литература в эмиграции" (все лекции для членов РНСД) и др. Всего за 1941 г. в РСУ было прочитано 1371 лекций и докладов, которые посетили около 10 тыс. слушателей [9. Д. 251. Л. 13 об.; Д. 262. Л. 8, 11, 17, 27].

Сохранился финансовый отчет РСУ за апрель–сентябрь 1941 г., который показывает, что на лекции и курсы было истрачено 1650 крон, на доклады в четырех научных обществах – 970 крон, в 9 семинарах – 2250 крон, в четырех кружках – 1691 крона, на лекции в провинции – 1050,50 крон, на учебные пособия – 32 кроны, на дежурства на лекциях и докладах – 220 крон, на курсы русского языка – 13803,35 крон, на издание научных трудов – 3482 кроны, на Культурно-исторический музей – 5529,40 крон, на содержание администрации – 6700 крон, на взносы в большую и пенсионную кассы 815,90 крон, на наем и содержание помещений – 3866,30 крон, на канцелярские, почтовые расходы и разъезды – 2817,70 крон, на пожертвования и представительство – 100 крон, на мелкие и организационные расходы – 713,80 крон, на гербовый сбор – 350 крон, на Русскую библиотеку – 11004,85 крон. Всего – 57046 крон (сметой было предусмотрено 62950 крон).

Доходы были получены по статьям: курсы русского языка – 17500 крон, Музей – 509,50 крон, субвенция – 49000 крон, членские взносы – 90 крон, пожертвования и разные поступления – 356,50 крон, Библиотека – 3080 крон. Всего – 66968 крон (так в документе. – Е.А., М.Д.). За указанный период РСУ имел чистый доход 9890 крон. В июле–августе и отчасти в сентябре РСУ, судя по смете, почти не функционировал (в связи с летними каникулами) [12. Д. 12. Л. 3–4].

В начале 1942 г. по распоряжению Имперского протектора в Чехии и Моравии прежнее наименование РСУ было заменено на другое – Русская ученая академия в Праге (Wissenschaftliche Russische Akademie). В отчете за 1942/1943 учебный год отмечалось, что "изменение названия не повлекло за собой, однако, изменения характера деятельности, которую по-прежнему следует рассматривать как деятельность педагогическую, научную и, наконец, культурную" [9. Д. 251. Л. 19].

Однако в годы войны научно-педагогическая и культурно-просветительная деятельность РСУ уже не могла претендовать на свободный и независимый характер, опираясь на принципы, провозглашенные при создании университета; она все более подчинялась требованиям политической ситуации. Ректор РСУ В.С. Ильин принадлежал к той части русской эмиграции, которая уповала на помощь Гитлера и его армий в освобождении России от коммунистов и сталинского режима, считая фашизм либо меньшим злом, чем сталинизм, либо даже искренно симпатизируя национал-социализму [19. С. 261, 246, 248, 282]. Поэтому Ильин стремился представить РСУ немецким властям как учреждение, работающее в русле фашистской политики и готовящее кадры для управления Россией после ее "освобождения" гитлеровскими армиями.

В январе 1942 г. Ильин составляет докладную записку (адресованную, вероятно, в УДРЭ) о деятельности РСУ с 1939 г. Кроме организационных вопросов в документе отражены направления деятельности университета и дан проект перестройки его

работы, в котором сделана ставка на то, что "очищенной" от большевиков России понадобится огромное количество специалистов в разных областях государственной жизни и экономики. По мнению Ильина, университет мог бы стать центром подготовки таких специалистов сначала в Чехословакии, а потом на территории России.

Остановимся несколько подробнее на содержании этого документа [9. Д. 274. Л. 1–4 об.]. В нем сообщалось, что на начало 1942 г. в РСУ числились 21 профессор и 17 доцентов и лекторов по разным специальностям. Акцент в деятельности университета явно сместился с преподавательской на научную работу, ибо НИО названо "основой Университета". В нем регулярно заслушиваются доклады, издаются научный журнал и отдельные работы членов объединения (с 1935 г. издано 90 брошюр). Научная деятельность осуществляется также в Историческом, Философском и Педагогическом обществах, состоящих при РСУ. Кроме того, в процессе формирования находятся Медицинское и Научно-техническое общества, которые также предполагают выпускать научные труды.

К 1942 г. насчитывалось 14 семинариев и научных кружков: по теории и истории права, политической экономии, социальной и экономической географии, истории хозяйственного быта, новейшим методам организации государства и народного хозяйства, коммерческим знаниям, литературе, русскому языку, русской истории, истории русской культуры, военной истории, естествознанию и географии, математике и физике, сельскому хозяйству и пр. В семинариях и кружках слушатели знакомились с самим предметом и методами научного исследования.

Курсы лекций устраивались по желанию членов русской колонии или русских организаций; они давали специальное образование или более подробно знакомили с "определенной научной или практической областью". Медицинские курсы подготовили большое количество сестер милосердия. Педагогические курсы выпускали учителей сельской и низшей школы. Курсы социальной помощи готовили работников по оказанию помощи неимущему населению, беженцам, детям, больным. Курсы по изучению современной России знакомили с разными сторонами советской жизни. Курсы по организации торговых и промышленных предприятий давали практические знания "для восстановления Родины, разоренной большевиками, уничтожившими всякую частную инициативу". Курсы по изучению корпоративного устройства государства, как и курсы по организации тоталитарных государств, подготавливали "к реорганизации строя на новых национал-социалистических основах". Курсы для подготовки судебных и административных деятелей имели целью подготовить судебный и административный аппарат "в освобождаемых областях России".

Продолжали действовать курсы для русских детей, обучающихся в иностранной школе (им преподавались специальные "русские предметы"). Число учеников этих курсов составляло 60–70 человек. Курсы русского языка для иностранцев насчитывали 170 слушателей.

Используя все имеющиеся в его распоряжении научные силы и привлекая других русских специалистов, РСУ решил подготовить "проекты перестройки жизни на новых началах в освобождаемых областях" России с учетом "особенностей русского исторического быта, сложившегося в ряде поколений". В основу разрабатываемых проектов было решено положить "национал-социалистический строй", принимая во внимание советский режим, при котором народу пришлось жить двадцать пять лет, и объясняя выбор тем, что "хозяйственная и государственная жизнь не переносит резкой перемены, а нуждается в постепенном переходе". Подготовка проектов легла на специально созданные комиссии. Так, сельскохозяйственная комиссия должна "обосновать проект" аграрного переустройства "в целях наилучшего использования богатых земельных ресурсов" России и "создания прочного крестьянского хозяйства". Аналогичные комиссии учреждались и в других областях (законодательная, по созданию торговых и промышленных предприятий, по народному образованию, по научным и культурным учреждениям и др.). При этом Ильин подчеркивал, что работа

PCY в целом и его комиссий, в частности, могла бы быть более плодотворной, если бы осуществилось тесное сотрудничество с германским Министерством восточных областей (провинций).

Основная задача PCY, как представлялось Ильину, состояла в содействии "восстановлению нормальной жизни" в России, устранению "всех последствий большевизма и влияния еврейства". Для этого необходима была и некоторая реорганизация работы университета. Так, для подготовки новых учительских кадров, по мнению ректора, необходимо создание одного (объединяющего исторические, филологические и естественные науки) или двух (историко-филологического и естественного) факультетов. За два-три семестра осуществлялась бы подготовка учителей низшей и сельской школы, за шесть семестров – преподавателей средней школы, при двух добавочных семестрах и сдаче доктората выпускались бы преподаватели высшей школы.

На аналогичных принципах могла бы строиться работа Юридического факультета (с использованием преподавателей и слушателей бывшего Русского Юридического факультета в Праге). За шесть семестров (или за два – для имеющих высшее юридическое образование) осуществлялась бы подготовка лиц для занятия высших судебных и административных должностей. Краткосрочные курсы (два семестра) готовили бы судебных, административных и полицейских чиновников низшего звена.

Экономический и торгово-промышленный факультет (состоящий из узко специальных отделений) взял бы на себя подготовку деятелей в области сельского хозяйства, разработки земных недр, организации финансовых, торговых, промышленных предприятий, кооперации, страхового дела и т.п. Для работы на этом факультете предполагалось привлечь не только русских эмигрантов, но и немецких специалистов, которые знакомили бы слушателей с новыми методами ведения хозяйства страны. Обучение велось бы в течение двух-трех семестров, что, по замыслам Ильина, "дало бы возможность более полно и разносторонне использовать природные богатства в интересах местного населения и для снабжения заграницы".

В проекте перестройки работы университета внимание уделялось не только материальным сферам жизни, но и духовным. Предполагалось, что при искоренении "губительных последствий безбожной пропаганды" и создании "нового духовного уклада" роль духовенства будет огромной. В России же оно истреблено. Подготовкой священнослужителей занимался бы Теологический факультет, состоящий из высшей духовной академии и краткосрочных курсов для священников (по программе бывших духовных семинарий).

В своей записке ректор PCY подчеркивал, что подробно изложенный им план реорганизации деятельности университета возможно осуществить только "при прочной моральной и материальной поддержке" и "в тесном сотрудничестве с немецкими властями" и с Министерством восточных областей. Материальные средства, получаемые от чешского правительства в размере 10 тыс. марок, не покрывают потребностей PCY, который вынужден "дополнительно изыскивать средства на стороне".

В ближайшей перспективе, после "освобождения" России "от большевиков" фашистскими армиями, руководителю PCY виделся перевод университета на родину, чтобы покрывать "недостаток интеллигенции", который, по его мнению, "еще долго будет ощущаться" на русской земле. Преподаватели университета, кроме того, могли бы принять участие в работе научных учреждений, существующих в России.

Безусловно не лишены интереса отдельные предложения о перестройке обучения, основанные между тем на осуществлении надежд, связанных с уничтожением Советской власти, свидетельствуют о втягивании части русской научной среды в сферу политических интересов Германии, но вместе с тем и о необходимости борьбы за выживание. Однако позиция Ильина (и, вероятно, определенной части профессоров), четко зафиксированная в изложенном документе, отнюдь не свидетельствует о приерженности подобным взглядам всех преподавателей и научных работников PCY.

Ход военных действий на Восточном фронте (наряду с причинами другого, в частности, финансового характера) несомненно внес свои коррективы в далеко идущие планы ректора РСУ В.С. Ильина. Во всяком случае, его программа не была реализована.

Тем временем РСУ под новым названием "Русская ученая академия" (РУА) достаточно активно продолжал свою научную и педагогическую деятельность. Она по-прежнему включала в себя организацию научных и научно-популярных лекций и докладов в состоящих при академии обществах, семинарах, кружках и курсах. "Как и прежде, деятельность эта была весьма оживленна и разнообразна и привлекала значительные кадры слушателей" [9. Д. 251. Л. 19].

Были открыты семинар по истории музыки (руководитель проф. И.И. Лапшин), кружок по истории театра и драматические курсы (руководитель В.И. Васильев), курсы социальных наук. Судя по отчету, в 1942/1943 академическом году на курсах социальных наук было прочитано 24 лекции, в физико-математическом семинаре – 13, семинаре по общим вопросам естествознания – восемь, по социальной географии – 18, по истории хозяйственного быта – шесть, по организации государства и народного хозяйства – 16, по теории эконоки и экономической политике – пять, по истории и общей теории права – 23, по русской литературе – 14, по изучению мировой войны – 33, по истории русской культуры – 28, по изучению коммерческих знаний – 14, по истории театра – семь. В НИО было прочитано девять докладов, в Историческом обществе – десять, в Философском – шесть, в Педагогическом – три. Всего 308 лекций и докладов, которые посетили до 9000 слушателей [9. Д. 251. Л. 19]. Как видим, интенсивность работы разных подразделений академии была различной, и в некоторых случаях руководство явно преувеличивало степень активности деятельности своего учреждения, чтобы продемонстрировать нужность и полезность его существования.

На русских курсах для детей при РУА обучалось 43 ученика. Там преподавались Закон Божий, русский язык, русская история и география. Проводилось по семь занятий в неделю в нескольких группах. При школе была организована библиотека, насчитывавшая до 500 книг для детского и юношеского чтения [9. Д. 251. Л. 19].

На курсах русского языка было организовано 19 групп. В 14 группах велись занятия с начинающими, в пяти – с продолжающими. Всего за год обучение прошло 510 человек. Доход от курсов по-прежнему поступал за вычетом средств на оплату преподавателей и административных расходов и служил значительным материальным подспорьем для РУА (он составил свыше 25 тыс. крон). Автономные отделения курсов русского языка были организованы в Праге (50 человек) и в Брно (55 человек) [9. Д. 251. Л. 19–21].

В НИО помимо чтения докладов и проведения семинаров по-прежнему велась активная издательская работа. В отчете отмечалось, что, несмотря на различные трудности, "недостаток бумаги и прочее", НИО удалось издать типографским путем шесть оригинальных трудов. Еще несколько работ было подготовлено к печати, а также намечалось издать ряд трудов научно-популярного характера [9. Д. 251. Л. 20].

Просветительная деятельность РУА осуществлялась силами Русского культурно-исторического музея и Русской библиотеки. Музей (директор Н.В. Зарецкий) "был в течение весны и лета 1942 г. (с 29 III по 29 VIII) открыт 23 дня. Посещаемость выразилась цифрой 1918 особ (средняя посещаемость – 83,4). В Музее вновь подобраны уголки, посвященные отдельным лицам: Ф.И. Шаляпину, И.А. Бунину, Вас.И. Немировичу-Данченко, а также устроен специальный зал с документальными материалами осады и защиты Севастополя в 1854–1856 гг. Далее в театральном зале выставлена сюита костюмных рисунков к балетным постановкам Е.Н. Никольской в Пражском национальном театре, и т.д." Русская библиотека выдала в год около 15 тыс. книг. Отмечалось, что число ее читателей растет из месяца в месяц. 10 апреля 1943 г. членами академии была отслужена панихида по С.В. Рахманинову [9. Д. 251. Л. 20; 12. Д. 12. Л. 6].

В упоминавшейся записке В.С. Ильина обращалось также внимание на такие учреждения, созданные в Праге русскими, как Славянская библиотека, содержащая около 200 тыс. книг, и Русский заграничный исторический архив, собравший более четырех миллионов листов документов времен гражданской войны и эмиграции, большую библиотеку, газетный отдел, в котором числилось много тысяч газет и журналов того же периода. Ильин сетовал, что эти учреждения "взяты чехами из русских рук", что подорвало доверие к ним со стороны русской эмиграции. Он настаивал на их передаче русским, с определенным цинизмом объясняя, что условия военного времени благоприятны для сбора материала, так как "вынуждают русских беженцев расстаться с излишним имуществом" [9. Д. 274. Л. 2 об.].

В заключение отчета констатировалось "общее стремление профессоров, администрации и канцелярии всеми силами содействовать дальнейшему успешному развитию деятельности РУА" и приносилась благодарность чешскому Министерству школ "за моральную поддержку и материальную помощь, на которую в значительной мере опиралась культурная работа Академии (Свободного университета) вот уже ряд лет" [9. Д. 251. Л. 20 об.].

Взаимоотношения РУА с немецкими и чешскими властями в Протекторате Чехия и Моравия постепенно стабилизировались. РУА в целом доказало свою лояльность "новому порядку" в стране, но все-таки новые циркуляры продолжали поступать. Так, 4 июня 1942 г. заместитель уполномоченного руководителя Объединения русских культурных и благотворительных организаций в Протекторате проф. Д.Н. Иванцов от имени К. Ефремова, уполномоченного начальника УДРЭ в Протекторате, прислал в РУА циркуляр, воспевающий "всем русским организациям, равно как и отдельным лицам русской национальности... непосредственное сношение с советскими военнопленными или лицами, приехавшими из освобожденных германскими войсками областей России на работу в Германию" [12. Д. 43. Л. 1]. Ранее предписывались обязательные дежурства, сдача всех радиоприемников и пр. [12. Д. 43. Л. 15; 9. Д. 262. Л. 31 об., 33].

За 1943/44 академический год отчет не сохранился, но из расписания лекций и докладов различных организаций при РУА видно, что академия почти не снижала своей научной и деловой активности. Работали те же подразделения, что и в предыдущем году. Так, семинарий по изучению русской литературы и языка по-прежнему занимался вопросами изучения классической русской литературы (доклады о творчестве И.С. Тургенева, Д.И. Писарева, Ф.И. Тютчева, Ф.К. Соллогуба и др.). 19 мая 1944 г. А.Л. Бем прочитал доклад на актуальную тему: "Задачи современной эмигрантской литературы". Со своими стихами выступили Ирина Бем, Вячеслав Лебедев, с прозой – Василий Федоров, а на другом заседании – Э.А. Гагарин. Всего в семинаре было сделано 14 докладов [9. Д. 262. Л. 62].

На семинаре по истории музыки его руководитель И.И. Лапшин читал доклады о выдающихся русских композиторах А.С. Аренском, А.Т. Гречанинове, А.С. Даргомыжском, П.И. Чайковском, Н.А. Римском-Корсакове и др. (всего восемь докладов) [9. Д. 262. Л. 48–49, 53, 55].

Семинар по истории и общей теории права был посвящен самым разнообразным вопросам истории права в Европе. Среди наиболее интересных докладов можно отметить следующие: М.В. Шахматов "Власть как воля в истории русских правовых идей", С.И. Варшавский "Основные идеи германского уголовного уложения", "История права в XIX веке и коммунизм", И.И. Лапшин "Философия Фридриха Великого" и др. Всего было прочитано 15 докладов [9. Д. 262. Л. 40, 42, 59–60].

На семинаре по социальной географии рассматривались многие страны Европы и Америки. С.И. Варшавский посвятил свои выступления посещению Петром Великим Германии, Голландии, Англии; А.Н. Фатеев остановился на характеристике европейского и американского материков, Малой Азии, Сирии, Палестины, Ирана; И.Н. Жуковский (бывший в советское время профессором Кубанского пединститута) рассказывал о Крыме и путешествии по Теберде [9. Д. 262. Л. 43, 51, 64, 68–69, 72 и др.].

Семинар по организации государства и народного хозяйства был одним из наиболее многочисленных. На нем было прочитано 16 докладов. Среди них: М.В. Шахматов "Исторические начала в организации русского народа", И.М. Малинин (бывший профессор Краснодарского университета) "Винница и полицейские мероприятия советской власти", "Организация высшего образования в СССР и жизнь в вузах", И.Н. Жуковский "Организация и жизнь средней школы в СССР", П.И. Казакевич "Жизнь высшей школы в Харькове" и "Жизнь в Харькове в 1942–43 гг.", С.И. Варшавский "Организация правовой защиты частных лиц" и др. [9. Д. 262. Л. 41, 44, 47, 52–53, 56].

В семинаре по теории экономики и экономической политике было прочитано всего шесть докладов. Среди прочих: С.И. Варшавский "Социализм и собственность", Д.Н. Иванцов "Власть и подчинение в хозяйственном мире" и др. [9. Д. 262. Л. 51, 61].

Семинар по истории хозяйственного быта заслушал также шесть докладов: П.Н. Савицкий "Из истории промышленного освоения Кавказа", П.А. Остроухов "Быт Нижегородской ярмарки в связи с социальным составом ее посетителей", Д.Н. Иванцов "К вопросу о происхождении хозяйства" и др. [9. Д. 261. Л. 48, 57, 71].

Физико-математический семинар на своих девяти заседаниях рассматривал специальные проблемы, изложенные в докладах Е.Л. Буницкого, Г.А. Орлова, С.П. Дмитриевского, А.И. Тарасевича.

На семинаре по общим вопросам естествознания и евгеники было заслушано четыре доклада: И.М. Малинин "Питание и жилищные условия в Советской России", "Социально-бытовые условия жизни в СССР", И.Н. Жуковский "Жизнь в Советах и перемена быта горских народов", "Климатологические исследования и экспедиции в СССР" [9. Д. 261. Л. 45, 47–48, 55].

При РУА действовало также несколько кружков: по истории театра, по истории русской культуры, по изучению мировой войны, по изучению коммерческих знаний и драматические курсы.

Весной и летом 1944 г. руководство РУА предпринимало также энергичные шаги по организации "Студии рисования и живописи" на принципах самоокупаемости. Хлопоты по ее организации взял на себя художник Н.С. Бакунин, возглавивший специальную комиссию по организации художественной школы при РУА. Были составлены сметы расходов и Проект положения о Художественной школе. Целью студии провозглашалось: "дать возможность всем русским, желающим и имеющим способности, научиться рисунку и живописи в русской традиции или пополнить недостаток знаний". В школе предполагалось преподавание анатомии (А.М. Ватугин), перспективы (Н.П. Пашковский), истории искусства (Н.А. Еленев), химии (технологии мастерства) (Васильковский), непосредственные практические занятия под руководством художников Н.В. Зарецкого, Н.С. Бакулина, В.А. Брандта, И.Д. Щапова. Примечательно, что по Положению в школу должны были приниматься "лица обоего пола, арийского происхождения (в смысле Нюрнбергских законов) и русской национальности" [10. Д. 107. Л. 48]. Ни в одной из других организаций РУА таких ограничений не предусматривалось.

Студия рисования и живописи при РУА была утверждена ректором В.С. Ильиным 7 июля 1944 г., но по-видимому так и не приступила к работе, так как к тому времени деятельность РУА постепенно начинала сворачиваться.

При РУА в 1943/44 академическом году продолжал действовать ряд научных объединений и обществ.

В Философском обществе было прочитано девять докладов: И.И. Лапшин "Эстетика И.С. Тургенева", "Философия природы у И.С. Тургенева", "Гегель – личность и творчество", "Понятие бога в современных философских системах", "Идеализм, позитивизм, материализм" и др. [9. Д. 262. Л. 40, 58, 64, 70].

Историческое общество заслушало 12 докладов. Среди них: А.Л. Бем "Тургенев в Карлсбаде", "О личности К.Д. Кавелина", С.Г. Пушкарев "Кавелин как историк", А.Н. Фатеев "Потемкин как организатор Новороссийского края", П.А. Остроухов "Акад. П.Б. Струве как экономист и профессор", П.Н. Савицкий "Акад. П.Б. Струве

как историк", А.В. Камнев «Историческая канва "Слова о полку Игореве"» и др. [9. Д. 262. Л. 46, 52, 57, 66, 68].

В Педагогическом обществе было прочитано три доклада: М.В. Ковалевский "Внеклассное воспитание", И.Н. Жуковский "Организация жизни средней школы в СССР", архм. Исаакий "Уклад жизни в старой Руси под водительством церкви" [9. Д. 262. Л. 47, 56, 66].

В Философской секции было прочитано четыре доклада: И.И. Лапшин "В. Соловьев", "Античная греческая и современная философия", "О критической философии", С.А. Левицкий "Совесть как предмет метафизики" [9. Д. 262. Л. 73, 98, 104].

В 1944 г. произошли изменения в составе Совета преподавателей РУА. Из Совета по разным причинам выбыли З. Бажант, Н.В. Быстров, Н.О. Лосский, Е.А. Ляцкий, И.О. Панас, А.П. Фан-дер-Флит, М.В. Шахматов, К.А. Чхеидзе; в то же время Совет пополнился новыми членами: С.Е. Борисов, П.Д. Растокин, А.И. Тарасевич, Б.П. Вышеславцев. Президиум Совета остался прежним [9. Д. 260. Л. 35].

В то же время в РУА было произведено упорядочение ее структурных подразделений. Осенью 1944 г. в ней было основано два отделения: 1) гуманитарное (с секциями социальной географии, философии, русской словесности, социологической и юридической, исторической, экономической) и 2) естественно-научное (с физико-математической секцией). Продолжал существовать кружок по распространению коммерческих знаний [10. Д. 132. Л. 7–9].

Секцию русской словесности вел А.Л. Бем, прочитавший 13 докладов. Среди них: "Художественные обработки легенды о грешной матери", "Песня в творчестве Достоевского", "Поэт чести Н. Гронский", "Жизнь и творчество Леонида Андреева", «"Сабина Мональдески" – ненаписанный роман И.С. Тургенева», "Современная эмигрантская поэзия" (совм. с Н.Е. Андреевым) и др. [9. Д. 262. Л. 73, 75, 77, 92, 108].

Социологическая и юридическая секция была представлена семью докладами. Среди них: А.Н. Фатеев "Социология прессы", "Социология речи", С.Г. Пушкарев "Государственные крестьяне в XVIII веке", И.И. Лапшин "А.И. Герцен", Г.В. Флоровский "Вопрос о культурном уровне Древней Руси", Д.Н. Иванцов "Социология общественной известности" [9. Д. 262. Л. 74–75, 77, 91, 93].

В исторической секции было прочитано 14 разнообразных по содержанию докладов: И.И. Лапшин "Новое о Глинке", "Жизнь и творчество А.С. Даргомыжского", "П.И. Чайковский", "М.П. Мусоргский", "Новейшие русские композиторы", Ф.Н. Досужков «Попытка определения личности князя Мстислава из "Слова о полку Игореве"», П.А. Остроухов "Из истории русско-шведских торговых отношений в XII веке", П.В. Отоцкий и А.Л. Бем "Воспоминания итальянца Балагри из времени Петра Великого", доклады о И.И. Лаппо. Наибольшее число слушателей привлекали, судя по протоколам, доклады Г.В. Флоровского "Из истории русской религиозно-философской мысли" о С.Н. Булгакове и П. Флоренском (21 января 1945 г.). Последний доклад, состоявшийся 22 апреля 1945 г., был посвящен Флоровским С.Н. Трубецкому [9. Д. 262. Л. 75, 78–79, 90, 96–98, 101; Д. 278. Л. 7–8, 18].

Секция экономическая заслушивала доклады по специальным вопросам Д.Н. Иванцова, В.Г. Шапошникова, И.В. Самецкого, В.Л. Гошовского, А.В. Зеньковского (всего – восемь).

В секции социальной географии состоялось восемь докладов о разных регионах: Проливах, Византии, Греции, Тихом океане, Паннонии, Венгрии и др. Главным докладчиком был А.Н. Фатеев [9. Д. 262. Л. 93, 95, 99].

И, наконец, в физико-математической секции Естественного отделения было прочитано десять специальных докладов.

Продолжало довольно активно действовать НИО РУА. Здесь было прочитано десять докладов, в основном повторяющих аналогичные темы в обществах, кружках и семинариях. Выступали А.Н. Фатеев, Е.Л. Буницкий, Д.Н. Иванцов, И.Н. Жуковский, В.С. Ильин, И.И. Лапшин, Б.П. Вышеславцев. В 1942 г. вышел последний (11-й) том

"Записок" НИО, но объединение продолжало (хотя и с большими трудностями) издавать научные труды своих членов [9. Д. 251. Л. 19–20].

С октября 1944 г. впервые в практику РУА вошли закрытые заседания по-видимому только для членов НИО. Они продолжались по май 1945 г., вплоть до Пражского восстания и взятия Праги советскими войсками.

В провинции (в Брно и Пльзене) было прочитано 11 докладов на темы, предлагавшиеся ранее в семинарах, кружках и обществах РУА.

На русских курсах для детей помимо обычных занятий была организована традиционная елка и молебен по случаю окончания учебного года [9. Д. 251. Л. 19 об.].

19 июня 1944 г. курсы русского языка были закрыты и РУА потеряла значительный источник своих постоянных доходов [10. Д. 134. Л. 1 об.]. Это послужило одним из первых сигналов начала свертывания ее деятельности, хотя контроль за деятельностью РУА со стороны немецких властей по мере расширения германских военных неудач на фронте постепенно ослабевал, но вместе с тем иссякали и денежные дотации от чешского Министерства школ.

В Меморандуме о Русской академии в Праге, написанном на чешском языке 9 апреля 1945 г. на имя "главного профсоюзного советника" Яна Покорного, указывалось, что в трудных условиях 1944/45 академического года РУА продолжала работать. В семи ее секциях состоялось 75 закрытых заседаний с научными докладами [10. Д. 134. Л. 1].

Несмотря на технические трудности, продолжалась издательская деятельность РУА. В серии "Лекции и рефераты" были подготовлены к печати на русском языке семь работ: А.Л. Бем "Церковь и русский литературный язык", «"Сабина Моладески" – ненаписанная повесть Тургенева», И.И. Лапшин "Своеобразие русского искусства", "Римский-Корсаков и русская музыка", А.Н. Фатеев "Потемкин-Таврический", "История одного призвания. Путешественник Пржевальский", А.Д. Григорьев "История древнейших славян". "Нужно отметить, – писалось в Меморандуме, – что опубликование научных работ в нынешних условиях значительно труднее, чем раньше. Средства академии совершенно исчерпаны". Возникли трудности с печатанием работ из приведенного списка. Далее, отмечая, что закрытие курсов русского языка лишило РУА последних источников существования, академия просит "выделить необходимые части субсидий за прошлые месяцы и на дальнейшие расходы на текущий месяц". Меморандум был подписан П.А. Остроуховым и А.Н. Фатеевым [10. Д. 134. Л. 1–1 об.].

По сведениям В.Т. Пашуто, в апреле 1943 г. по распоряжению имперского протектора повысились ассигнования, предназначенные для РУА, но, как отмечено в отрывке протокола президиума Куратория от 23 января 1944 г., деятельность Русской академии в 1943 г. сократилась по сравнению с 1942 г. "в связи с ослаблением надежд на немедленное возвращение в Россию". А 8 февраля 1945 г. перед тем как скрыться из Чехословакии, В.С. Ильин пишет А.Н. Фатееву (в 1943 г. он сменил З. Бажанта в Объединении): "В виду того, что моя научная работа не дает мне возможности руководить Уч[еной] Академией, прошу Вас принять на себя исполнение обязанностей Ректора". Ввиду отказа Фатеева Ильин "послал предписание проф. Остроухову принять звание Члена Президиума Академии и исполнять должность проректора Академии" [5. С. 48]. Преподаватель русских курсов П.А. Остроухов принял предписание и стал проректором РУА.

"После освобождения Чехословакии Красной Армией, – говорится в книге В.Т. Пашуто, – не покинувшие страну профессора возложили все дела по окончательной ликвидации РСУ на П.А. Остроухова (11 августа 1945 г.). В октябре 1945 – октябре 1946 г. через архивариуса города Праги проф. В. Войтишка в Архив Главного магистрата Праги П.А. Остроухов передал свыше 11 тысяч книг из фонда Русской библиотеки – "все это труды русских ученых. Они написаны в течение четверти столетия пребывания этих ученых в Праге и получавших пособие от чехословацкого правительства" [5. С. 48].

Есть и архивное свидетельство об отказе РСУ от договора с Русской библиотекой 30 декабря 1944 г. и возвращении ее с 1 июля 1945 г. Обществу "Русская библиотека в Праге". Однако Совет Общества обратился к существовавшей библиотечной комиссии РСУ с просьбой продолжить работу, связанную с деятельностью библиотеки. Акт о передаче библиотеки был подписан 3 июля 1945 г. ректором университета А.Н. Фатеевым (точно неизвестно, когда он принял этот пост) и членом Совета Общества "Русская библиотека" Н.Ф. Новожиловым [9. Д. 261. Л. 11].

По свидетельству П.А. Остроухова, приведенному В.Т. Пашуто, РСУ закрыт немецкой полицией 19 июня 1944 г. и "не восстановлен из-за малого числа членов и недостатка денежных средств" [5. С. 48]. Приведенные выше данные о деятельности РУА свидетельствуют, что эти сведения не верны. К тому же есть документы, показывающие, что руководство РУА, которой летом 1945 г. снова было возвращено имя Русского свободного университета, делало попытки возобновления деятельности университета в новых условиях, изменив ориентацию с учетом прихода к власти иных сил.

Есть некоторые свидетельства того, что после мая 1945 г. РСУ продолжал как-то функционировать и даже имел некоторые материальные средства для своей деятельности. Так, согласно справке, выданной от имени ректора РСУ А.Н. Фатеева и проректора П.А. Остроухова 4 ноября 1946 г. (на чешском языке) Павлу Шпаковскому, последний "после открытия вновь курсов русского языка, закрытых оккупантами,... целый учебный год 1945/46 работал в качестве профессора упомянутых курсов" [10. Д. 198. Л. 1].

После окончания войны руководство университета просило В.Ф. Булгакова вновь возглавить Русский культурно-исторический музей: "Президиум Русского свободного университета в Праге, осведомившись о Вашем благополучном возвращении в Прагу, приветствует Вас и выражает Вам и Вашей семье свое глубокое сочувствие по поводу понесенных Вами за последние годы тяжелых испытаний. За время Вашего отсутствия Президиум университета и Музейная комиссия всегда с благодарностью вспоминали о Вашей плодотворной деятельности по устройству Русского культурно-исторического музея в Збраславе и по управлению им". После некоторых колебаний В.Ф. Булгаков принял руководство разоренным музеем, приложив много сил для спасения оставшейся части коллекций. На расходы по восстановлению музея он попросил у руководства РСУ (в письме от 14 октября 1945 г.) тысячу крон. В ответ получил от него банковскую книжку и удостоверение, по которым получил на музейные расходы в банке 1500 крон [10. Д. 146. Л. 1, 7].

Некоторые надежды были связаны с ожиданием помощи от З. Бажанта. В.Ф. Булгаков писал П.А. Остроухову 23 октября 1945 г.: "Вы, конечно, уже читали в газетах об избрании проф. З. Бажанта ректором чешского Политехникума. Я очень рад за него, да и за нас. Ведь это председатель Куратория РСУ. Как член Куратория я смотрю именно так на проф. Бажанта и считаю, что в данное время он автоматически восстанавливается в прежней должности" [10. Д. 165. Л. 10 об.].

По-видимому, эти надежды не оправдались, и средства РСУ стали неумолимо иссякать. Еще одна попытка получения денег была сделана весной 1946 г. Дело в том, что Русскому культурно-историческому музею еще в январе 1940 г. был выслан на содержание от благотворительного фонда им. И.В. Кулаева чек в 200 американских долларов в особом письме, задержанном военной цензурой. После освобождения Чехословакии чек был найден и с разрешения Национального банка ЧСР мог быть оплачен Живностенским банком по специальному ходатайству. В апреле 1946 г. руководство РСУ (ректор А.Н. Фатеев и проректор П.А. Остроухов) послали в фонд И.В. Кулаева письмо, прося разрешения использовать чек на нужды университета: «Дело в том, что находившийся при Русском свободном университете в Праге Русский культурно-исторический музей в начале 1945 г. сильно пострадал от военных действий (помещение, в котором он находился, было занято сначала германскими, а потом русскими властями: его архив, библиотека и коллекции отправлены в Россию под

названием "Архив Булгакова", а картины Рериха и др., взяты в музей при открытой недавно в Праге советской средней школе. Таким образом, Русский культурно-исторический музей перестал существовать, и бывший его заведующий В.Ф. Булгаков, произведший сдачу Музея, на службе Университета более не состоит.

На основании сказанного, Президиум Университета, *продолжающего* (курсив наш. – Е.А., М.Д.) русскую культурную работу, просит Правление Образовательного фонда им. И.В. Кулаева разрешить ему присланные по вышеупомянутому чеку деньги употребить на другую цель, а именно, печатание ученых работ, которое производится состоящим при Университете Научно-исследовательским объединением» [10. Д. 109. Л. 3–3 об., 7]. В результате непродолжительной переписки фонд им. Кулаева отказал университету в просьбе и просил вернуть чек обратно, что и было сделано 1 июля 1946 г.

Есть еще одно свидетельство бывшего директора Музея В.Ф. Булгакова о последних годах РСУ. 22 июля 1948 г. он писал: "Юридически Общество Русского свободного университета давно уже перестало существовать, совершенно прекратилась и его фактическая деятельность. Ректор Университета (проф. Ильин) и секретарь Университета (проф. Иванцов) бежали и проживают не то в Америке, не то в Германии" [10. Д. 107. Л. 70].

По данным В.Т. Пашуто, в ноябре 1948 г. П.А. Остроухов писал чехословацким властям, что ввиду того, что РСУ и его учреждения практически перестали существовать, "просим, чтобы Вы вышеуказанное общество (РСУ в Праге) вычеркнули из списка обществ". МИД ЧСР 2 марта 1949 г. удовлетворил эту просьбу [5. С. 49].

Итак, мы познакомили читателей с деятельностью Русского свободного университета (Русской ученой академии) в Праге, преимущественно в годы Второй мировой войны. Это самостоятельное (негосударственное) учебное заведение просуществовало почти четверть века, давая возможность, с одной стороны, русским ученым-эмигрантам успешно продолжать свою научную и педагогическую деятельность, недоступную для них на родине, с другой стороны – русской молодежи получить качественное образование в традиционном духе русской национальной культуры. Кроме того, благодаря деятельности РСУ тысячи жителей Чехии, Моравии и Словакии через обучение русскому языку приобщались к великим достижениям русской науки, литературы, искусства, знакомились с историей России.

Годы войны и оккупации Чехословакии наложили определенный отпечаток на работу университета. Надеясь на скорое возвращение в Россию, многие профессора РСУ с энтузиазмом старались передать своим слушателям необходимые знания о современном положении России: состоянии ее экономики, промышленности и сельского хозяйства, природных ресурсов, о военном деле, образовании и т.п., не забывая, впрочем, о традиционном углубленном изучении русской национальной истории, классической и современной (преимущественно эмигрантской) литературы. Вместе с тем, большое внимание уделялось мировым проблемам, в особенности современному положению Германии. Тематика докладов, звучавших в РСУ, отличалась широтой и разнообразием, что свидетельствует о насыщенной научной жизни ученых-эмигрантов.

Считая, что для достижения благородной цели служения освобожденному от большевиков отечеству, все средства хороши, руководство университета не гнушалось поддерживать добрые отношения с немецкими властями, доказывая им свою полную лояльность. Это обстоятельство помогло университету выжить и, насколько было возможно, активно работать в трудные годы войны, в то время как чешский Карлов университет и другие учебные заведения оккупированной республики были закрыты.

После освобождения Чехословакии Советской Армией и восстановления ЧСР, РСУ не имел уже шансов на выживание. Судьбы руководителей Русской ученой академии сложились по-разному. Ректор РУА В.С. Ильин (1882–1957) бежал из Праги и окончил свои дни в Венесуэле. Проректор академии П.А. Остроухов (1885–1965) остался в Праге, работал сотрудником Чехословацко-советского института ЧСАН до его закрытия в 1964 г. Последний ректор РУА А.Н. Фатеев (1872–1952) также остался

в Чехословакии, судьба его неясна. Руководитель одного из семинаров академии А.Л. Бем (1886–1945?) был арестован и погиб. Директор музея В.Ф. Булгаков (1886–1966), освобожденный американцами, возвратился в Прагу: работал в Министерстве информации, журнале "Пражские новости", преподавал в русской школе. В 1948 г. он вернулся в СССР и до конца жизни работал хранителем Дома-музей Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. В условиях постепенной "коммунизации" ЧСР, этой "республики народной демократии", даже остававшийся некоторое время у власти прежний покровитель РСУ президент Э. Бенеш не мог по политическим соображениям поддерживать русских эмигрантов. К этому времени стал особенно ощутим упадок русской научной жизни в ЧСР. Поэтому после почти четырехлетней агонии Русский свободный университет прекратил свое существование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русские в Праге. 1918–1928. Прага, 1928.
2. Пятнадцать лет работы Русского свободного университета в Праге (1923–1938). Прага, 1938.
3. Возникновение и деятельность Русского Научно-исследовательского объединения в Чехословакии. Прага, 1938 [ГАРФ. Ф. Р-6427. Оп. 1. Д. 83].
4. *Řiha T.* Emigré Scholars in Prague after World War I // *The Slavic and East European Journal*. 1958. Vol. XVI. № 1.
5. *Пацунто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
6. *Досталь М.Ю.* Печатные источники для изучения истории славистики русского зарубежья (Чехословацкий славистический центр) // *Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века*. М., 1992.
7. *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994.
8. ГАРФ. Ф. Р-5899. Русский народный университет в Праге. 1923–1938. Оп. 1. Д. 12.
9. Архив РАН. Ф. 1609. А.В. Флоровский. Оп. 1.
10. ГАРФ. Ф. Р-9586. П.А. Остроухов. Оп. 1.
11. ГАРФ. Ф. Р-6767. М.М. Новиков.
12. ГАРФ. Ф. Р-6427. А.Н. Фатеев. Оп. 1.
13. *В.Г.* Основатель вольной высшей школы [А.Л. Шанявский] // *Подмосковные известия*. 1994. 28 июня.
14. *Emigrace ze SSSR v meziválečném Československu. Přínos vědě a kultúře...* Praha, 1991.
15. *Сладек Э.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие "русской акции" // *Славяноведение*. 1993. № 4.
16. *Досталь М.Ю.* Русский культурно-исторический музей в Праге в творческой судьбе В.Ф. Булгакова (по новым архивным данным) // *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами*. Praha. 1995.
17. *Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней*. М., 1988.
18. *Archív filozofická fakulta Univerzity J.A. Komenského. Osobné spisy profesorov*. В 11/1.
19. *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1.



© 2001 г. К. ЦУКЕРМАН

ДВА ЭТАПА ФОРМИРОВАНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА¹

В 1850 г., по высочайшему повелению
Николая I,
"запрещено было подвергать критике
вопрос о годе
основания русского государства, ибо-де
862-й год
назначен *преподобным* Нестором"
С.М. Соловьев [2. С. 325].

Традиционные хронологические рамки начального периода русской истории и искусственно раздуты, и чрезвычайно узки. Для русских летописей, общей основой которых является ныне утерянный Начальный свод конца XI в., исходным пунктом служит царствование византийского императора Михаила III (842–867). Так, Новгородская первая летопись младшего извода относит "начало земли Руской" к 854 (6362) г., согласно же "Повести временных лет", с 852 (6360) г. "нача ся прозывати Руска земля". Немного времени спустя, ближе к концу царствования Михаила, летописи извещают о приходе Рюрика, основателя династии русских князей.

Основой для хронологических выкладок летописцев послужил славянский перевод византийской хроники Продолжателя Амартола (Георгия Мниха), где русы, действительно, впервые упоминаются в связи с их нападением на Константинополь при императоре Михаиле III. Однако из Бертинских Анналов нам известно, что первые контакты Руси с Византией произошли не позднее царствования отца Михаила – Феофила. Более того, раскопки Ладоги засвидетельствовали присутствие "русов" (скандинавов) на севере современной России начиная со второй половины VIII в. Таким образом, летописная хронология оказывается слишком короткой, но, в то же время, и искусственно раздутой, поскольку, как мы недавно показали, правление третьего русского князя – Игоря, на самом деле продолжавшееся три с половиной года (лето 941 г. – начало 945 г.), в ПВЛ растянуто до тридцати двух-тридцати трех лет (913–945) [3. Р. 258–266] (частичный перевод на рус. яз. см.: [4. С. 68–80]). Датировав слишком ранним временем начало династии Рюрика, летописец смог таким образом "заполнить" излишние годы. Явная порочность этой хронологической схемы вызвана тем, что значительный пласт древнейшей русской истории, плохо известный визан-

Цукерман Константин – доцент Коллеж де Франс.

¹ Статья вышла на французском языке в [1. Р. 95–120].

тийским хронистам, был столь же мало знаком и русским летописцам, писавшим более двух веков спустя после интересующих нас событий.

Цель нашей статьи – показать, что эта лакуна в русской истории приходится на время существования весьма недолговечного государственного образования – Русского каганата. Письменные источники, собранные и прокомментированные ниже, свидетельствуют о его существовании с 830-х по 870-е годы. Обзор ссылок на Rhos/Rôs/Rus в этот период показывает, что все они относятся к каганату; бесполезно искать иное Русское государство в эту эпоху. Что касается географической локализации каганата, мы придерживаемся гипотезы, располагающей его на севере, в бассейне Волхова. Сопоставление данных текстов с результатами археологических раскопок наводит на заключение, что каганат исчез в результате межплеменной войны в начале 870-х годов. Приход же Рюрика следует датировать не 862 г., как в ПВЛ, а серединой 890-х годов.

I. Шесть упоминаний о Русском каганате

Упоминания о Русском каганате, которых всего шесть, делятся на две хронологические группы.

Первая группа включает три или четыре источника.

1а – Как сообщают Бертинские Анналы, византийскую миссию, принятую императором Людовиком Благочестивым в Ингельгейме на Рейне 18 мая 839 г., сопровождала группа людей, которые своим королем, называемым каганом (*chaganus*), были посланы к императору Феофилу; эти люди утверждали, что они из народа Rhos. А так как обратный их путь был прегражден "народами варварскими и дикими, жестокости непомерной", Феофил попросил Людовика позволить им беспрепятственно вернуться в свою страну через его империю. Легко подсчитать, что послы кагана должны были выехать из своей страны не позднее весны 837 г., а то и на год-два раньше, если нашествие "варваров" (венгров) заставило их отложить отъезд из Константинополя [5. P. 30–31; 6. P. 41–60]².

1б – Примерно тридцать лет спустя, весной 871 г., византийский император Василий I направил резкое письмо императору Людовику II Итальяскому, известное нам из длинного ответа последнего, сохраненного в Салернской Хронике [7. S. 388; 8. S. 111]³. В феврале 871 г. франкская армия отвоевала у арабов город Бари в южной Италии; в операции принимал участие византийский флот, но, вопреки ожиданиям Василия I, город ему отдан не был. Уязвленный Василий I не нашел ничего лучше, чем заметить Людовику II, что тот не имеет права именовать себя императором, а должен довольствоваться титулом *rex*. По мнению Василия I, каждый государь имеет собственный титул: например, титул кагана (*chaganus*) носят верховные правители аваров, хазар (*Gazani*) и норманов (*Nortmanni*). Защищая свое право на императорский титул, Людовик II пространно прокомментировал доводы Василия и указал, что "заметил" (*repperimus*) – вероятно, в исторических сочинениях – лишь аварского кагана, но не хазарского и не норманского. Норманский каган, неизвестный франкскому императору, может быть только каганом народа *Rhos*, упоминаемого в Бертинских Анналах. В самом деле, скандинавское происхождение руси, настойчиво отрицаемое некоторыми современными историками, отнюдь не было секретом для современников. Приведем лишь один пример: Иоанн Диакон, в Венецианской Хронике, описывает набег росов (*Ros*) на предместья Константинополя в 860 г. (см. ниже) как нападение *Normanorum gentes*.

² О хронологии посольства см. [3. P. 53–55].

³ Ф. Дёлгер резюмирует письмо Василия I на основе ответа Людовика II [9. S. 59. № 487]. Согласно Г. Тавинани-Короззи, ответ был написан до восстания жителей Беневенто против Людовика II в августе 871 г. [10. P. 227].

1в – Далее следует упомянуть арабское описание Восточной Европы, использованное некоторыми восточными географами. Этот источник, названный польским востоковедом Т. Левицким "Анонимной запиской", датируется 870–880-ми годами [11. Р. 2–9]. Прочитируем лишь начало "русской" главы текста в древнейшем из сохранившихся его вариантов, принадлежащем Ибн Русте (около 920 г.): "Русы живут на полуострове, окруженном болотами. Этот полуостров на расстоянии трехдневного пути состоит из лесов и болот; он зловонен, и земля его настолько сырая, что движется при ходьбе по ней. Государь их носит титул кагана русов. Они ведут разбойную войну против славян, захватывают пленников, которых продают хазарам и болгарам" [12. Р. 163]. Автор "Анонимной записки" стремится указывать точные титулы правителей описываемых народов, что увеличивает ценность его свидетельства о кагане русов. В этом тексте, как и в современном ему письме Василия I, упоминаются лишь два "действующих" кагана (аварский каган давно уже принадлежал к истории) – хазарский и русский.

Сюда же можно отнести и сообщение, содержащееся в "Книге стран" аль-Якуби (889/890), согласно которому цанары, осажденные в 854 г. у себя на родине, в горах к югу от Дарьяла арабской армией под предводительством Буги "старшего", "писали византийскому государю, хазарскому государю и государю славян (al-Sakaliba)" [13. Р. 598] (пер. в [14. Р. 490]). Трудно себе представить, кто бы мог быть этим государем славян, упоминаемым наравне с византийским императором и хазарским каганом, кроме кагана русов. Первые арабские географы, в том числе Ибн Хордадбех, смешивали русов со славянами. Выбор государей в безусловно легендарном рассказе аль-Якуби о цанарах, призвавших международную помощь, возможно, объясняется тем, что после нападения на порт Абаскун на южном побережье Каспийского моря в эпоху владычества алида аль-Хасана б. Зайда (864–884) русь завоевала определенную известность в Закавказье [15. S. 266] (пер. [16. С. 317–318]).

Таким образом, первая группа сообщений с упоминанием титула "каган" выпадает на короткий промежуток в 40–50 лет в середине IX в.

Тексты второй группы появились на двести лет позже и принципиально отличны от предыдущих. Если в первой группе текстов несомненно упоминается официальный титул русского суверена, то более поздним сообщениям отнюдь не свойственна подобная протокольная точность.

2а – Иларион, поставленный митрополитом Киевским в 1051 г., в своем "Слове о Законе и Благодати" несколько раз употребил слово "каган" по отношению к прославляемому им первому князю-христианину Владимиру и его сыну Ярославу, княжившему в то время [17. С. 215].

2б – Короткая надпись на стене собора Святой Софии Киевской выражает мольбу о божественном избавлении для (не названного) "нашего кагана", которым, по мнению издателя, мог быть сын Ярослава Святослав, княживший в Киеве в 1073–1076 гг. (см. [18. № 13]).

2в – Автор "Слова о полку Игореве" (конец XII в.) называет "коганом" Олега, сына Святослава и внука Ярослава, который, однако, не унаследовал стол своего отца в Киеве [19. С. 30].

Двухвековой разрыв между двумя группами текстов крайне редко комментировался исследователями. Так, в исследовании А.С. Львова по лексике "Повести временных лет" говорится, что титул "каган" не выходил из официального употребления, а его отсутствие в летописи объясняется цензурной правкой, заменившей повсюду титул "каган" титулом "князь" [20. С. 198–200]. Но в недавней статье И.Г. Добродомова было указано на произвольный характер данной концепции [21. С. 44–45]. Титул "каган" (за исключением хазарского кагана) отсутствует в повествовательной части русских летописей; нет его и в трех договорах руси с Византией, сохранившихся в ПВЛ. И – что самое главное – русский суверен не носит титул кагана в дипломатической главе "Книги церемоний". Этот справочник придворного церемониала, составленный около 946 г. в Константинополе под руководством Константина VII

Багрянородного, содержит главу, в которой перечислены точные титулы иностранных государей – адресатов императорских посланий. Однако правитель России носит там скромный титул архонта [22. С. 690–691]. Здесь напрашивается сравнение с письмом Василия I Людовику II. В обоих текстах речь идет о правилах дипломатического этикета, но если, согласно первому, Византия признает двух "действующих" каганов, то во втором остается только один. Каган народа Rhos/Rus/Nortmanni исчезает где-то между 871 и 946 гг.; на самом же деле он очевидно исчез до 911 г. – даты первого договора между Византией и русью. На основании того, что в подробном описании русов, составленном арабским дипломатом Ибн Фадланом в 922 г., фигурирует их король (*malik*) и нет упоминания о кагане, П.Б. Голден делает вывод, что такой должности уже не было в начале X в. [23. Р. 87] (ср. [23. Р. 97]). В эпоху же Ярослава Мудрого осталось лишь смутное воспоминание о лестном титуле, отражившееся в панегирике.

В двух недавних исследованиях П.Б. Голдена и О. Прицака само понятие "каганат" и, как следствие, природа Русского каганата излишне концептуализируются. Должность кагана у тюркских народов представлена как исключительная принадлежность "харизматического клана" Ашина, правившего Первым тюркским каганатом; хазарские правители, в свою очередь, унаследовали этот титул благодаря родственным связям с этим древним родом. Что же касается русских, то они якобы могли позаимствовать его только у хазар. По мнению П.Б. Голдена, титул был пожалован руси: хазарскому кагану понадобился вассальный русский каган в бассейне Оки для отражения угрозы со стороны венгров; возможно, политический союз был скреплен династическим браком. После ухода венгров в Паннонию "вассальный каганат" перестал существовать – то ли под натиском венгров, то ли попросту потому, что хазарский каган, не нуждаясь в нем более, лишил его "легитимности"⁴. Династические связи лежат и в основе концепции О. Прицака: ему представляется, что некий хазарский каган, несогласный с обращением своей страны в иудаизм, бежал в далекую Русь, в Ростов, где его сыновья пережились на дочерях "харизматического клана" викингов *Ynglingar* и таким образом положили начало династии каганов. Вопрос о политической зависимости нового каганата от хазар Прицак не ставит, так как, по его мнению, бегство кагана было спровоцировано междоусобной войной в Хазарии [25. Р. 171–173] (ср. [25. Р. 582–583]).

Однако упомянутые идеи представляются слишком спекулятивными, чтобы с ними можно было согласиться. Родственные связи между каганатами хазар и кланом Ашина не доказаны и неправдоподобны⁵. Отсутствуют серьезные основания и для утверждения, что титул кагана принадлежал только одному клану. Если "законный" титул принадлежал Ашина, то каким образом его могли носить правители аваров – заклятых врагов тюркского каганата? Политические реалии на востоке Европы по сути мало отличались от происходящего на Западе, где в 800 г. Карл Великий объявил себя императором. Как византийцы неустанно пытались разъяснить ему и его потомкам в течение всего последующего столетия, это решение было произвольным и незаконным. Но данный "протокольный конфликт" не воспрепятствовал всеобщему

⁴ Гипотезе Голдена о местонахождении русского каганата противоречит крайне незначительное количество скандинаво-русских древностей IX в. в бассейне Оки. Концепцию вассального каганата принимает М. Богачек (Гольдельман), который, однако, помещает Русский каганат на восточном побережье Черного моря, в Тмуракани [24. С. 69–87]; но идея о каком бы то ни было русском поселении на Черном море в IX в. совершенно устарела, и, как устно сообщил мне автор, в настоящее время он уже не настаивает на прежней гипотезе.

⁵ А.З.В. Тоган установил связь между хазарской династией и тюркским кланом Ашина на основе интерпретации отрывка из "Худудал-Алам", которая, как решительно заявил знаток этого текста В. Минорский [26. Р. 260–261], не выдерживает филологической критики. Наличие родственных связей между хазарами и Ашина вслед за другими отверг и А.П. Новосельцев [27. С. 55, 61, 134–135]. В переводе данного отрывка, опубликованном в одной из недавних работ, П.Б. Гольден [28. С. 223] сопроводил ссылку на Ашина двумя вопросительными знаками и не стал уже использовать ее при анализе вопроса о власти каганов.

признанию императорского титула за правителями Западной Европы, на фоне которого выделялась только византийская канцелярия, хотя и она при случае не препятствовала сотрудничеству между западными и византийскими императорами. Что же касается идеи о "вассальном каганате", предложенной П.Б. Гольденом, то она не имеет аналогов в истории Хазарии. С точки зрения иностранцев, в частности автора "Анонимной записки", составившего подробное описание подвластных Хазарии народов, оба кагана – хазарский и русский – стоят на одном иерархическом уровне. Поэтому имеет смысл вернуться к простой идее, недавно поддержанной А.П. Новосельцевым, о том, что, настаивая на праве носить титул кагана, вождь русов тем самым претендовал на равенство с хазарским сувереном [29. С. 150–159]⁶. Учитывая расстояние, разделявшее обоих протагонистов (см. ниже), эти претензии не должны были неизбежно приводить к открытым конфликтам.

Ниже будет предложен ряд соображений с целью более убедительного обоснования и уточнения хронологических границ существования Русского каганата. Но прежде чем приступить к рассмотрению природы этого исторического образования, его местонахождения и обстоятельств исчезновения, следует сначала дать обзор известных фактов, имеющих отношение к русской истории эпохи каганата.

II. История народа Rhos в эпоху каганата

События, имеющие отношение к истории Русского государства в IX в., реконструируются главным образом на основе данных, содержащихся в византийских источниках. Среди них выделяются два основных эпизода, о которых мы и будем говорить ниже: нападение русов на Константинополь летом 860 г. и принятие ими христианства в конце того же десятилетия. Однако это не первые контакты руси с Византией.

Принято считать, что древнейшие сведения о походе руси к берегам Черного моря содержатся в славянском Житии св. Стефана Сурожского. Согласно этому тексту, русские разгромили все крымское побережье от Херсона до Сурожа через несколько лет после смерти святого, т.е. около 800 г. Ничего подобного не находим в кратком греческом Житии св. Стефана. Впрочем, со времени выхода классической работы В.Г. Васильевского известно, что славянское Житие является поздней компиляцией, созданной едва ли ранее XV в. Васильевский полагал, что в этом фантастическом рассказе можно выделить исторический фон, частью которого является русское нападение, но это сомнительный прием: у нас нет оснований утверждать, что компилятор располагал достоверным историческим источником⁷. Мы, со своей стороны, можем лишь подписаться под словами А.А. Васильева, по мнению которого славянское Житие Стефана Сурожского представляет больший интерес для истории русской литературы позднего средневековья, чем для истории как таковой [32. Р. 81–83].

Другой источник, известный благодаря все той же работе В.Г. Васильевского, – Житие св. Георгия, епископа Амастридского, чье посмертное вмешательство смягчает последствия нападения руси на его город. В.Г. Васильевский показал, что этот текст был написан в период иконоборчества и атрибуировал его Игнатию (около 775 – около 848), плодовитому агиографу и "попутчику" второго этапа иконоборчества (815–843) [31. С. LXXXVIII–CVIII]. Анализ Васильевского был подвергнут критике исследователями, либо не соглашавшимися с атрибуцией Жития Игнатию, либо

⁶ Наш обзор следует дополнить работой Д. Арриниона [30. С. 63–71], полностью отвергающего идею Русского каганата и утверждающего, что каганом Бертинских Анналов был не кто иной, как сам хазарский правитель; этот подход, имевший сторонников в XIX в. (см. [31. С. CXVII]), может выдвигаться лишь в случае игнорирования "Анонимной записки".

⁷ Необходимо подчеркнуть, что, по мнению Васильевского, нападение, описанное в житии св. Стефана, имело место в первой половине X в. [31. С. CCLXXIV]. Он никогда не утверждал – как делают некоторые современные исследователи, ссылаясь на его авторитет, – что это событие в действительности произошло около 800 г.

считавшими описание нападения на Амастриду поздней вставкой, сделанной после русского похода 860 г. или даже 941 г. [33. С. 75–82]⁸. Но аргументы Васильевского решительно поддержал И. Шевченко, и с тех пор атрибуция Жития (включая и русский эпизод) Игнатию получила широкое признание [34. Р. 122–124]⁹. Нападение руси на азиатский берег Черного моря произошло после смерти Георгия Амастридского (около 806 г.), но до возобновления почитания икон в 843 г. – *terminus ante quem* для рассматриваемого Жития. Если согласиться с часто предлагаемым объяснением, согласно которому послы русского кагана – *amicitiae petitores*, пришедшие в Константинополь *amicitiae causa* – прибыли около 837 г. с мирной миссией после нападения, описанного Игнатием, то последнее событие следует датировать началом 830-х годов [40. Р. 132–144]¹⁰. Русский набег начался с грабежа Пропонтиды, недалеко от византийской столицы; возможно, это явилось следствием неудачно сложившейся торговой экспедиции в Константинополь. Затем, повернув к востоку, русь напала на Амастриду. Как утверждает автор Жития, народ Рос был "как всем известно, ужасно груб, жесток и лишен всякого человеколюбия" [31. С. 64]. Уже в столь раннюю эпоху русь была известна в Византии.

После отъезда послов в начале лета 838 г. о народе Рос больше ничего не говорится вплоть до знаменитого похода летом 860 г. Это неожиданное нападение на пригороды Константинополя очень хорошо засвидетельствовано источниками. Ход событий изложен в третьей и четвертой проповедей патриарха Фотия. Дата прибытия руси – 18 июня 860 г. – сохранилась в Брюссельской хронике [41. Р. 33]; радость по поводу их ухода выражена в четвертой проповеди Фотия, которую, по-видимому, следует датировать 4 августа [42. Р. 50–53]¹¹. Таким образом, более месяца русь громила окрестности византийской столицы и острова Пропонтиды¹²; возможно, при этом происходили и попытки взять город штурмом или, во всяком случае, продемонстрировать силу у морских подходов к нему [45. Т. IV. Р. 43–44] (пер. [46. Р. 100–101]).

Враг, называемый в заглавии проповедей "Рос", а в тексте – "скифы", пришел с крайнего севера по "судоходным рекам и негостеприимным морям" [45. III. 1–2. Р. 29, 34] (пер. [46. Р. 82, 88]), т.е. по рекам, протекающим к северу от Черного ("Гостеприимного") моря. Он описывается как "не имеющий верховного главы", что является общим местом по отношению к "скифам" (см., напр. [47. С. 360]), и как "снаряженный на рабский манер" [45. III. 3. Р. 35] (пер. [46. Р. 91]), что, как замечает А.Н. Сахаров,

⁸ А. Маркопулос считает, что вставка была сделана "в стиле Фотия" [33. Библиография].

⁹ Доводы А. Маркопулоса опровергаются в [35] (ср. [36. С. 73–83; 37. С. 20; 38. Р. 17–18; 39. Р. 47]).

¹⁰ В. Тредголд датирует нападение руси 818–819 гг., не приводя убедительных аргументов. К. Манго [38] и Ст. Эфтимиадис [39] считают 830 г. *terminus ante quem* для написания Жития, объясняя это следующим образом. Житие св. Георгия Амастридского – первое агиографическое сочинение его автора, который указал, что его подтолкнули к написанию Жития, хотя он еще не набрался опыта и не опубликовал ничего такого, что давало бы ему право взяться за выполнение столь ответственного задания [31. С. 2]. Однако в Житии патриарха Никифора, большом сочинении Игнатия, созданном после возобновления иконопочитания, возможно, содержится намек на то, что первые наброски к нему были сделаны вскоре после смерти Никифора (828 г.) – согласно Манго [38. Р. 10], около 830 г.; в таком случае, последняя дата оказывается *terminus ante quem* для написания Жития св. Георгия. Но эти рассуждения недоказательны. У нас нет уверенности даже в самом существовании некоего "первого наброска" Жития Никифора, не говоря уже о его датировке. И даже если Игнатий тайком делал какие-то записи, намереваясь в будущем прославить Никифора как борца с иконоборчеством, вряд ли о них могло быть известно тем, кто заказал ему Житие св. Георгия, где об иконоборчестве нет и речи. Важно то, что до Жития св. Георгия он не написал и не опубликовал ни одного агиографического произведения.

¹¹ Дата ухода русских, вытекающая из рассуждений Дж. Вортли, – конец июля – кажется более предпочтительной по сравнению с 25 июня, поддержанной, в частности, Г.Г. Литавриным [43. С. 229] и отрицающей в συνακταριαх прекращение осады Константинополя арабами (см. [32. С. 206–210]). А.А. Васильев придерживается гипотезы, согласно которой русское нашествие продлилось почти год – с 18 июня 860 г. по 5 июня 861 г., – но эта идея в настоящее время уже не имеет сторонников.

¹² Согласно Житию патриарха Игнатия, написанному Никитой Пафлагоном, патриарх, живший в изгнании на острове Теревинтос, едва не стал жертвой бесчинств, устроенных русью [44. Р. 516–517].

указывает на славянское происхождение нападавших [48. С. 81]. Логика этого замечания неясна. Фотий говорит о военном снаряжении нападавших, причем речь идет о пеших войсках. Столь презрительное отношение к пешим воинам обусловлено их подчиненным статусом в византийской армии. Например, по мнению Иоанна Евхаитского, изображение св. Феодора Тирона на старой иконе в образе пехотинца свидетельствует о его скромном социальном положении, а то и вовсе о бедности [49. С. 208].

Все источники, начиная с Фотия, рассматривают избавление города как чудо, чаще всего объясняемое вмешательством Богоматери, но они расходятся в вопросе о достигшей русь участи. Фотий сообщает только, что они ушли с огромной добычей. Век спустя Продолжатель Феофана отметил, что поход руси состоялся в отсутствие Михаила III, и объяснил их уход Божьим гневом, который обрушился на них по молитве Фотия [50. С. 196]. Это довольно неясное сообщение более развернуто изложено в рассказе, представленном одновременно у Продолжателя Амартола, Льва Грамматика и Феодосия Мелитенского, к которому Симеон Логофет прибавил лишь ошибочные хронологические детали. Согласно этому рассказу, император Михаил III вернулся в осажденный город, вместе с Фотием вознес молитву к Богу, затем вместе с патриархом погрузил мафорий Богоматери в море и тем вызвал сильную бурю, потопившую большую часть русских кораблей [51]. Этот же рассказ в несколько приукрашенном виде мы находим и в самом позднем нашем источнике – Брюссельской хронике, где говорится и вовсе о полном разгроме и истреблении руси византийцами¹³.

Сведения, почерпнутые из Фотия, решительно расходятся с позднейшими источниками. В частности, тот факт, что в его четвертой проповеди не говорится о возвращении Михаила III в осажденную столицу, начисто исключает подобный вариант. Тем не менее ряд исследователей использует эту и другие версии поздних источников. По мнению К. де Боора, Михаил III прибыл в город уже *после* ухода руси, устроил погоню за ними и нанес им поражение на обратном пути [52. С. 462–464]. С. Манго полагает, что мщение Михаила III настигло "некоторые русские суда, которые продолжали грабить берега Босфора после того, как большая часть флота ушла" [46. Р. 76–80]¹⁴. Поместив это ключевое событие после ухода руси, удается избежать противоречия с данными Фотия, но остается внутреннее противоречие. Будь то буря или военное поражение, в поздних источниках указанные события преподносятся как причина ухода руси, а это, как показывает четвертая проповедь Фотия, не соответствует действительности. Практически один и тот же рассказ, известный нам в изложении Продолжателя Амартола, Льва Грамматика и Феодора Мелитенского, представляет византийскую историю IX в. в соответствии с общей концепцией, имеющей целью приумножение побед, одержанных земными и небесными защитниками Империи.

Реальность, представленная в современных русскому походу источниках, выглядит отнюдь не так красочно. В письме от 28 сентября 865 г., адресованном папой Николаем I Михаилу III, говорится о недавнем опустошении окрестностей Константинополя язычниками (*pagani*), которым удалось уйти, избежав какой бы то ни было мести (*nulla fit ultio*) [54. С. 454]¹⁵. Согласно "Венецианской хронике" Иоанна Диякона, русь

¹³ Составление "Хроники" датируется серединой XI в. К. де Боор [52. С. 464–465] и П. Шрайнер [53. С. 152], напротив, считают, что рассматриваемое сообщение восходит ко времени царствования Михаила III, с чем мы не можем согласиться.

¹⁴ Оба автора признают, что молчание Фотия исключает гипотезу о том, что возвращение Михаила III или буря произошли *до* снятия осады.

¹⁵ Сначала папа описывает унижения, которые Империи пришлось перенести со стороны арабов (*certe non Cretam invasimus, non Siciliam exterminavimus, non innumeris Graecis subiectas provincias obtinuimus*), затем переходит к более недавнему событию: *postremo non ecclesias sanctorum interfectis numerosis hominibus ac suburbana Constantinopoleos, quae et muris eius contigua sunt, incendimus*. Это описание очень точно соответствует рассказу о нападении руси у Фотия. Попытка де Боора [52. С. 460–461] приписать эту атаку

(*Normanorum gentes*), разорив *suburbanum* Константинополя, с триумфом вернулись восвояси (*et sic praedicta gens cum triumpho ad propriam regressa est*) [55. P. 116–117]¹⁶. Рассказ о чудесном наказании агрессоров, таким образом, оказывается не более чем благочестивой фантазией византийских хронистов.

О принятии русью христианства нам известно из самого надежного источника: о нем объявлено в окружном послании от начала 867 г. патриарха Фотия восточным патриархам. Как отмечает Фотий, это те же русы, которые незадолго до того, покорив своих соседей, возгордились настолько, что решились посягнуть на власть самой Римской империи. Но отныне эти закоренелые безбожники и враги веры Христовой становятся подданными Империи и защитниками ее интересов. Дабы удовлетворить рвение к вере новообращенных, Фотий послал к ним епископа [56. S. 50].

В следующие столетия Продолжатель Феофана вкратце упомянул о крещении руси при Михаиле III и Фотии, уточнив, что произошло это после того, как русские послы, принятые в Константинополе спустя немного времени после нападения руси на византийскую столицу, обратились с соответствующей просьбой к византийским властям [50. S. 196]. Однако тот же источник содержит и другой рассказ об обращении руси в христианство – на этот раз уже при императоре Василии I и патриархе Игнатии. Здесь обстоятельства, сопровождавшие это событие, представлены в другом свете. На сей раз русы уже не обращаются с просьбой к византийцам; напротив, сами византийцы активно склоняют их к заключению соглашения с помощью богатых подарков – золота, серебра и шелковых тканей. Глава русской церкви, рукоположенный Игнатием, имеет сан архиепископа [50. S. 342–343].

Высказывалось предположение, что второй рассказ дублирует первый. Действительно, Константин VII Багрянородный, автор биографии Василия I в Продолжателе Феофана, стремился всячески приукрасить деяния своего дела, и он мог бы, конечно, приписать Василию I сделанное Михаилом III (см., напр., [57. S. 301–315]). Однако, если принять во внимание особенности каждого из рассказов, а также свидетельство Фотия, то гипотеза о дублете теряет привлекательность. Крещение изначально было инициативой русов: это они отправили послов и стремились к примирению с Империей после набега 860 г. Но Фотий явно неправильно понял их шаг. Он воспринял его как изъявление покорности и обошелся с русами как с подданными Империи, отправив к ним простого епископа. Незадолго до этого та же политика в Болгарии привела его к досадной неудаче. Болгарский хан Борис, крещенный в 865 г., не добившись от Фотия автокефалии для своей церкви, через год прогнал из страны византийское духовенство и пригласил миссионеров папы Николая I. Русский каган также должен был принять за оскорбление отправление к нему (около 866 г.) простого епископа. Василию I, убившему Михаила III в сентябре 867 г., пришлось затем улаживать русов подарками, а новый патриарх Игнатий послал им архиепископа. Тем же путем Игнатию удалось переманить и Болгарию от папы весной 870 г. (ср. с [58. С. 55]).

Константин VII не устоял перед искушением придать своеобразный литературный лоск рассказу о (второй) византийской миссии к руси. Так, архиепископ убеждает паству в силе своей религии с помощью великого чуда: по требованию русов он бросает Евангелие в горящую печь и, по прошествии "достаточного" времени, вынимает его целым и невредимым. Автор использовал здесь известный прием обращения в христианство северных варваров. От епископа Капитона, одного из героев "Житий

арабам – которые не приближались к стенам Константинополя с начала VIII в. и, в отличие от руси в 860 г., не проявляли особой жестокости по отношению к церквям – продиктована исключительно желанием защитить версию хроник о том, что византийское войско все-таки нанесло поражение руси; против А.А. Васильев [32. P. 61–62], который показал, между прочим, что словом *pagani* у Николая I и в других текстах этой эпохи обычно обозначаются норманны [32. P. 52–54].

¹⁶ А.А. Васильев связывает сообщения папы Николая I и "Хроники" Иоанна Дякона не с атакой 860 г., а с гипотетическим походом викингов, пришедших через Средиземное море в 861 г. [32. P. 42–63]; однако, как отмечает Манго, "наличие второго похода (...) не находит никаких подтверждений в источниках" [46. P. 78].

святых епископов Херсонских", жители города потребовали войти в горящую печь и провести там "достаточное" количество времени; выйдя из печи невредимым, он сумел обратить их в христианскую веру (см. [59. С. 61–62])¹⁷. Но использование литературного мотива отнюдь не ставит под сомнение достоверность концепции двухэтапного обращения в христианство, представленной в Продолжателе Феофана и принимаемой многими исследователями. Дата крещения руси, 881/882 (6390) г., фигурирующая в кратком сообщении второй половины XV в., не имеет исторической ценности [60. S. 605; 53. S. 155–156] (ср. [61. P. 102–107]). Следует полагать, что первый шаг со стороны руси был предпринят около 866 г., а архиепископ был отправлен приблизительно в 870 г.¹⁸

Не считая обычных ссылок на привилегированный статус, который Византия предоставляла христианским народам, неожиданное принятие русью христианства до сих пор не получило объяснения¹⁹. На наш взгляд, историческая цепочка, приведшая болгар и русских к крещению, берет начало далеко от их стран – в Хазарии. Знаменитый диспут трех монотеистических религий состоялся при дворе хазарского кагана в 861 г.; тщательным образом подготовленная победа еврейской религии открыла дорогу для официального обращения Хазарии в иудаизм. А не позднее зимы 863/864 гг. (согласно сообщению, полученному папой Николаем I в мае 864 г.) болгарский царь Борис одобрил переход в христианство некоторых своих подданных и сам объявил о намерении стать христианином [54. S. 293] (ср. [5. P. 113]). В то же время он вел переговоры с Константинопольским двором, приведшие к крещению Болгарии в конце 865 г. Некоторые византийские хронисты середины X в. объясняли крещение хана угрозой со стороны имперской армии; современные историки называют и другие факторы: военное давление со стороны Людовика Германского или стремление к этническому объединению Болгарского государства. Однако военная операция византийцев кажется совершенной выдумкой, а объяснения исследователей, на наш взгляд, не вполне адекватны. Хронологическая близость трех событий явно свидетельствует о том, что именно выбор хазарами еврейской религии заставил их давних врагов болгар броситься в противоположный лагерь и повлиял на религиозный выбор северного соперника Хазарского каганата – каганата русского.

Как бы то ни было, русское архиепископство и вообще христианство среди русов исчезли так же внезапно и бесследно, как и сам каганат. Несомненно, они исчезли одновременно.

III. Локализация Русского каганата и обстоятельства его исчезновения

Относительно местонахождения Русского каганата и "острова русов" где, согласно "Анонимной записке", находилась резиденция кагана, выдвигались различные гипотезы. Так, были попытки обнаружить их в Скандинавии, на острове Валькерен во Фризии²⁰, на севере современной России, в среднем Поднепровье и даже на побережье Черного моря. Хороший обзор литературы по этому вопросу недавно представил Дж. Шепард [65. P. 27–50]; отсылая читателя к его работе, мы постараемся подробнее рассмотреть некоторые затронутые в ней проблемы.

¹⁷ Факт заимствования Константином Багрянородным сюжета из этого источника до сих пор не отмечался.

¹⁸ Ф. Дёлгер датирует отправку архиепископа 874 г. (с вопросительным знаком [9. S. 60]); этой же даты придерживается Д. Оболенский [62. P. 254], который – в отличие от Дёлгера – принимает концепцию обращения в христианство в два этапа. Ни один, ни другой исследователь не аргументирует предлагаемую дату.

¹⁹ Б.Н. Флоря и Г.Г. Литаврин говорят в этой связи о "формальном и дипломатическом акте, облекающем заключение выгодных соглашений с правителем христианского государства" (в данном случае, с византийским императором) [63. P. 186].

²⁰ Об этой – наиболее отдаленной от современной России – предположительной локализации см. [64. С. 222–224].

Английский ученый, как и большинство его предшественников, отвергает гипотезу о скандинавской локализации, ссылаясь на отсутствие каких бы то ни было упоминаний о кагане в североевропейской традиции, а также на незнание о нем Людовика II, несмотря на его регулярные контакты со скандинавами. Можно также отметить, что, согласно принятой этимологии, имя Ros/Rus/Русь происходит от слова *Ruotsi*, что по-фински значит "шведы"; это может указывать на то, что данный этноним относился к шведам, обосновавшимся за пределами родины, на территории, местное население которой говорило по-фински. Шепард не обсуждает уже устаревшую теорию, помещавшую русь на черноморском побережье – на полуострове Тамань или в Крыму²¹. Две гипотезы, сохраняющие актуальность в настоящее время, помещают Русский каганат на Среднем Поднепровье (с центром в Киеве) или на Волхове.

Киевская гипотеза, наиболее распространенная, опирается на давнюю историографическую традицию, предполагающую существование могущественного Русского государства на Днепре по крайней мере с середины IX в. "Повесть временных лет" датирует 862 г. не только приход Рюрика и его братьев в северные города, но и захват Киева Аскольдом и Диром, воинами Рюрика, порвавшими с ним, после того как они обнаружили этот "выморочный" город. Тот же источник приписывает Аскольду и Диру поход на Константинополь и датирует его 866-м годом. Казалось бы, тем самым вопрос закрывается (см., напр.: [68. S. 245]): во многих исследованиях речь идет о "кагане" Аскольде (титул, которым ПВЛ его не наделяет), Дир превращается в предшественника Аскольда на троне и суверена, отправляющего из Киева то самое посольство, которое упомянуто в Бертинских Анналах, и наконец, в Киев же прибывают византийские миссии при Михаиле III и Василии I.

Эта концепция вызывает ряд затруднений. Западные ученые чаще всего объясняют появление "руси" на Днепре ранним проникновением туда скандинавов, которые принесли с собой это название [69. S. 30–32] (ср. [70. P. 266–267]). Напротив, для многих российских и украинских исследователей русь на Днепре представляет собой автохтонное, не имеющее ничего общего со скандинавами образование, название которого происходит от *Roxolani* (племя, которое ассоциируется с сарматами), *Rosomoni* (упоминаемые Иорданом), а то и от *Rochousco* или иного слова, начинающегося на *po-*. Идея о том, что название Ros/Русь имеет иранское происхождение (*rukhs*), но было заимствовано славянами и таким образом утвердилось на Днепре, долгое время развивалась Г.В. Вернадским [71. P. 106–108]²²; с ее помощью ряд ученых стремится обосновать предположение о появлении в среднем Поднепровье в конце VIII в. или в IX в. государственно-образовательного названия, называемого "Русская земля"²³. Большинство сторонников этой концепции, как и Вернадский, отрицают скандинавскую этимологию названия "Русь". Есть и другой подход. В частности, М.И. Артамонов признавал скандинавские корни северной Руси, оставляя при этом за южной Русью право на автохтонное происхождение; в начале IX в. Русь и Русь встречаются и объединяются для долгой совместной жизни [76. С. 290–293; 77. С. 202]. Однако попытки связать происхождение названия "Русь" с названиями *Roxolani* или иного племени Северного Причерноморья, известными со времен античности, не выдерживают критики (см. [78]; ср. [79]). Что же касается трогательной гипотезы об

²¹ В последнее время о поддержку этой теории высказались Д.П. Арринион [66. P. 85] (крещенные при Фотии русские были частью "варяго-славянского племени, которых византийцы поселили вдоль восточного берега Херсонеса"); С. Сенюк (русские, нападавшие на Константинополь и затем принявшие крещение, проживали в Крыму) [67. P. 19–26]; (ср. [24. С. 69–87]).

²² Эта концепция появилась в русской историографии еще в XIX в., а в настоящее время самым известным ее сторонником является Б.А. Рыбаков; резкой критике ее подверг А.П. Новосельцев [72. P. 23–31].

²³ А.Н. Насонов сделал вывод о том, что "Русская земля" сформировалась в середине IX в. "в условиях ослабления хазарского ига" [73. С. 44–45]; авторы работ последнего времени склонны датировать ее появление концом VIII – началом IX в., ср. [74. С. 59–60; 3]. Понятие "Русская земля" фигурирует в летописях, написанных в конце XI в. и позже, (см. [75. С. 74–100]); попытки придать этому понятию точное географическое и политическое содержание до конца X в. являются чисто спекулятивными.

объединении, выдвинутой Артамоновым и поддержанной некоторыми известными археологами, то в ней есть своя логика, весьма поучительная в данном случае. Учитывая скандинавское происхождение названия "Русь" и в то же время отсутствие скандинавских древностей на Днепре ранее X в. (см. ниже), у этих ученых не остается другой возможности спасти священный образ могущественной "Киевской Руси", существовавшей с IX в., кроме как настаивая на особом происхождении ее имени.

Филологическое обоснование киевской гипотезы представляется весьма ненадежным. Давно было отмечено, что описание похода на Константинополь 866 г. в русских летописях заимствовано из славянского перевода Продолжателя Амартола. Две древнейшие летописи – Новгородская первая (вернее всего отражающая Начальный свод) и "Повесть временных лет" – черпают сведения из этого источника: первая – через посредство утерянного "Хронографа по великому изложению", а вторая – непосредственно. Связь же между походом на византийскую столицу и именами Аскольда и Дира имеется только в ПВЛ и, как отметил недавно в замечательной статье О.В. Творогов, обусловлена тем, что составитель летописи синхронизировал (ошибочную) дату похода (866 г.) и установленное им время правления Аскольда и Дира (862–882 гг.) [80. С. 55]²⁴. В сущности, составитель ПВЛ прибавил к информации греческого источника лишь эти два имени. Он точно воспроизвел рассказ о буре, уничтожившей "безбожных русов" у стен осажденного города после совместной молитвы патриарха Фотия и императора Михаила III. В Никоновской летописи (около 1530) этот рассказ дополнен неправдоподобным описанием скорби в Киеве после возвращения Аскольда и Дира с несколькими уцелевшими участниками похода [81. С. 9]. Таким образом, мы можем констатировать, что русская историографическая традиция не сохранила никакой памяти о знаменитом походе на Константинополь и что, воспользовавшись греческим источником – в данном случае, наименее достоверным – она превратила успешную военную операцию в полное поражение.

В первых русских летописях не сохранилось и сведений о крещении страны при Фотии и Игнатии, ибо это событие не упомянуто Продолжателем Амартола. Оно появляется в русских исторических компиляциях лишь с начала XVI в., благодаря болгарскому переводу (XIV в.) Хроники Зонары и в особенности ее сокращению, называемому Паралипоменон (начало XV в.), в которых имеется краткий рассказ о нем. В русской традиции это крещение связано с именами Аскольда и Дира²⁵. Что касается Фотия, то его имя несколько раз упоминается в связи с рассказом о крещении Владимира (989). По мнению М.Ю. Брайчевского, это доказывает, что летописцы XI–XII вв. сговорились между собой, чтобы стереть память о связях между Фотием и Аскольдом и украсить рассказ о крещении Владимира подробностями, относящимися к Аскольду и почерпнутыми из русской летописи IX в. – так называемой "Хроники Аскольда". Брайчевский даже написал ("реконструировал") эту апокрифическую летопись, где контакты между Византией и Киевом в середине IX в. описаны весьма детально [83. С. 31–38; 84. С. 146–170]²⁶. Но, оставляя в стороне эти анекдотические построения, приходится с удивлением признать, что два важнейших события русской истории IX в. – поход на Константинополь и принятие христианства – не оставили никакого следа в исторической памяти народа. Это еще одно таинственное "исчезновение", требующее объяснения наряду с исчезновением каганата.

²⁴ Название статьи отсылает к теории Б.А. Рыбакова, который, на основании данных поздней – Никоновской – летописи, утверждает, что русских походов на Константинополь было три – в 860, 866 и 874 гг. Творогов показал, что составитель Никоновской летописи ошибочно вставил в текст несколько рассказов об одном и том же событии, заимствованных из разных источников.

²⁵ Эта версия представлена в Русском хронографе 1512 г., Никоновской летописи [81. С. 13] и других источниках того времени (ср. [82. С. 175; 61. Р. 104]).

²⁶ Теория сговора летописцев использовалась и ранее. Так, К. Эрикссон привлекает ее для объяснения молчания летописцев по поводу первого принятия христианства русью, инспирированного, согласно автору, Византией в эпоху иконоборчества [85. Р. 88–121].

Возвращаясь, таким образом, к рассмотрению вопроса о Русском каганате на Днепре, приходится констатировать, что любая усматриваемая в письменных источниках связь между событиями русской истории и этим гипотетическим образованием является иллюзорной. Более того, масштабные археологические раскопки, в течение ряда лет проводившиеся в Киеве, показали, что история города берет начало с конца IX в., а к середине X в. он превращается в важный городской центр. В критическом обзоре работ украинских археологов И. Каллмер датирует начало самого раннего "урбанистического" этапа истории Киева 880-ми годами, подчеркивая при этом, что IX в. является одним из наименее интересных периодов в истории этой издревле заселенной местности [86. С. 325–331]. Следует также отметить полное отсутствие в Киеве и на всем Среднем Поднепровье каких-либо скандинавских находок ранее X в. В таком случае, если только не отрицать скандинавское происхождение руси, которая отправилась к императору Феофилу около 837 г. и напала на Константинополь в 860 г., то как объяснить, что от их значительного присутствия в Киеве не осталось никаких следов, даже в захоронениях?

С данными раскопок поселений согласуются и монетные находки. Распределение монетных кладов, исследованное В.Л. Яниным в 1956 г., обнаружило любопытный феномен: в течение двух последних третей IX в. ("вторая фаза" обращения диргемов (дирхемов) в Восточной Европе) иссякает приток диргемов в район нижнего и среднего течения Днепра. В.Л. Янин констатировал, что в указанный период этот регион выпадает из зоны монетного обращения, связанной торговыми отношениями с халифатом. Однако эти торговые связи сохранялись на севере и на востоке. Кроме того, как отмечает В.Л. Янин (это наблюдение потом часто игнорировалось), данные монетных находок не позволяют возводить начало функционирования пути "из варяг в греки", соединявшего Киев и Константинополь, к IX в. [87. С. 105–106]. Таким образом, в 830–860-е годы могучее Киевское государство должно было существовать в абсолютном экономическом вакууме. Более двадцати лет спустя после публикации работы В.Л. Янина его выводы пересмотрел В.В. Кропоткин. Количество найденных кладов, относящихся ко "второй фазе", увеличилось с 35 до 45, но их по-прежнему почти нет по берегам среднего Днепра [88. С. 111–117]. Отсюда Т. Нунан логично делает вывод об отсутствии торговых связей между Киевом и Востоком ранее 900 г. [89. Р. 396].

До сих пор странная лакуна, которую представляют собой две последние трети IX в. в истории Нижнего и Среднего Поднепровья, не получила никакого объяснения²⁷. Однако, как показано в нашей недавней статье, около 836–889 гг. этот регион находился на периферии венгерского протогосударства, отсекавшего от Хазарии ранее принадлежавшую ей причерноморскую степь. В трактате "Об управлении империей" Константина VII Багрянородного страна к западу от Дона, занятая венграми, носит название Леведии. Соседние славянские племена, согласно "Анонимной записке", подвергались грабегам и насилию со стороны венгров. Около 889 г. печенеги по приказу хазарского каганата выгнали венгров из Леведии [90. Р. 65–66] (пер. на рус. яз. [91. С. 669–688]). Этим объясняется новое оживление восточной торговли в направлении Среднего Поднепровья через посредство Хазарии и новой печенежской территории, о чем свидетельствуют два клада – в Новой Лазаревке, недалеко от устья Днепра (не ранее 893 г.), и в Полтаве (не ранее 883 г. по позднейшей монете, вероятно зарыт несколько лет спустя). Но эта история тяготеет к X в. Здесь же достаточно подчеркнуть, что ни письменные источники, ни археологические и монетные находки, ни, наконец, анализ этнополитических аспектов истории региона не дают никаких сведений о существовании могучего русского и/или славянского государства в среднем Поднепровье на протяжении IX в.

Ввиду бесперспективности киевской гипотезы остается лишь север современной России. Тезис о Русском каганате на севере развивается в работах Д.А. Мачинского,

²⁷ Некоторые авторы говорят о "хазарской блокаде" (см., напр.: [77. С. 285]).

по мнению которого его центр находился сначала в Ладогe, затем в (Рюриковом) Городище (Holmgardг скандинавской традиции = "остров русов"), а главными поселениями были Холопий Городок и Городище на Сясе (см. [92. С. 5–25], ср. [93. С. 111]). Этой же точки зрения придерживается и Дж. Шепард, по мнению которого, резиденцией кагана было (Рюриково) Городище – крупнейшее русское поселение на верхнем Волхове в середине IX в. Северная локализация каганата и "острова русов" давно пользуется популярностью у востоковедов [94. С. 397–408]; археологические находки последних десятилетий существенно подкрепили эту гипотезу. Если раньше раскопки проводились главным образом в Ладогe, то теперь исследуются и другие поселения, дающие находки, скандинавское происхождение которых – независимо от количественной пропорции скандинавов в населении – является основным доказательством "русского" присутствия в IX в.

Археология дает сведения относительно реального местонахождения руси, но за последние двадцать лет довольно точные хронологические данные, касающиеся истории двух основных поселений – Ладоги и (Рюрикова) Городища, – были получены благодаря дендрохронологии. Однако объединить эти данные в одну концепцию, построенную с учетом греческих источников и русских летописей, оказывается совсем не просто. Ниже мы вкратце изложим существующие в настоящее время идеи по этому поводу, чтобы затем предложить новую концепцию, по возможности менее противоречивую.

Дендрохронологический анализ дерева, найденного в Ладогe, позволил предположить, что сильный пожар полностью разрушил город приблизительно в 860 г. Это открытие сразу же сопоставили с указанной в "Повести временных лет" датой изгнания варягов и призвания Рюрика местными племенами. ПВЛ в статье под 859 г. сообщает о взятии варягами "из заморья" дани с местных племен чуди, словен, мери кривичей, а в статье под 862 г. говорится, что варяги были изгнаны этими племенами, которые, вследствие начавшихся после этого междоусобных войн, призвали Рюрика для наведения порядка в стране. Независимо от того, насколько этот рассказ соответствует исторической действительности (см. ниже), его хронологические рамки представляются совершенно искусственными: изгнание варягов, междоусобные войны и призвание Рюрика происходят в один и тот же год. Филологи не придают большого значения датам, указанным в русских летописях в частях, относящихся ко второй половине IX в. и первой половине X в.: когда они не основаны на данных переводных источников, они чаще всего оказываются домыслами летописцев [95. С. 18] (ср. [96. Р. 9–18]). Однако, казалось бы, дендрохронология должна была развеять скептицизм филологов. В статье, подписанной пятью специалистами в области "скандинавской" археологии, ладожский пожар, датируемый 860 г., рассматривается в связи с междоусобными войнами, последовавшими за изгнанием варягов; следовательно, вроде бы подтверждалась традиционная дата прихода Рюрика [97. С. 27].

Однако вскоре выяснилось, что таким образом очерченные хронологические рамки слишком узки. В ходе недавних раскопок ладожского Земляного городища был обнаружен кусок дерева, срубленного в 863 г. и лежавшего в слое, предшествующем пожару. Другой фрагмент, датируемый 871 г., был обнаружен в постройке, восстановленной после пожара. Отсюда был сделан вывод, что пожар произошел между 863 и 870 гг. [98. С. 90–91], что позволило вновь обратиться к летописной хронологии, на этот раз в "пересмотренной и исправленной" версии Б.А. Рыбакова, датировавшего изгнание варягов 867 г., а приход Рюрика – 868 г. [99. С. 304–306]. 868 годом датируется и еще один кусок дерева, использованного после пожара и найденного в раскопе на Варяжской улице [100. С. 121–122]. На основании этих данных С.Л. Кузьмин предложил считать "условной датой" пожара 865 г. [101. С. 349–350]. Не вдаваясь здесь в критику взглядов Рыбакова, отметим другое. В стремлении придерживаться летописных дат археологи притягивают к ним интерпретацию данных дендрохронологии. Пожар, разумеется, произошел после 863 г., но необязательно до 868 г. или

871 г.: бревна, датированные этими годами, могли быть использованы вторично или просто срублены до пожара.

Принятие 865 г. в качестве ориентировочной даты пожара вносит "раскол" между Северной (называемой "Верхней" или "Внешней") и Киевской Русью. Действительно, хотя Д.А. Мачинский и рассмотрел возможность приписать поход 860 г. северному каганату (не отрицая при этом, что он мог быть делом русов, "уже осевших" в Киеве) [102. С. 27], он ни разу не упомянул о крещении Руси, и неслучайно. Согласно его хронологической схеме, гибель северного государства происходит как раз в период между походом руси и крещением, которое, по свидетельству Фотия, приняла та же русь. Шепард, связывающий поход и крещение с северным каганатом, считает, что пожар явился следствием внутренних конфликтов среди скандинавских поселенцев, не оказавших большого влияния на жизнь каганата [65. Р. 56–59]²⁸. Однако этими конфликтами невозможно объяснить целую серию "исчезновений" – каганата, христианства, исторической памяти, – о которой мы говорили выше. Шепард прекрасно показал, что ввиду отсутствия каких-либо следов поселения и присутствия руси в Киеве, упоминаемая в греческих и латинских источниках IX в. русь может иметь отношение только к северному каганату; основываясь на этом, мы постараемся построить связный исторический рассказ с учетом данных текстов и археологических раскопок.

Сначала напомним о наиболее существенных для нас результатов раскопок Ладоги. Вторая треть IX в. отмечена резким демографическим и экономическим подъемом; возрастает число скандинавских находок. В плане градостроительства отмечается появление по берегам Ладожки "парцелл", имеющих в ширину около 6 м и разделенных канавами; А.Н. Кирпичников сравнивает их с планировкой города Риббе в Дании [103. С. 10–11]. Конец этому этапу положил пожар, огромные масштабы которого подтвердила недавняя находка на дне канавы, разделяющей две парцеллы, обгоревших черепов ребенка четырех–пяти лет и женщины 35–40 лет. После пожара зона парцелл была перепланирована [104. С. 66–67]. Заброшенные парцеллы подчеркивают важность пожара для стратиграфии Ладоги. Он отделяет слой 840–860 гг. от слоя, датированного либо 860–920 гг. либо, в недавних исследованиях, 860/870–890 гг. [100. С. 121–122; 101. С. 349–350]²⁹. Хронологически за этим слоем, исключительно бедным в истории поселения, последовал новый подъем, ознаменовавшийся постройкой около 894 г. "большого дома" (см. [98. С. 91–93; 101. С. 350–352]).

В отличие от ладожского пожара, историческое значение которого подчеркивается во всех публикациях, пожару, уничтожившему в ту же эпоху (Рюриково) Городище, Е.Н. Носов уделил меньше внимания в своей основополагающей публикации этого памятника. Однако пожар – это поворотный пункт в истории Городища. Первоначально – в середине IX в. – оно представляло собой укрепленное поселение, расположенное на вершине холма, становящегося островом в разлив Волхова (отсюда частое сопоставление Городища с "островом русов"). Окруженное рвом и крутыми

²⁸ В качестве примера подобных конфликтов Шепард приводит захват Киева и убийство Олегом Акольда и Дира; однако эта война на Днепре не могла, разумеется, спровоцировать разрушений на севере. Что касается каганата, то он, в представлении Шепарда, продолжал существовать и после переноса столицы в Киев, по крайней мере до первой половины X в. [65. С. 68, 121, 133].

²⁹ С.Л. Кузьмин приводит сравнительную таблицу стратиграфических схем, предложенных исследователями [101. С. 345]. А.Н. Кирпичников и В.А. Назаренко датируют этот же слой второй половиной IX в., точнее, 855–890 гг., в результате чего он оказывается "разрезанным" пожаром [104. С. 65]. Если археологическое обоснование этой периодизации не очевидно, то ее историческая логика ясна. Кирпичников отождествляет князя Рюрика с Рориком Ютландским [105], который, по мнению сторонников этой гипотезы, прибыл в Ладогу в 855 или 856 г. (ср. [71. С. 339]). Кирпичников также стремится связать появление парцелл с деятельностью Рюрика, которая, по мнению большинства исследователей, развернулась после пожара. Создавая "гибридный" слой, Кирпичников связывает Рюрика/Рорика с парцеллами [104. С. 11].

склонами холма, оно имело площади – 1–1,2 гектара. Остатки его построек очень плохо сохранились, в особенности это касается органических материалов, поэтому невозможно использовать дендрохронологию. Тем не менее пожар оставил многочисленные следы, а на его дату указывает ряд согласующихся между собой данных. В фундаменте постройки № 1 Носовым был обнаружен маленький "клад" из семи аббасидских монет (четыре целые и три фрагмента), тронутых огнем, позднейшая из которых датируется 867 г. Постройка № 13 содержит в пласте пожара фрагмент диргема третьей четверти IX в. Из семи обгоревших диргемов (большей частью уцелевших лишь частично и, по-видимому, бывших содержимым кошелька), обнаруженных в постройке № 17, два наиболее поздних были отчеканены между 855 и 861 г. В сгоревших постройках обнаружена только лепная керамика (гончарная керамика появилась на Городище около 890–900 гг.). Таким образом, пожар, уничтоживший Городище, произошел немногим позднее 867 г.; затем планировка поселения изменилась. Слоем золы, датируемой с помощью углерода-14 приблизительно 880 г. (плюс-минус 20 лет), покрыто подножие холма и заполнены ров и расселина; на древней расселине и была построена хлебопекарная печь, деревянная ограда которой дает первые дендродаты Городища: 889, 896, 897 гг. [106. С. 53, 91–93, 98–100, 147, 149; 107. С. 168–169, 174]. Расселина и ров теряют оборонительное значение вследствие поселения.

Но следы разрушений не ограничиваются этими двумя крупнейшими поселениями. Городище на Сясе, значение которого подчеркивается в работах Д.А. Мачинского, было уничтожено пожаром до появления гончарной керамики, следовательно, до второй четверти X в.; так закончился первый этап заселения этой местности [108. С. 57–61] (ср. [109. С. 47–57]). Другое крупное поселение – Холопий Городок (название возникло после вторичного заселения во второй половине XIII в.) – было сожжено и заброшено в IX в. (который хорошо представлен находками), до появления гончарной керамики [110. С. 129–152]. Первичное обследование поселения Новые Дубовики обнаружило не только следы пожара, но и явное уменьшение площади поселения ближе к эпохе распространения гончарной керамики [111. С. 55–58]. И наконец, Любшанское городище в полутора километрах от Ладоги погибло в огне совсем не задолго до появления гончарной керамики [112. С. 181–191]. Эти факты, отнюдь не исчерпывающие, никогда не ставились в один ряд, но картина получается довольно определенная. Разрушение постигло все поселения IX в., которые, судя по находкам скандинавского и восточного происхождения, относились к Русскому каганату. Впрочем, речь не идет о целенаправленном уничтожении именно "варяжских" поселений. Труворово городище (будущий Изборск), население которого, по мнению С.В. Белецкого, составляли славяне и финны, в середине IX в. было разрушено и сожжено агрессорами, носившими оружие североευропейского типа, иными словами, скандинавами; по мнению того же исследователя, вскоре после 860 г. пожар уничтожил и другое, соседнее с Псковом, поселение Камно – племенной центр финской культуры Камно-Рыуге [113. С. 32–33, 57]. Таким образом, речь идет о тотальной войне, жертвами которой были не только скандинавы и масштабы которой станут ясны лишь после проведения систематического исследования всех разрушенных поселений.

Теперь, с учетом всего сказанного, мы можем вновь обратиться к предлагаемой археологами интерпретации известного пожара в Ладоге: им ознаменовано изгнание варягов, о котором говорится в русских летописях. Уничтожение каганата, о чем еще не знал Василий I, когда писал Людовику II, произошло едва ли ранее 870 г., но, очевидно, и не намного позже этой даты. Действительно, христианская религия, принятая русью в конце 860-х годов, не оставила никаких материальных следов в северных поселениях. Между принятием христианства и исчезновением каганата времени прошло совсем немного. Масштабами этого катаклизма и объясняется та глубокая трещина, которая пролегла между первым этапом проникновения руси на север современной России и следующим, начавшимся с приходом Рюрика.

IV. Время появления Рюрика

Рассказ о приходе Рюрика, называемый "Легендой о призвании варягов", представлен в различных деталях, но сходных по сути вариантах в Новгородской первой летописи младшего извода и в разных списках "Повести временных лет". В нем говорится о бесчинствах, творившихся "варягами из-за моря" по отношению к славянскому племени словен, балто-славянскому племени кривичей, и финским – мери и чуди, и о том, как они были изгнаны этими племенами, которые вслед за тем некоторое время жили независимо. В период независимости строятся новые поселения, а затем начинаются конфликты и междоусобные войны. В результате племена решают снова позвать "варягов из-за моря", чтобы те навели порядок и правили в их земле. Именно после этого Рюрик приходит княжить в Новгород, к словенам, а его братья – Синеус и Трувор, – соответственно, в Белоозеро и Изборск. Но если историчность Рюрика, основателя русской княжеской династии, имеет широкое признание, то двух его братьев, умерших, согласно летописям, через два года после своего прихода, относят, как правило, к легенде³⁰. Заметим также, что следует отказаться от попыток, недавно возобновленных рядом исследователей, отождествить Рюрика с Рориком Ютландским. Сближение основано на случайном совпадении имен и наличии в биографии Рюрика, хорошо представленной в латинских источниках, "пустых" годов, в течение которых он мог якобы отправиться из своего фьефа в Дорестаде в Новгород, основать там Русское государство, а затем вернуться в свои владения во Фризии³¹.

Две версии "Легенды" расходятся относительно места первоначального поселения Рюрика. Согласно редакции ПВЛ, сохранившейся в составе Ипатьевской летописи, он на первые два года обосновался в Ладоге, городе, построенном (*срубилша*) им и его братьями в земле словен, затем переместился к озеру Ильмень и заложил (*срубил*) там у истоков Волхова "новый город" – Новгород [117. С. 14]. В Новгородской первой летописи и в другом списке ПВЛ Рюрик сразу приходит в Новгород, и об основании городов не говорится [118. С. 106; 95. С. 18]. Попытки текстологически обосновать первичность "ладожской" версии неубедительны, но это не значит, что вторая версия не может быть основана на местной традиции, воспринятой одним из редакторов ПВЛ (см. [95. Т. II. С. 244–245])³². Объединяющий все версии рассказ о представителях племен, решивших поискать себе заморского князя, безусловно, основан на легенде. Рюрик и его люди, очевидно, пришли по собственной воле и, как и прежние скандинавские искатели приключений, остановились в Ладоге, из которой открывался путь в Восточную Европу. С этой далекой окраины они могли вести переговоры с местными племенами о поселении на их территории. Неудивительно, что этот предварительный этап, противоречащий логике "Легенды, исчез из ее основной версии.

Для нас наибольший интерес представляют общие для обеих версий элементы "Легенды", поскольку именно они могут составлять ее историческую основу: 1) притеснения, которым подвергались местные племена со стороны варягов; 2) изгнание варягов и следовавшие за этим межплеменные войны; 3) основание новой династии (в какой бы форме оно ни происходило)³³. По логике рассказа, все эти события разворачиваются в течение долгих лет. В Новгородской первой летописи они излагаются без дат и в целом по времени совпадают с основанием Киева. В ПВЛ, напротив, приводится дата – 859 (6367) г., – обозначающая начало притеснений, чинимых варягами, а затем, после двух "пустых" годов, сообщается о приходе Рюрика в 862 г. Как показал А.А. Шахматов, версия ПВЛ является вторичной по отношению к тексту, содержащемуся в Новгородской первой летописи. Стремление построить непрерыв-

³⁰ Впрочем, историчность братьев Рюрика защищает Г. Шрамм [114. С. 321–333].

³¹ Идею о тождественности Рюрика и Рорика, впервые высказанную в XIX в., воскресил Б.А. Рыбаков и подержал, среди прочих, А.Н. Кирпичников [105. С. 7–18]; недавно эту идею еще раз отвергли А. Назаренко [115. С. 880] и Т. Риис [116. С. 1026].

³² Стронником "ладожской" версии является Л. Мюллер [119. С. 179–182 (ср. [120. С. 31–43]).

³³ Этот подход, опирающийся на труды А.А. Шахматова, развивает Е.Н. Носов [121. С. 100–105].

ное погодное летописное повествование начиная с 852 г., не располагая при этом необходимыми сведениями, приводит составителя ПВЛ к совершенно нелепым результатам; в частности, все события, изложенные в "Легенде", у него помещены в трехлетнем интервале. Некоторые исследователи принимают столь узкие хронологические рамки, стремясь тем самым избежать значительного разрыва между датой изгнания варягов, на которую указывает ладожский пожар, и летописной датой прихода Рюрика. Так, в исследовании В.А. Булкина и Д.А. Мачинского эти события сконцентрированы в интервале 859–862 гг. [122. С. 19]; по мнению Б.А. Рыбакова, которое разделяют Е.А. Рябинин и Н.Б. Черных [98. С. 90–91], местные племена восстали в 867 г., а Рюрик пришел через год. Однако в подобном анализе внутренняя логика "Легенды" приносится в жертву искусственной хронологии ПЛВ. Мы предлагаем противоположный подход. Единственное хронологическое указание, которое можно извлечь из "Легенды", состоит в том, что между изгнанием варягов (которое следует датировать началом 870-х годов) и вокняжением Рюрика прошло немало лет. Что же касается даты прихода Рюрика, то ее следует искать в других источниках.

Есть несколько показателей, существенных для определения промежутка времени между изгнанием и вторым приходом скандинавов. Этот период соответствует маловыразительному слою 870–890-х годов в Ладоге, за которым следуют типично скандинавский "большой дом" (около 894 г.) и деревянная погребальная камера (около 900 г.) в некрополе Плакун³⁴. Кроме того, он соответствует и промежутку между полным разрушением (Рюрикова) Городища (после 867 г.) и началом роста этого поселения в конце 890-х годов. Но прежде всего и наиболее очевидным образом он соответствует "первому кризису серебра в Восточной Европе", который блестяще идентифицировал и изучил Т. Нунан. Описанный исследователем феномен довольно прост. В 860-е годы на севере современной России отмечается рост числа монетных кладов. В первой половине 870-х годов они еще многочисленны повсюду, за исключением района Волхова. Напротив, к последней четверти IX в. можно отнести лишь два клада. Количество кладов вновь возрастает в первом десятилетии X в. [124. P. 237–259] (ср. [125. S. 98]).

При описании кривой количественного распределения монетных находок по десятилетиям Т. Нунан использует образ американских горок (roller-coaster pattern). На фоне постоянных незначительных колебаний наиболее резкий скачок кривой вниз соответствует последней четверти IX в. При этом его нижняя точка выпадает на одно десятилетие – 880–890 гг., которое характеризуется очень незначительным количеством диргемов в кладах, найденных как в России, так и в Скандинавии. В этот период привычные каналы обращения диргемов были явно перекрыты. Нунан не дает объяснения этому феномену, ограничиваясь лишь упоминанием о возможной деятельности викингов. Однако прекращение транзитных коммерческих потоков через территорию современной России с абсолютной хронологической точностью отражает ситуацию, создавшуюся после разрушения Русского каганата. Именно она может нам прояснить реальную основу договора, заключенного между Рюриком и финскими и славянскими племенами. Расстройство торговли лишило скандинавских купцов прибылей (именно надежда вернуть прибыли и привлекла Рюрика в Ладогу), но от него пострадала и племенная верхушка, заинтересованная в импортных товарах. Согласно летописной формуле, Рюрик был признан, чтобы восстановить "порядок" в стране; теперь понятно, что речь идет о коммерческом порядке [92. С. 19; 120. С. 103]³⁵.

³⁴ Некрополь в урочище Плакун близ Ладоги, где, как часто предполагают, захоронены дружинники Рюрика, состоит из двадцати курганов, из которых пятнадцать раскопаны археологами (см. [123. С. 156–169]). Деревянная погребальная камера дает дендродаты от 880 г. до 900 г. Тем не менее И.В. Дубов, А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев датируют это захоронение "около 880 г.", из очевидного стремления приблизиться к традиционной дате прихода Рюрика [77. С. 194].

³⁵ Е.Н. Носов справедливо отвергает выдвигаемую некоторыми исследователями идею о том, что Рюрика призвала "коифедерация" славянских и финских племен [121. С. 103].

Пора признать, что попытки навязать археологическим находкам летописную хронологию заводят только в тупик. Если экономический подъем 860-х годов, на который указывают клады, связан с появлением Рюрика (такое объяснение не без оговорок приводит и Т. Нунан [124. Р. 250]), то как объяснить разрушение (Рюрикова) Городища (будущего Новгорода), столицы Рюрика, вскоре после 867 г. и последовавшее за этим опустошение? Как объяснить, что в тот самый период, в течение которого, согласно традиционной хронологии, должна была происходить интенсивная экспансия Руси во главе с Рюриком и его преемником Олегом, полностью остановилась торговля, составлявшая экономическую основу, если не смысл существования этого государства? Здесь мы оказываемся в той же парадоксальной ситуации, что и с гипотетическим "каганатом" Аскольда и Дира, якобы бурно процветшим в середине IX в. в Среднем Поднепровье среди полнейшей экономической и денежной пустыни.

Но довольно парадоксов. Летописцы конца XI и начала XII в. не имели в своем распоряжении ни местных (поскольку "Хроника Аскольда", задуманная Б.А. Рыбаковым и написанная М.Ю. Брайтчевским, не была им известна), ни переводных источников, которые позволили бы им правильно определить время правления Рюрика. Тем не менее в обоих вариантах "Легенды о призвании варягов" они сохранили достоверную канву исторических событий, которая, в соединении со свидетельствами греческих и латинских источников, а также археологическими данными, позволяет нам установить реальную хронологию гибели Русского каганата в начале 870-х годов и прихода Рюрика четверть века спустя.

Заключение

Древнейшая постройка киевского Подола датируется по дендрохронологии 887 г.; согласно Хронике Регинона, приблизительно в то же время (в 889 г.) произошло и изгнание венгров. Это совпадение неслучайно. Изгнание венгров из большей части Причерноморских степей, совершенное печенегами, но вдохновленное и организованное хазарами [90. Р. 61–62], позволило последним подчинить себе славянские племена, жившие в бассейне Днепра. Именно в это время начинаются попытки возобновить прерванный в течение полувека днепровский торговый путь и разворачивается городское строительство в Киеве, имевшем также, согласно трактату "Об управлении империей" Константина VII Багрянородного (952 г.), по-видимому тюркско-хазарское название "Самбатас" (*сам + бат* "верхняя крепость") (см.: [126. Р. 352–353]). Изначальный экономический подъем Киева, о котором свидетельствуют обнаруженные постройки и монетные клады первого десятилетия X в., происходил под эгидой хазар.

Около 895 г. Рюрик и его люди высадились в Ладоге. Связаны ли между собой эти два ряда событий: новый приход скандинавов на север современной России и возникновение на территории сегодняшней Украины зоны, платящей дань хазарам? Неизвестно. Однако следует отметить, что почти одновременно с приходом Рюрика в (Рюриково) Городище/Новгород быстро формируется большой скандинавский лагерь в Гнездовье в верховьях Днепра. Расположенный на границе хазарской зоны влияния, он впоследствии послужил базой для проникновения в эту зону русов, когда в 910–920 гг. они вступили в конфликт с хазарами. Не пытаюсь реконструировать события первой трети X в. – особенно темного периода в истории Руси, – подытожим наши выводы относительно предшествующего столетия.

Экспансия скандинавских (русских) поселений на севере современной России, в крайней северной точке торгового пути, контролируемого на юге Хазарским каганатом, послужила основой для создания Русского каганата. Амбициозный титул, принятый его главой, свидетельствует о глубокой интеграции в Восточной Европе; новая государственная структура появляется незадолго до первого упоминания о ней в конце 830-х годов. Русский каганат контролировал торговлю между Скандинавией

и Востоком, и походы на Константинополь и Абаскун говорят о его военной мощи. В то же время политика русов в отношении местных племен, описанная в "Анонимной записке" – "разбойная война" со славянами, захват пленников, продаваемых хазарам и болгарам, – напоминает о притеснениях, которые в летописях приписываются варягам. Именно столкновение с сильной волной миграции славян, вынужденных уходить на север под давлением венгров, и послужило, видимо, основной причиной падения каганата, летописного изгнания варягов³⁶. Археология поселений и монетные находки демонстрируют масштабы разрушений, которыми сопровождалась гибель каганата, а также ее последствия для торговли. В отсутствии силы, способной обеспечить безопасность купцов на северном участке их пути, торговля замерла около 875 г. и возобновилась лишь около 900 г. Период, описанный в летописях как время беспорядка и междоусобных войн, продолжался от разрушения каганата в начале 870-х годов до прихода Рюрика около 895 г.

Четкое выделение двух этапов формирования Древнерусского государства и вытекающая отсюда хронологическая схема позволяют устранить очевидное противоречие между летописным рассказом и данными археологии. Новая концепция более чем на тридцать лет "омолаживает" династию Рюриковичей и более чем на полвека "задерживает" проникновение руси в Киев. Если эта концепция верна, то начальная история древней Руси должна быть в корне пересмотрена.

Перевод П.В. Петрухина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / ed. M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckerman. Paris, 2000. (= Réalités byzantines. 7).
2. Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983.
3. Zuckerman C. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor. A Study of the Anonymous Khazar Letter from the Genizah of Cairo // *Revue des études byzantines*. 1995. Vol. 53.
4. Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6.
5. *Annales de Saint-Bertin* / éd. F. Grat, J. Vielliard, S. Clémencet, L. Levillain. Paris, 1964.
6. Shepard J. The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore? // *Early Medieval Europe*. 1995. Vol. 4.
7. *Monumenta Germaniae Historica, Epistolae VII (Epistolae Karolini aevi V)*. Berlin, 1928.
8. *Chronicon Salernitanum*. Stockholm, 1956.
9. Dölger F. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches*. Berlin, 1924. Vol. 1.
10. Taviani-Corozzi H. *La principauté lombarde de Salerne (IX–XI siècles)*. Rome, 1991.
11. Lewicki T. Les rites funéraires païens des Slaves occidentaux et des anciens Russes d'après les relations – remontant surtout aux IX–X siècles – des voyageurs et des écrivains arabes // *Folia Orientalia*. 1963. Vol. 5.
12. *Ibn Rusta (Rusteh)*. Les atours précieux. Le Caire, 1955.
13. *Al-Yakubi. Historiae*. Leyde, 1883. Vol. II.
14. Laurent J., Canard M. *L'Arménie entre Byzance et l'islam depuis la conquête arabe jusqu'en 886*. Lisbonne 1980.
15. *Ibn Isfandiyar. Ta'rikh-i Tabaristan*. Teheran, 1941.
16. Алиев С.М. О датировке набега руссов, упомянутых Ибн Исфандияром и Амоли // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*. М., 1969. Т. II.
17. *Иларион. Слово о законе и благодати*. Киев, 1984.
18. *Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской*. Киев, 1966. Т. I.

³⁶ Идею о столкновении двух миграционных волн, скандинавской и славянской, на севере современной России выдвинул М.И. Артамонов [127. С. 271–290] (ср. 128. С. 129–135).

19. Слово о полку Игореве / Под ред. В.П. Адриановой-Перец. М.; Л., 1950.
20. Львов А.С. Лексика "Повести временных лет". М., 1975.
21. Добродомов И.Г. Западная и восточная титулатура в древнерусской письменности // Древняя Русь и Запад. М., 1996.
22. *Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis.* II, 48. Bonn, 1829.
23. Golden P.B. The Question of the Rus' Qaganate // АЕМА. 1982. Vol. 2.
24. Богачек М. (Гольдельман). О диархии в древней Руси // Jews and Slavs. Иерусалим, 1995. Т. 3.
25. Pritsak O. The Origins of Rus. Cambridge (Mass), 1981.
26. Минорский В. Addenda to the Hudud al-Alam // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1955. Vol. 17.
27. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
28. Гольден П.Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993.
29. Новосельцев А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4.
30. Arrignon J.-P. Remarques sur le titre de kagan attribué aux princes russes d'après les sources occidentales et russes des IX–XI s. // Zbornik radova Vizantologskog instituta. 1984. Т. 23.
31. Васильевский В.Г. Русско-византийские исследования: Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1915. Т. III.
32. Vasiliev A.A. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass). 1946.
33. Markopoulos A. La Vie de Saint Georges d'Amastris et Photius // Jahrbuch Österreichischer Byzantinistik. 1979. Т. 28.
34. Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period. // Iconoclasm. Birmingham, 1977.
35. Ševčenko I. Ideology, Letters and Culture in the Byzantine World. London, 1982. № V.
36. Eftymiadis St. On the Hagiographical Work of Ignatius the Deacon // Jahrbuch Österreichischer Byzantinistik. 1991. Т. 41.
37. Markis G. Ignatios Diakonos und die Vita des hl. Gregorios Dekapolites. Stuttgart; Leipzig, 1997.
38. Mango C. The Correspondence of Ignatios the Deacon. Washington, 1997.
39. Eftymiadis St. The Life of the Patriarch Tarasios by Ignatios the Deacon. Aldershot, 1998.
40. Treadgold W. Three Byzantine Provinces and the First Byzantine Contacts with the Rus' // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. № 12/13. Cambridge (Mass). 1990.
41. Cumont F. Anecdota Bruxellensia I: Chroniques byzantines du manuscrit 11376 (Recueil des travaux publiés par la Faculté de Philosophie et Lettres 9), Gand, 1894.
42. Wortley J. The Date of Photius' Fourth Homily // Byzantinoslavica. 1970. Vol. 31.
43. Лутаврин Г.Г. Византия и Русь в IX–X вв. // История Византии. М., 1967. Т. II.
44. Patrologia Graeca. 105.
45. Photius. Hom. Thessalonique, 1959.
46. Mango C. The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople. Cambridge (Mass). 1958.
47. Маврикий. Стратегикон. Вена, 1981.
48. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
49. Iohannis Euchaitorum metropolitae quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt // Abhandlungen der hist.-phil. Classe der kgl. Gessellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. 1881. Vol. 28.
50. Theophanes Continuatus. Bonn, 1838.
51. Georgius Monachus Continuatus. Bonn, 1838. S. 826–827; Leon Grammaticus. Bonn, 1842. S. 240–241; Theodose de Melitene. Munich, 1859. S. 168; Symeon Logothetes. Bonn, 1838. S. 674–675.
52. De Boor C. Der Angriff der Rhos auf Byzanz // Byzantinische Zeitschrift. 1895. Vol. 4.
53. Schrwiner P. Miscellanea byzantino-russica // Византийский Временник. 1991. 52.
54. Nicolai I Papae epistolae // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae VI (Karolini eavi IV). Berlin, 1925.
55. Iohannes Diaconus. Chronicon // Cronache veneziane antichissime. Rome, 1890. Т. I.
56. Photius. Epistula 2 // Epistulae at Amphilochia. Leipzig, 1983. Vol. I.

57. *Авенариус А.* Христианство на Руси в IX в. // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.–11. Jahrhundert. Prague, 1978.
58. *Литаврин Г.Г.* Ведение христианства в Болгарии (IX–начало X в.) // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.
59. *Латышев В.В.* Жития св. епископов Херсонских // Записки Императорской Академии Наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1906. Т. VIII. Вып. 3.
60. Die byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1977. Vol. II.
61. *Havlikova L.* A propos de la christianisation de la Russie au IX siècle // Byzantinoslavica. 1993. 54.
62. *Obolensky D.* Byzance et la Russie de Kiev // Messenger de l'Exarchat du Patriarche Russe en Europe Occidentale. 1959. Vol. 29.
63. *Florja B.N., Litavrin G.G.* Christianisation of the Nations of Central and South-East Europe and the Conversion of Old Rus' // Byzantinoslavica. 1988. № 49.
64. *Александров А.А.* Остров руссов // Стратум + ПАВ. СПб.; Кишнев, 1997.
65. *Franklin S., Shepard J.* The Emergence of Rus 750–1200. London; New York, 1996.
66. *Arrignon J.-P.* Les Eglises slaves des origines au XV siècle. Paris, 1991.
67. *Senyk S.* A History of the Church in Ukraine. Rome, 1993. Vol. I.
68. *Tinenfeld F.* Der furchtbare Blitzschlag aus dem fernsten Norden. Der Angriff der Rhos auf Konstantinopel im Jahr 860. // Les Pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance). Uppsala, 1981.
69. *Schramm G.* Fernhandel und frühe Reichsbildungen am Ostrand Europas. Zur historischen Einordnung der Kiever Rus' // Staat und Gesellschaft in Mittelalter und Früher Neuzeit. Göttingen, 1983.
70. *Dvornik F.* Byzantine Missions among the Slavs. New Brunswick, 1970.
71. *Vernadsky G.* Ancient Russia. New Haven, 1943.
72. *Новосельцев А.П.* "Мир истории" или миф истории? // Вопросы истории. 1993. Вып. 1.
73. *Насонов А.Н.* "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
74. *Головко А.Б.* Христианизация восточнославянского общества и внешняя политика Древней Руси в IX – первой трети XIII века // Вопросы истории. 1988. Вып. 9.
75. *Кучкин В.А.* "Русская земля" по летописным данным XI – первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993 [1995].
76. *Артамонов М.И.* История Хазар. Л., 1962.
77. *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986.
78. *Thulin A.* The Southern Origin of the Name Rus'. Some Remarks // Les Pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance). Uppsala, 1981.
79. *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название "Русь" в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8.
80. *Творогов О.В.* Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2.
81. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. Т. I (Полное собрание русских летописей. Т. 9).
82. *Кучкин В.А.* Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // ДГ. 1995 [1997].
83. *Брайчевский М.Ю.* Неизвестное письмо патриарха Фотия киевскому кагану Аскольду и митрополиту Михаилу Сирину // ВВ. 1986. № 47.
84. *Брайчевский М.Ю.* Летопись Аскольда: відроджена пам'ятка дев'ятого століття // Київ. 1988. Вып. 2.
85. *Ericsson K.* The Early Conversion of the Rus' to Christianity // Slavonic and East European Review. 1966. Vol. 44.
86. *Callmer J.* The Archaeology of Kiev to the End of the Earliest Urban Phase // Harvard Ukrainian Studies. 1987. Vol. 11.
87. *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
88. *Кропоткин В.В.* О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

89. Noonan Th. The Monetary History of Kiev in the Pre-Mongol Period // Harvard Ukrainian Studies. 1987. Vol. 11.
90. Zuckerman C. Les Hongrois au pays de Lebedia: une nouvelle puissance aux confins de Byzance et de la Khazarie ca 836–889 // Byzantium at War (9th – 12th c.). Athens, 1997.
91. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. 6.
92. Мачинский Д.А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
93. Мачинский Д.А. О роли финно-язычного населения бассейнов Волхова и Великой в сложении этносоциума "Русь" (VIII–XI вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990.
94. Новосельцев А.П. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
95. Повесть временных лет. М., 1950. Т. I–II.
96. Sorlin I. Les premières années byzantines du Récit des Temps Passés // Revue des études slaves. 1991. 63.
97. Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. 1980. Вып. 160.
98. Рябинин Е.А., Черных Н.Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя старолadoжского Земляного городища в свете новых исследований // Советская археология. 1988. № 1.
99. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993.
100. Черных Н.Б. Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладога. Л., 1985.
101. Кузьмин С.Л. Ярусная стратиграфия нижних слоев Старолadoжского городища // Памятники Старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб; Псков, 1997. Т. I.
102. Мачинский Д.А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л. 1986.
103. Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // Древности Поволховья СПб., 1997.
104. Кирпичников А.Н., Назаренко В.А. Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984–1991 г. // Древности Поволховья. СПб., 1997.
105. Кирпичников А.Н. "Сказание о призвании варягов". Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. СПб., 1997.
106. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990.
107. Горюнова В.М. Развитие раннегончарного комплекса и дендрохронология Рюрикова городища // Древности Поволховья. СПб., 1997.
108. Богуславский О.И., Щеглова О.А. Новые исследования комплекса памятников у д. Городище // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1996.
109. Мачинский Д.А., Панкратова М.В. Саги о древних временах, ладожская эпическая традиция и локализация Алаборга // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1996.
110. Носов Е.Н., Плохов А.В. Холопий Городок на Волге // Древности Поволховья. СПб., 1997.
111. Кузьмин С.Л., Тарасов И.И. Раскопки поселения Новые Дубовики в 1998 г. // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1998.
112. Петренко В.П., Шитова Т.Б. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволховья // Средневековая Ладога. Л., 1985.
113. Белецкий С.В. Начало Пскова. СПб., 1996.
114. Schramm G. Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Historizität von Rjurik und seinen Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1980. Vol. 28.
115. Nazarenko A. Rjurik // Lexikon des Mittelalters. München, 1995. Vol. VII.
116. Riis Th. Rorik // Lexikon des Mittelalters. München, 1995. Vol. VII.
117. Ипатьевская летопись. М., 1998.

118. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
119. Müller L. Die "dritte Redaktion" der sogenannten Nestorchronik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Heidelberg, 1967.
120. Гринев Н.Н. Легенда о призвании варяжских князей (об источниках и редакциях в Новгородской первой летописи) // История и культура древнерусского города. М., 1989.
121. Носов Т.Н. Происхождение легенды о призвании варягов и Балтийско-Волжский путь // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.
122. Булкин В.А., Мачинский Д.А. Русь конца VIII – начала X вв. на Балто-Волжском и Балто-Донском путях // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986.
123. Назаренко В.А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985.
124. Noonan Th.S. Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age / Harvard Ukrainian Studies. 1992. Vol. 16.
125. Brather S. Frühmittelalterliche Dirham-Schatzfunde in Europa. Probleme ihrer wirtschaftsgeschichtlichen Interpretation aus archäologischer Perspektive // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 1995/1996 [1997]. 23/24.
126. Sorlin I. Voies commerciales, villes et peuplement de la Rōsia au Xe siècle d'après le De administrando imperio de Constantin Porphyrogénète // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / éd. M. Kazanski, A. Necessian, C. Zuckerman (Réalités byzantines 7). Paris, 2000.
127. Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. 1990. № 3.
128. Горский А.А. К вопросу о роли норманнов в складывании Киевской Руси (по поводу книги К. Хеллера "Норманны в Восточной Европе") // Russia Mediaevalis. 1997. Vol. 9.



© 2001 г. В.Я. ПЕТРУХИН

О "РУССКОМ КАГАНАТЕ", НАЧАЛЬНОМ ЛЕТОПИСАНИИ, ПОИСКАХ И НЕДОРАЗУМЕНИЯХ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В новейшей историографии последних лет "Русский каганат" IX в. стал едва ли не главным предметом ученых реконструкций, связанных с началом Руси. Исследователи, опирающиеся на одни и те же – весьма скудные – источники, отводят этому "каганату" место в самых разных регионах Восточной Европы (а иногда и за ее пределами), по преимуществу обнаруживая славяно-росский каганат в исконных славянских землях Среднего Поднепровья (В.В. Седов и др.) или русско-варяжский на Севере Восточной Европы (О. Прицак, Д.А. Мачинский, Дж. Шепард и др.). И те, и другие исследователи, отмечая скудость и даже тенденциозность летописных известий, связывающих происхождение Русского государства с призванием варягов, стремятся опереться на данные археологии и напрямую увязать их со свидетельствами внелетописных письменных источников, чтобы выяснить подлинную предысторию Руси. Естественно, эти построения оказываются дискуссионными и нуждаются в обсуждении.

Французский византист Константин Цукерман, признающий скандинавские истоки самого имени *русь*, примыкает к "северной" историографической традиции, размещая "Русский каганат" на Волхове, с главными центрами в Ладоге и Новгороде (Городище). Он разбирает шесть свидетельств о Русском каганате – и уже здесь возникает некое историографическое недоразумение (или недоумение, которое должен высказать участник дискуссии). Дело в том, что ни в одном из шести свидетельств нет упоминаний собственно каганата – речь там идет о титуле "каган", которым наделен – или не наделен – предводитель руси, причем в древнейших источниках, восходящих к IX в., речь идет именно о народе, а не о государстве или стране. О кагане Владимире Святославиче (и Ярославе) как правителе Русской земли свидетельствует лишь "Слово о Законе и Благодати" в середине XI в. Конечно, и в раннем свидетельстве, приводимом Ибн Русте (920), говорится о земле народа ар-рус, но это пресловутый "зловонный остров русов", который К. Цукерман предпочитает далее напрямую не поминать – настолько он не согласуется с рассматриваемыми им "историческими реалиями", хотя вслед за описанием "острова" в арабских источниках и упоминается "каган русов".

Второе обстоятельство, заставляющее усомниться в правомерности самой постановки проблемы о титуловании русского правителя титулом "каган", связано у большинства упомянутых исследователей с более серьезными просчетами в анализе

Петрухин Владимир Яковлевич – д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

источников. К. Цукерман относит начало "Русского каганата" к 830-м годам, поскольку каганом именуют своего правителя росы Бертинских анналов (839), конец – к 870-м, поскольку письмо Людовика II византийскому императору Василию I, в котором император франков отказывает правителю норманнов (= руси) в праве на титул "каган", написано в 871 г. При этом, однако, не только К. Цукерман, но и А.В. Назаренко и другие упускают из виду контекст письма Людовика: "каганом мы называем государя авар, а не хазар (в письме они именуются *Gasani*) или норманнов (*Nortmanni*), или князя болгар". Фраза свидетельствует о том, что в империи франков, во-первых, мало что знали о хазарах, во-вторых, со времен появления "росов" Бертинских анналов прочно ассоциировали русь с норманнами, но не признавали заявленных в 839 г. претензий на титул кагана. Странники и киевского, и волховского "Русского каганата" делают из этой фразы парадоксальный вывод о том, что дипломатический довод Людовика направлен против византийской традиции: якобы в "византийской канцелярии" правителя Руси продолжали именовать "хаганом" [1. С. 290–291]. Этот вывод имел бы некоторое право на существование, если бы в той же канцелярии "хаганом" именовали и болгарского князя, но правитель Болгарии в IX в. оставался для империи "архонтом", каковыми оставались для нее и русские князья. Признанным в Византии носителем титула каган был только правитель Хазарии [2. С. 41]. Письмо Людовика не может, таким образом, быть свидетельством существования "Русского каганата".

Еще меньше отношения к "Русскому каганату" имеет приводимое Цукерманом свидетельство ал-Якуби о сарарах, просивших в 854 г. помощи у правителей греков, хазар и славян – ас-Сакалиба. Дело не только в том, что речь не идет здесь прямо об "императорских" титулах правителей греков и хазар (если считать, что титул "каган" приравнивался к императорскому); дело в том, что неверно утверждение К. Цукермана, будто первые арабские географы смешивали русов со славянами: наоборот, они их противопоставляли (как в приводимом самим Цукерманом описании "острова русов"). Даже в отношении Ибн Хордадбега это обычное в литературе утверждение неверно: этот автор относил ар-рус к "виду славян" на том основании, что владели славянским языком – переводчиками им служили славянские евнухи.

Таким образом, в приводимых свидетельствах ни об "официальном титуле русского суверена", ни тем более о его государстве речи нет – речь может идти лишь о претензиях, которые выдвигали "люди Рос", стремясь на равных строить свои отношения с греками, франками – и хазарами.

Между тем свидетельство об "этапе формирования государства", предшествующем признанию варяжских князей, речь идет как раз в том источнике, которому К. Цукерманом отказано в достоверности. Это летописная фраза (восходящая к Начальному своду), вводящая (под 859 г.) "варяжскую легенду": "имаху дань варязи, приходяще из заморья, на чюди, и на словенех, и на мерях и на всех кривичах, а козаре имахуть на полянех, и на северех, и на вятичах" [3. Стб. 13–14]. Здесь многое проясняется в приводимых К. Цукерманом источниках, в первую очередь, претензии руси (варягов) на титул кагана, соперничество с Хазарским каганатом, даже некое "равенство" с ним – ведь русь брала дань с нескольких народов, как и хазарский каган. Правда, варяги, приходящие из заморья, не подходят для реконструкции каганата на Волхове, но как раз "заморье" не было препятствием для скандинавских мореходов – по рекам было пробираться сложнее, не говоря уж о лесах: может быть, и рассказы об острове (полуострове) русов относятся все же к Скандинавии.

Особая проблема – хронология: со времен А.А. Шахматова очевидна искусственность летописных датировок, появившихся позднее, чем был составлен Начальный свод, и т.д. Сложнее дело обстоит с относительной хронологией – последовательностью событий, донесенных до летописи преданиями. Во всяком случае, и для новгородских, и для киевских летописцев было ясно, что первый поход руси на Царьград (860 г.), неточно приурочиваемый ими то к началу, то к концу царствования Михаила III, имел базой Киев. Конечно, имена Аскольда и Дира могли быть

вставлены летописцами в рассказ греческого хронографа о походе на Царьград на основе киевских топонимических реалий – курганы Аскольда и Дира были известны в Киеве XI в. Но в преданиях (летописных "сказаниях") о первых русских князьях очевидна тенденция, которую едва ли следует игнорировать: военные предприятия этих князей против Византии могли быть успешными, если они опирались на союз с народами Восточной Европы, в первую очередь – со славянами. Без прочных баз в Восточной Европе, где русские дружины могли собирать ладьи для похода, кормиться и собирать дань, ни военные, ни торговые предприятия были немыслимы. Еще можно предполагать, что рейды на Сурож и Амастриду были осуществлены из северной Руси через территорию Хазарии (и при ее посредстве?). Но 200 ладей, которые внезапно появились под стенами самого Царьграда 18 июня 860 г., не могли пройти из волховской в днепровскую речную систему, не опираясь на договорные отношения с местными населением – кривичами. И такие договорные отношения с кривичами у руси были – если помнить о летописном "ряде" словен, кривичей и меря с призванными варяжскими князьями. Еще сложнее представить дальнейший маршрут руси через хазарскую податную территорию и днепровские пороги без надежной базы в Приднепровье. Конечно, в Киеве до сих пор не открыты городские напластования IX в., но это – общая проблема древнерусской городской археологии: таких слоев нет в Новгороде, Смоленске и других городах, за исключением Ладоги. Напрямую переводить эту проблему в область исторических реалий настолько же рискованно, насколько рискованно увязывать слои пожарищ на памятниках, приписываемых "Русскому каганату", с предполагаемыми политическими событиями, приведшими к его гибели¹, – деревянные поселки, как известно, горят не только от политических катаклизмов (та же Ладога горела в 840-е и 950-е годы). Во всяком случае, если опираться на традиционную датировку арабских известий о трех группах руси, то придется признать, что во второй половине IX в. существовало объединение с центром в Киеве – Куйабе, независимое от предполагаемого объединения с центром в Новгороде (Славийа), и это может соответствовать данным летописи о самостоятельном правлении Аскольда и Дира в Киеве [5. С. 414–415].

Важный "культурный" итог присутствия руси в Восточной Европе в IX в. отмечает Ибн Хордадбех, чьи данные о народе ар-рус, видимо, относятся к 880-м годам, так как у этого автора упоминается уже самостоятельный (Днепровский?) путь в Византию: русь говорила по-славянски, а в Багдаде русские купцы выдавали себя за христиан [6. С. 68–82] – правоверные мусульмане не могли иметь дела с язычниками.

Последнее обстоятельство имеет отношение к другому сюжету начальной русской истории, затрагиваемому К. Цукерманом, не менее дискуссионному, чем "Русский каганат", – "крещению Руси" при патриархе Фотии. Справедливо отмечая, что крещение при Фотии осталось неизвестным начальному летописанию, Цукерман предполагает, что эта конфессиональная традиция была прервана так же, как и государственная традиция "Русского каганата". Это предположение соответствует устоявшимся историографическим схемам: язычники Олега якобы расправились с христианами Аскольда (и Дира) так же, как династия Рюрика пришла на смену исчезнувшему в предполагаемых распрях 860–870-х годов каганату. При этом окружное послание Фотия 867 г. характеризуется как "самый надежный источник": действительно, Фотий

¹ Ср. совершенно иную интерпретацию у Г.С. Лебедева и других исследователей тех же археологических "свидетельств", к которым добавлен еще и слой пожара в Псковском кроме (с дендродатой 860 г.): пожары здесь соотносятся с летописным изгнанием варягов [4. С. 319 и сл.]. Отнюдь не столь однозначна, как представляется К. Цукерману, и ситуация на памятниках последней трети IX в.: если после пожара 860-х годов в самой Ладоге можно усматривать некоторый "кризис" (меньшая интенсивность застройки на Земляном городище), то в Приладожье, напротив, по данным О.И. Богуславского, появляются серии скандинавских находок – свидетельство освоения варягами этой волости; развивается после пожара и Новгородское Городище, что позволяет Д.А. Мачинскому предполагать даже перемещение политического центра из Ладоги на Городище – в соответствии с "ладожской версией" легенды о призвании варягов.

сообщает о том, что даже самый жестокий из всех народов "Рос" сменил "эллинскую" веру на христианскую и сам себя поставил "в строй подданных и заступников" империи, приняв епископа и пастыря [2. С. 51]. При этом исследователями опять-таки упускается из виду полемический контекст, в котором только и следует рассматривать послание Фотия: ведь он должен был продемонстрировать успехи Восточной церкви как раз там, где его противники-латиняне видели свидетельство ее бессилия – безнаказанность народа рос, разорившего окрестности самой столицы Византии. Конечно, можно предположить, что Фотий действительно посылал епископа к руси, выразившей желание креститься, чтобы иметь более свободный доступ в Царьград (ср. данные Ибн Хордадбега), но "адрес" этой руси остается неизвестным, как неизвестной остается и судьба епископа, отправившегося неведомо куда.

Остроумно построение К. Цукермана, "примиряющее" две византийские традиции раннего "крещения руси" – при патриархе Фотии и/или при его сопернике Игнатии, который якобы отправил к руси уже архиепископа: он сравнивает эту ситуацию с процессом крещения Болгарии, когда князь Борис, добывавший автокефалии болгарской церкви, изгнал греков и пригласил латинян. Игнатий якобы исправил ошибки Фотия и отправил архиепископов в Болгарию и на Русь. Конечно, это сопоставление искусственно: сеть небольших поселков в Поволховье, лишенных даже выраженных укреплений, не сопоставима с болгарскими городами, где действительно могла существовать автокефальная церковь. Но дело не только в этом: Византия, борющаяся за болгарский диоцез с латинской церковью и франками, не проявляла подобной заинтересованности в судьбах далекого от ее границ Русского государства даже в конце X в. – князю Владимиру силой пришлось завоевывать право на создание церковной организации. В любом случае, реляции Фотия о крещении росов могли оказаться такими же "риторическими фигурами", как и претензии главарей русских дружин на титул "каган"².

Для реконструкции истории начальной Руси традиционно используются и данные нумизматики: можно заметить, что эти "немые" свидетельства практически ничем не защищены от самых противоположных интерпретаций, как и данные археологии: Т. Нунан, во время круглого стола на парижской конференции по проблемам урбанизации, одним из организаторов которой был К. Цукерман, отрицал возможность прямого соотнесения нумизматических данных с "фактами" политической истории. Тем не менее и приток восточного серебра в Восточную Европу и Скандинавию в 860-е годы, и перерыв в его распространении в последней четверти IX в. соотносятся с политическими событиями, и здесь подход К. Цукермана нельзя назвать последовательным: поступление восточного серебра в 860–870-е годы, обычно увязываемое с призванием варягов, едва ли соотносится с представлениями о кризисе, в который, по Цукерману, погрузился Русский каганат. Еще сложнее обстоят дела с перерывом в поступлении восточного серебра: Цукерман видит в нем отражение кризиса, который претерпевал Русский каганат в 870-е годы – лишь через четверть века появившийся на севере Руси Рюрик навел здесь "коммерческий порядок". Правда, монетное серебро с начала X в. поступает не только на север, но и в Киев, но Киев Цукерман уступает хазарам. Здесь и обнаруживается очередное противоречие в конструкции автора: поток монетного серебра в Восточную Европу действительно возобновляется, но не через Хазарию, а в обход каганата – через державу Саманидов и Волжскую Болгарию. Риторическое недоумение Цукермана, отказывающегося понять, почему во

² Совершенное недоумение вызывает и реконструируемая К. Цукерманом "историческая цепочка", которая увязывает крещение болгар и руси с принятием иудаизма хазарами. Вопреки его утверждению, при дворе хазарского кагана в 861 г. не было никакого "диспута трех монотеистических религий": по Житию Константина, Философ полемизировал там с иудеями, но никаких оснований считать, что именно после его (победоносной – по Житию) полемики хазары и приняли иудаизм, нет. Константин действительно полемизировал с представителями трех конфессий, но эта агиографическая полемика не была связана с "обращением" ни мусульман, ни даже моравских славян – они были крещены до миссии Константина, как и хазары приняли иудаизм, во всяком случае, ко времени правления Харуна-ар-Рашида (к началу IX в.).

время экспансии руси Рюрика и Олега замирает восточная торговля, может быть основано лишь на очередном игнорировании летописных известий: Олег присвоил хазарскую дань со славян, и каганат ответил торговой блокадой. Ответной реакцией Руси и был поиск торговых путей в обход Хазарии – по пути "из варяг в греки" и по пути в Болгар. И уже совершенно фантастичной и с точки зрения археологии, и с точки зрения истории представляется предлагаемая Цукерманом причина гибели каганата: бегство славян с юга на север от экспансии венгров Леведии не фиксируется никакими источниками – на севере продолжают развиваться местные археологические культуры длинных курганов и сопок, а миграционные волны, напротив, связываются с приходом какой-то части славянского населения с запада и скандинавов "из-за моря".

Наконец, нельзя не обратить внимания на еще одну вероятную недомолвку в обсуждаемом тексте: автор настаивает на исчезновении Русского каганата из исторической памяти русских летописцев – русские князья в летописи, действительно, не назывались каганами; однако они названы так Иларионом, влияние которого на начальное летописание и книжность в целом достаточно очевидно. Почему Иларион надеяется потомков Рюрика тем титулом, в котором им отказывает Цукерман, и почему о русском кагане молчат летописи? Очевидно, что Иларион основывался на политических реалиях первой половины XI в.: под властью Владимира и Ярослава оставались хазарские земли, Белая Вежа и Тмутаракань. Ко времени составления первых летописных сводов – к концу XI в. – ситуация изменилась: Тмутаракань оказалась в сфере влияния Византии. Воспоминания о хазарском титуле черниговского князя, непосредственно связанного с былой территорией каганата, еще сохранились в "Слове о полку Игореве", но эти воспоминания были далеки от исторических реалий.

Эти полемические заметки отнюдь не ставят целью обосновать подлинность ранних летописных дат – но построение К. Цукермана, на мой взгляд, не только не дает каких-либо оснований для того, чтобы "в корне пересмотреть" начальную историю Руси, но в целом само следует летописной истории, лишь "омолаживая на тридцать лет династию Рюрика". Однако для такого "омоложения" необходимо все же заниматься не сопоставлением часто несопоставимых данных, отвлекаясь от контекста источников, их содержащих, а продолжать текстологическое исследование летописных сводов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Назаренко А.В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 290–291.
2. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XI в.). М., 2000. С. 41.
3. Полное собрание русских летописей. Т. 2.
4. Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб., 1999.
5. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
6. Калинина Т.М. Торговые пути Восточной Европы IX в. // История СССР. 1986. № 4.



© 2001 г. Р.Д. РУСЕВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В БОЛГАРИИ (1921–1943 ГОДЫ)

Общая картина русской эмигрантской периодики в Болгарии складывалась около двух десятилетий. За это время издавалось – одни более продолжительно, другие недолго – свыше 80 весьма разноликих в идейном и тематическом отношениях газет и журналов. Много места на их страницах отводилось информационным материалам и публикациям политического характера. В чрезмерно перегруженном политикой газетно-журнальном пространстве литературные издания и литературные разделы в некоторых общественно-политических газетах и журналах выглядели скорее как некий оазис.

Периодические литературно-художественные издания начали возникать почти сразу после появления первых русских изгнанников на болгарской земле, став одним из индикаторов необыкновенного литературного оживления в только что сформировавшейся русской диаспоре.

Первоначально эта бросающаяся в глаза литературная сверхактивность проявлялась прежде всего на эмоциональном уровне, как естественная реакция на психическую травму вследствие изгнания с родины. Литературное творчество на некоторое время стало отдушиной для эмигрантов. В тематический фокус наспех сочиненных стихотворений, рассказов, очерков или путевых заметок попадали чаще всего ситуации, имевшие отношение к злосчастной судьбе изгнанников. Облеченные в художественные формы депрессивные и ностальгические настроения целиком определяли облик, скажем, "Балканского журнала" или "Изгнанника".

Периодическое литературно-художественное иллюстрированное издание "Балканский журнал" (1921–1923) было основано поэтом Н. Мазуркевичем (Изгнанником), редактировавшим до своего приезда в Болгарию еще несколько газет и журналов: "Утро Кавказа", "Свет и тени", "Кавказский журнал", "По лазурным берегам". Цели этого издания, выходящего одновременно и на русском, и на болгарском языках, были конкретизированы в передовой статье первого выпуска: "Освещать жизнь беженцев и защищать интересы пострадавших от войны; в смысле литературы служить чистым идеям искусства, без политики" [1. Т. XII. С. 1]. Большая часть публикаций в "Балканском журнале" – и проза, и, особенно, доминирующий поэтический раздел, где увидели свет стихотворения К. Бальмонта ("Двойное зрение"), Л. Столицы (из цикла "Тринадцатая весна"), Т. Щепкиной-Куперник ("Крик ночью"), Вл. Лебедева ("В бестропном лесу"), как и самого редактора издания ("Осень",

"Молитва", "Туман", "Афины", "Песнь орла") – отражали полное отчаяние и тягостные приступы ностальгии в душах изгнанников:

Грустные песни изгнания... Просинь –
Скучная сказка желтевших дерев,
Тихо рыдающий сердца напев
Влился в плакучую серую осень.

"Осень"

или

Над землей пали тени ночные...
Солнце скрыло сиянье свое.

"Молитва"

В том же духе подобраны и два абсолютно созвучных эмигрантским стихотворения болгарских авторов Ц. Церковского ("В сън унесен") и Ст. Чилингирова ("На моята родина").

Безутешная грусть и робкие чаяния юношей, "заброшенных волнами безвременья", как сами определили себя эмигрантские поэты – авторы лирического сборника "Песни изгнания" (София, 1921), стали ведущим мотивом журнала "Изгнанник" под редакцией М. Саевского. Стиль и общее звучание этого издания, вышедшего единственный раз в 1922 г., по существу не отличались от "Балканского журнала", что видно из стихотворения Л. Столицы ("Газелла"), Т. Тихановой ("Два эскиза") или В. Писаревой ("Бледнеют берега...") и особенно из очерка М. Саевского "У чужих берегов", дающего почти осязаемые представления о сложном душевном состоянии человека, оторванного от отчизны. Из остальных публикаций значительный интерес вызывают переведенные на русский язык болгарским поэтом К. Димитровым стихотворения Д. Дебелянова и П.П. Славейкова, несколько стихотворений графа Н. Зубова, в частности "Россия – Болгария", а также обзор новых книг и хроника литературной жизни русской эмиграции в Софии.

Если в самом начале негативные личные эмоции были главным и достаточно сильным источником мотивации творчества, то в дальнейшем литературная активность эмигрантов объясняется уже неким постепенно формировавшимся глубоким внутренним убеждением, что на них возложена особая миссия хранить и развивать русскую культуру, что им предопределена роль единственного носителя русского национального духа и блюстителя культурных традиций.

В апокалиптических представлениях эмигрантов, основанных только на слухах или внутренней интуиции, их родина часто представляла как "духовная пустыня", как "темница русского духа", уподоблялась экрану, на который спроецированы жуткие сцены из романов Ф.М. Достоевского. Многие из подобных оценок и заключений были слишком поспешными и крайними потому, что, как признал однажды Гл. Струве на страницах софийской "Русской мысли" в рецензии на только что изданный в Советской России поэтический сборник А. Ахматовой "Подорожник", и в невыносимых моральных и бытовых условиях советской действительности, в тягостной творческой атмосфере все-таки продолжали создаваться настоящие и значимые художественные ценности [2. № 10/12. С. 349]. Тем не менее понять русского эмигранта в этом случае можно легко – ведь принадлежность к великой духовной культуре логично предполагает обостренную чувствительность ко всему, связанному с ее настоящим и будущим. А почти болезненная озабоченность судьбами русской духовной культуры и стремление дать ответ и отпор превратностям судьбы наполняли

смыслом эмигрантское существование, высвобождали духовную энергию и давали силы для выживания и творчества, насколько оно было возможно в сложных объективных условиях. "Мы потеряли все, а главное нашу родину, позади нас великое прошлое, теперь у нас осталось одно могучее достояние – наше красивое русское слово..." – говорится в одной из редакционных статей в эмигрантской газете "Русская жизнь". – "Но наше слово должно звучать для того, чтобы удержат веру в Россию... Мы здесь, на чужбине, имеем великое призвание – сохранение русского слова и развитие национальной культуры" [3. № 16].

Периодика, особенно литературная, должна была играть существенную роль в выполнении миссии русской заграничной культуры: противостоять нигилистическому отношению к духовным ценностям в послереволюционной России и обеспечить культурную преемственность, без которой невозможно культурное развитие.

Может быть, не все литературные журналы русской эмиграции в Болгарии были в состоянии соперничать с многочисленными изданиями в других эмигрантских культурных центрах. Публицистические и литературно-критические материалы, благодаря сотрудничеству в журналах русской эмиграции в Болгарии таких ученых и литераторов как П. Струве, П. Бицилли, К. Мочульский, К. Зайцев, П. Ярцев и другие, по своим достоинствам вряд ли им в чем-нибудь уступали, но художественные публикации своими языком и стилем были значительно беднее. Периодические литературные издания просто не располагали ни временем, ни возможностью очистить свой стиль и поднять художественный уровень, так как обыкновенно им удавалось просуществовать год-два, а были и такие, которые выходили только несколько или даже единственный раз. Одной из самых серьезных причин, препятствовавших утверждению традиций в области газетно-журнального дела, была, несомненно, частая смена редакторов и сотрудников, сравнительно краткое пребывание в Болгарии русских эмигрантских писателей, публицистов и журналистов. Как известно, согласно предварительным намерениям и планам болгарские земли не являлись конечной целью их странствий, а только временной пристанью на пути в Центральную и Западную Европу, к большим культурным центрам, хотя в отдельных случаях Болгария превращалась и в долгосрочное убежище.

Несправедливо и ошибочно было бы полагать, что в литературных журналах русской эмиграции в Болгарии недоставало приятных неожиданностей. Настоящей находкой среди литературных изданий, да и вообще явлением в эмигрантской литературной жизни, можно считать, например, "Эос" – небольшой журнал, основанный группой русских воспитанников американской гимназии в городке Самокове. Начиная выходить в 1924 г. как двухмесячник молодой русской мысли, "Эос" ставил перед собой достаточно амбициозные и ответственные задачи: "собрать в одно всех молодых духом любителей русского языка" и «обслуживать на литературной почве учащихся русских средних учебных заведений, стихийным вихрем занесенных из "дали родной непогоды" в "блаженные" зарубежные страны» [4. № 1. С. 3, 5]. Журнал с самого начала категорически заявил о своей аполитичности и декларировал, что не стремится к полемике на почве политической борьбы, принимает политику только как фон, а не как центр современной и минувшей жизни, поскольку ни один эмигрант не в состоянии целиком и полностью абстрагироваться от нее.

Душой первых трех номеров был редактор издания Е. Простов, а многие из сотрудников опытные литераторы, чей возраст давно перевалил за школьный. Среди представленных на страницах журнала талантливых молодых поэтов выделялись Е. Макавейский ("Осенние скрипки"), Кс. Кернэн ("Стихи о Петербурге" и стихи из книги "Осеннее золото"), И. Гребенчиков ("В сумерках"), Г. Чарнецкий ("Сумерки"). Очарование излучали этюды Ф. Беляковского и его колоритная природная импрессия "Лес", затрагивавшая проблему распада гармонии природы в результате вмешательства в нее человека. Самым юным авторам, гимназистам И. Стародубцеву и Л. Васильеву, была предоставлена отдельная рубрика "Питомник зеленой поросли".

В четвертом, заключительном номере (1926) произошла перемена в редакционном составе, но намерения и линия нового редактора, Л.В. Гончарова, в общем не изменились. Новинку в атмосферу журнала привнесла открыто выраженная издателями (под влиянием эмигрантского поэта И. Британа) приверженность идеям пацифизма. Из прежних авторов опубликовали свои стихотворения только Е. Простов ("Орлу") и Кс. Кернэн ("Деревня"). Зато появились другие, не менее интересные юные авторы: Ю. Мцинский ("Однажды в мае..."), Г. Алексеев ("Розы"), А. Бинецкий, И. Кнорринг, А. Стоянов. А. Бинецкий, ставший позднее призером конкурса авторитетного эмигрантского журнала "Воля России" (Париж) за лучший рассказ на эмигрантскую тему, опубликовал в "Эосе" очерк о жизни русских рабочих-эмигрантов в болгарском городе Пернике и два стихотворения ("Пятая весна", "Пророк"). Прежде чем приобрести популярность в шанхайском эмигрантском журнале "Русские записки", свои ранние поэтические опыты (сонеты) публиковала в "Эосе" И. Кнорринг, чью поэзию Гл. Струве охарактеризовал как едва ли не самую грустную в русской эмигрантской литературе. И другой оригинальный молодой поэт, А. Стоянов, ставший потом желанным литературным сотрудником в ряде небезызвестных изданий русской эмиграции, таких как "Наша газета" (Рига), "Новый путь" (Шанхай), "Пражские часы" (Прага) и получивший возможность принять участие в альманахе "Золотой петушок", редактированном И. Северяниным, рядом с И. Буниным, К. Бальмонтом и А. Ремизовым, опубликовал на страницах "Эоса" стихотворение "Вольный ветер треплет волосы...". Последующие поэтические опыты этого автора обратили на себя внимание ведущих литературных критиков русской эмиграции – благожелательные отзывы о нем дали В. Ходасевич ("Возрождение"), Г. Адамович ("Последние новости"), М. Гофман ("Наша газета"). Критики отмечали есенинское влияние на его лирику, метко найденное поэтическое выражение любви к родине, свежие образы и искренний тон.

Среди остальных материалов в четвертом номере "Эосе" весьма любопытны путевые заметки "Нечто о Месемврии", подписанные псевдонимом Гамаюн, в которых, преломляясь через призму взглядов русского эмигранта, оживает прошлое и настоящее болгарского черноморского города, а также несколько литературно-критических статей и рецензий о А. Ремизове, Ю. Цветаевой и И. Британе. Очевидные художественные достоинства журнала не остались незамеченными эмигрантской прессой – очень теплой и позитивной была реакция софийской ежедневной газеты "Русь" и белградского "Нового времени", а парижское "Звено" искренне удивлялось непосредственности и свежести тона и безукоризненной чистоте языка "Эоса".

К огромному сожалению, литературные издания, такие как "Балканский журнал", "Изгнанник" или "Эос", провозгласившие служение чистому искусству, можно пересчитать по пальцам. Эмигрантской литературе неизбежно приходилось сосуществовать, переплетаться с политикой и идеологией. В эмигрантских литературно-критических и литературно-исторических работах отношение к художественному творчеству, к духовным ценностям неразрывно связано с субъективными воззрениями их авторов на революцию и политическую власть. Так, критик Ю. Никольский признавал в "Русской мысли", что в искусство неминуемо вторгается политика, и подобный факт невозможно игнорировать. Поэтому он в своем исследовании "Последняя поэма А. Белого" сделал оговорку, что представил на суд читателей "не художественный разбор, а мысли по поводу произведения искусства" [5. № 3/4. С. 202–205]. Конечно, и чисто эстетическая сторона художественного творчества не переставала быть объектом исследовательского интереса отдельных авторов. Сказанное в полной степени относится к литературной и историко-литературной критике К. Мочульского и П. Бицилли.

Литературно-политический журнал "Русская мысль" (1921) под редакцией известного историка и философа П. Струве относился к тем изданиям, которые пытались как-то примирить литературу и политику, найти оптимальные пропорции между ними. Но софийский этап этого популярного дореволюционного журнала можно

определить одним словом: разочарование. Если в публицистических или литературно-критических разделах пяти вышедших книжек все же встречалось немало достойных публикаций, то в беллетристической рубрике печатались только посредственные вещи, которые можно было объединить самоироническим заглавием одного из помещенных здесь произведений беллетриста Л. Львова – "Неудавшийся рассказ". Журнал стал более интересным после переезда редакции в Прагу и Берлин – там литературно-художественный раздел расширился и стал намного разнообразнее, в нем сотрудничали известные эмигрантские поэты и писатели.

Многочисленные попытки издавать сугубо литературный журнал или газету терпели неудачу. Самой симптоматической в этом отношении оказалась газета "Молодое слово" (1931–1937), основанная кружком молодых русских поэтов и писателей (М. Карпов, Ф. Мельников, С. Ратьков-Рожнов, А. Стоянов) и задуманная именно как литературная. Содержание ее трех первых номеров максимально соответствовало предварительно заявленным намерениям – печатать только оригинальные литературные произведения, переводы, критику. Изысканные и жанрово разнообразные материалы были в состоянии удовлетворить самого тонкого ценителя литературы: стихотворения А. Стоянова ("Свидание", "В горах") и С. Ратькова-Рожнова ("К новому", "Молитва"); рассказы М. Карпова ("Пресыщенная женщина") и Ф. Мельникова ("Сентименталист"); переводы с болгарского языка А. Стоянова ("Тоска овчара" Й. Йовкова) и Ф. Мельникова ("Невероятная прогулка" Ф. Поповой-Мутафовой); литературно-критические статьи А. Стоянова ("С. Есенин"), Ф. Мельникова ("Г.П. Стаматов") и А. Сорина ("Ив. Савин") и др.

С четвертого номера, однако, газета перестала быть исключительно литературной и превратилась в общественно-политический орган младороссов, стремившихся к восстановлению монархической государственности. Как заявили редакторы, опыт создания чисто литературного органа показал, что отвлеченная эстетическая база газеты не отвечала требованиям русской молодежи. Но вряд ли одни только читательские интересы явились решающей причиной метаморфозы этой интересной газеты из литературной в политическую. Причина кроется скорее в том, что в Болгарии не было никаких препятствий для распространения общественно-политических идей и движений русской эмиграции. Вот почему, перечислив массу технических неудобств Софии, в том числе и отдаленность редакции от больших эмигрантских центров, от своих читателей и сотрудников, издатель газеты "Голос России" (1936–1938) И. Солоневич предпочел в конце концов как раз болгарскую столицу Парижу и Берлину, аргументируя свой выбор одним-единственным, но чрезвычайно важным преимуществом: здесь его газета была независимой [6. № 1].

Кроме упомянутого уже монархического движения младороссов, чьи идеи взялось выражать "Молодое слово", на болгарской почве возродились старые или же возникли новые течения русской мысли и общественно-политические движения. Питательную среду в Болгарии нашли появившиеся впервые в Праге (1921) "сменовеховские" идеи возвращения эмигрантской интеллигенции в Россию в качестве "троянского коня" в стане большевиков. Основным выразителем их болгарского варианта ("через познание новой России – к примирению с ней") стала газета "Новая Россия" (1922–1923) под редакцией А.М. Агеева, А.П. Булацела и С.Г. Фирина. Идеи славянофильства (на основе выработанной Славянским конгрессом в Софии в 1910 г. программы неославизма, предусматривавшей постепенное политическое сближение славянских государств главным образом через сотрудничество в области культуры), если судить по ряду публикаций в эмигрантской печати (см.: [7. № 1; 8. № 2; 9. № 8; 10. № 23]), также очень серьезно занимали определенные круги русской эмиграции в Болгарии, а иногда даже заражали своим духом и содержанием местную интеллигенцию. Литературно-публицистические статьи П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.С. Трубецкого и Г. Флоровского привнесли обновленное содержание в другую старую, близкую к славянофильству, идею – идею евразийства.

Таким образом, приоритет идеологии и политики в эмигрантской печати невольно становился угрозой и тормозом для самостоятельных литературных журналов и газет, так как литература оттеснялась на задний план. И тем не менее почти не было периодических общественно-политических эмигрантских изданий без разделов художественной литературы, критики, искусства и культуры. Иногда материалы для таких разделов откровенно использовались в политических целях, подбирались очень тщательно в зависимости от того, до какой степени они соответствовали поддерживаемой издателями данного журнала или газеты политической программе или общественной идее. Именно так обстояли дела в литературно-историческом и информационном журнале казаков-националистов "Вольный Дон" (1937–1938). Его издателем был председатель казачей националистической организации в Болгарии П.Н. Кудинов, а редакторами – И.Ф. Рассказов и П.Ф. Крюков. Претензии журнала – преодолеть антагонизм в раздробленной и дезорганизованной казачей общности – в максимальной степени предопределяли вид, жанр и характер его материалов: обширные исторические очерки, патетические стихотворения и эпические поэмы о Доне и о казачестве П.Н. Кудинова, П.Ф. Крюкова, И.Д. Кузнецова, И. Томаревского. То же самое наблюдалось и в литературно-политическом журнале монархически настроенной эмиграции "Верный путь" (1928–1929). Литературные материалы – очерки, рассказы на военные темы, драматический этюд Г. Немировича-Данченко "Сегодня в полночь" в третьем номере и другие – неизменно присутствовали на страницах четырех увидевших свет книжек и четко следовали политической линии издания.

Но самой характерной иллюстрацией этого типа журналов был занимающий крайне националистические позиции орган болгарского отделения Российской организации молодых петровцев "Потешный" (1937–1943) под редакцией Н. Полторацкого. Литературный раздел журнала был весьма многообразен: рассказы, стихотворения, юмор, литературные очерки и критика, силуэты русских и иностранных писателей, очерки по вопросам литературной техники, советы начинающим авторам. Его художественный облик определяли главным образом два автора – один, поэт А. Стоянов, публиковал здесь свои наиболее патриотические стихотворения, а другой, прозаик М. Горянский, писал для журнала краткие пропагандистские рассказы с военным сюжетом и крайне абсурдными, нелогичными развязками ("Синий принц", "Лишенец", "Летчик"). Среди критических материалов два заслуживают особого внимания: статья в аналитическом духе на тему интеллигенции и революции "Еще о Блоке" (1942. № 27/28), подписанная псевдонимом Современник, и обозрение искусства (театра, кино, живописи и литературы) советской эпохи, сделанное Н. Заливным и содержащее непривычно беспристрастные и объективные для эмигранта выводы (1943. № 34/35). Умеренный тон и стремление к аналитичности и объективности, однако, мало интересовали редакцию, что явствует из несправедливо резкого и эмоционального комментария к этому обозрению М. Горянского, выразившего, по-видимому, позицию руководства журнала.

Нередкостью были и такие периодические информационные и общественно-политические издания, где литературные рубрики не попали в прямую зависимость от идейно-политических взглядов издателей и редакторов. Это относилось, например, к ежедневной газете "Русь" (1933–1936), в которой неоднократно появлялось специальное литературное приложение "Листок студенческого академического кружка" с основным предназначением поощрять литературное творчество молодых эмигрантов. Это никак не исключало возможность попасть сюда зрелым работам, таким, как литературно-критические статьи и рецензии редактора приложения И.К. Кузнецова или В. Нечаева. Свои страницы предоставлял для литературного творчества студентов и информационный "Вестник галлиполийцев в Болгарии" (1927–1928). В приложении к нему, "Страница корпорации русских студентов при Софийском Державном университете" (1928. № 8/9), были опубликованы несколько стихотворений и два рассказа: В. Дружинина ("Далекое рождество") и Ф. Мельникова ("Старый возница"). Ежедневная газета "Голос" (1928–1933), а затем и ее преемник "Голос труда"

(1933–1938) также уделяли время от времени подобающее место для литературных портретов, литературной критики и рецензий таких авторов как П. Бицилли, Г.Ф. Волошин, А.З. Тышков, П. Нестеров, Н. Плавлинский, В. Маевский и др.

Типичной для этой группы периодических изданий была газета приверженцев конституционной монархии "Свободная речь" (1921–1922) под редакцией К.К. Парчевского и с участием К.Н. Соколова, В.В. Шульгина, Э.Д. Гримма, Е.Н. Чирикова. Особо следует отметить шестой номер газеты, где литературное обозрение заняло весьма внушительное место. На и без того ярком фоне особо выделялись две публикации. Первая, статья К. Зайцева "Достоевский и Пушкин", представляла собой остроумные рассуждения на тему "творец и эпоха", подсказанные сравнением художественных методов двух русских писателей. В лице обоих гениальных выразителей русской национальной мысли автор видел символы различных, даже полюсных, состояний общества и человеческого духа. Пушкин олицетворял русскую национальную стихию в состоянии покоя, т.е. прошлое и вероятное будущее России, так как весь он – гармония, соразмерность. Ту же самую стихию, но уже вышедшую из состояния равновесия, мятущуюся и бурную, выражал Достоевский. Его неуравновешенный внутренний мир с присущей ему фантастикой, нарочитостью и искусственностью, по мнению К. Зайцева, приблизительно соответствовал быту современной России, поэтому стал для русских в тот момент ближе, доступнее, роднее.

Вторая, не менее интересная публикация – "Новые стихи Ахматовой", небольшая рецензия К. Мочульского о поэтическом сборнике "Подорожник". Более известна другая его статья – в софийской "Русской мысли" (1921. № 3/4) – "Поэтическое творчество Анны Ахматовой", обобщавшая результаты его теоретических исканий в области "морфологического анализа" художественного произведения и практических наблюдений за поэтикой Ахматовой. Краткая рецензия К. Мочульского в "Свободной речи" дает представление о складывавшемся изящном стиле и исследовательской манере автора. В ней он показал синтетическую творческую эволюцию поэтессы от хрупких, интимных слов, признаний, шепота исповеди и мгновенных настроений, нанизанных на тонкую нить любовного напева в "Четках", через проявившееся позднее в "Белой стае" специфическое стремление к остановке мгновения и отыскиванию поэтической формы, в которой личное сливается с общим и импрессионистическое переходит в классическое, до вырастающих в символы родины любовных мотивов, тоски по ушедшему и какой-то потусторонней примиренности и молитвенной тишины, переливающихся из сердца на страждущую страну в "Подорожнике".

Жаль, что раздел с литературной тематикой в подобном масштабе больше не встречался на страницах "Свободной речи". Но и в следующих номерах сохранилась критико-библиографическая рубрика, и время от времени появлялись небезынтересные исследования и статьи: "О связях русского и болгарского искусства" А. Грабаря (№ 30), "Россия в болгарских народных песнях" В. Нечитайлова (№ 52) и т.д.

Юмор и сатира также присутствовали в эмигрантской периодике. В 1932 г. русские театралы К.Ф. Мельников-Мирошниченко, Ю.Г. Сидоров, В.Ф. Заприев-Ксенофонт, Н.В. Дервенец, В.В. Редриков и П.В. Лавров-Грушнев объединили вокруг кружка "Баян" как профессиональных драматических актеров, так и любителей. Кружок стал издавать юмористический листок «Газета кружка любителей сценического искусства "Баян"», который редактировал В.Ф. Заприев. В двух увидевших свет номерах газеты преобладали фельетоны и юмористические хроники театральной жизни русского эмигрантского общества, окрашенные свежими комическими интонациями и тонкой авторской самоиронией. А в городе Пернике в качестве приложения к местной еженедельной информационной газете "Кракра" появился юмористический злободневный лист русских эмигрантов "Пилуля" (1924). За несколько недель до его выхода в свет он уже передвигался из рук в руки русскими эмигрантами в форме маленькой рукописной газетки. Сатирические стихотворения, песни и рассказы в нем затрагивали преимущественно бытовые темы, воспроизводили характерную русскую бытовую атмосферу насмешливым и острым языком.

В различное время выходило еще несколько сатирических и юмористических газет русской эмиграции: "Вопль" (1929. Ред. А.В. Топалов, три номера), "Кнут" (1923. Ред. П. Вознесенский, четыре номера), "Шепот" (1929). Постоянные рубрики юмора и сатиры были и в ряде ежедневных изданий. Так, например, почти в каждом номере иллюстрированной газеты "Неделя" (1924), редактированной последовательно И.М. Каллиниковым, В.М. Каллиниковым и С.С. Чазовым, публиковались острые фельетоны А. Аверченко.

Обзор эмигрантской литературной печати в Болгарии дает представление о напряженной духовной и творческой жизни русских изгнанников, проистекающей главным образом из тревог за судьбу русской культуры, языка, литературы, обычаев. Но рассмотренные в статье явления далеко не исчерпывают всю картину литературной жизни эмиграции. Для этого понадобится обзор изданных в болгарских или в эмигрантских издательствах книг поэзии, беллетристики и литературной критики, а также публикаций в болгарской периодической печати, да и многообразных форм и направлений, в которых проявлялась литературная активность эмиграции: литературно-художественные кружки, так называемые славянские встречи, впечатляющие ежегодные Дни русской культуры и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мазуркевич Н.* Наш долг // Балканский журнал. 1921.
2. *Струве Гл.* Анна Ахматова. Подорожник // Русская мысль. 1921.
3. Русская жизнь. 1925.
4. Эос. 1924.
5. *Никольский Ю.* Последняя поэма А. Белого // Русская мысль. 1924.
6. *Солоневич И.* Почему в Софии // Голос России. 1936.
7. *Самборский М.* Славянство и Европа // Русь. 1922.
8. *Ю-сь М.* Из культурной жизни славянства // Русь. 1922.
9. *Цонев Б.* Общеславянский язык // Русь. 1922.
10. *Данилов Ф.* Славянские перспективы // Русь. 1934.



© 2001 г. И.Г. ВОРОБЬЕВА

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБНОВЛЕННОЙ МАТИЦЫ ХОРВАТСКОЙ

В современной Хорватии активно действуют различные общественные организации, деятельность которых нацелена на развитие национальной культуры.

Осенью 2000 г. Матица Хорватская в г. Сплите (Далмация) отметила десятую годовщину своего обновления. Ее история уходит в XIX в., когда в 1842 г. хорватские интеллектуалы организовали Иллирскую матицу, переименованную в Хорватскую в 1874 г. Наряду с Хорватской матицей в г. Задаре (восточное побережье Адриатики) в 1862 г. была основана Далматинская матица, которая соединилась с Хорватской в 1912 г. В то время Матица проявила себя как средоточие патриотических сил, национальный издательский центр, орган, стимулирующий художественный процесс и научные интересы в Хорватии, и как просветительская организация [1. С. 154–155].

На протяжении XX в. деятельность Хорватской матицы то приостанавливалась, то возобновлялась. В послевоенной Югославии власти относились к этой организации настороженно, считая ее, и не без основания, центром хорватского национализма. Достаточно сказать, что в 1971 г. в Метковице (Южная Хорватия) члены Матицы организовали заседания общества, посвященное 100-летию юбилею Степара Радича, лидера хорватской Крестьянской партии, и установили ему памятник, возложив у основания венки, повторяющий хорватский национальный герб на шахматном поле. В числе организаторов был будущий первый президент Ф. Туджман. Это заседание оказалось последним сбором Матицы Хорватской, деятельность которой возобновилась только в 1989 г.

С 1990 г. начался новый активный период в жизни этой общественной организации, создавшей свои отделения в административных центрах Хорватии. Сплитско-далматинская жупания, расположенная на Адриатическом побережье, зарегистрировала "Матицу Хорватскую Сплит" как одно из таких отделений. В уставе этой организации записано, что "целью и основным содержанием ее деятельности является развитие и забота о народной и культурной идентичности хорватского народа во всех областях науки, искусства и духовного созидания; организация литературных вечеров, представлений, трибун, круглых столов, празднеств, концертов, научных собраний и заседаний; сохранение культурного наследия; сотрудничество с организациями, которые его изучают, представляют и охраняют [2. С. 1].

Возобновленная Матица стремится сохранить традиции XIX в. по развитию национального самосознания хорватского этноса. Так, сплитская организация устроила несколько десятков научных заседаний, концертов, литературных вечеров, круглых столов, публичных выступлений и манифестаций, в центре которых были события

хорватской истории культуры. Ей удалось издать более 50 книг. Среди научных исторических изданий можно выделить публикации И. Мужичем "Хорватской хроники 547–1089", известной как "Летопись попа Дуклянина", монографий Б. Зелич-Бучан "Хорватское народное возрождение и дон Миховил Павлинович", Й. Йовича "Рождение Хорватии", Т. Ганза-Арас «Политика "нового курса" далматинских правшей».

Матица наладила выпуск двух журналов – "Hrvatska Obzorja" и "Testimonia Croatica". Редакция журнала "Testimonia Croatica", выходявшего в 1998 г., поставила задачу публикации воспоминаний, свидетельств очевидцев, документов по таким периодам хорватской истории, которые прежняя историография замалчивала. Как сказано в предисловии к первому номеру, "хорваты могут многое поведать друг другу, и мы не можем допустить того, чтобы другие рассказывали нам нашу же историю".

В первых номерах "Testimonia Croatica" появились материалы о деятелях хорватского профашистского государства, руководимого Анте Павеличем (1941–1944), – политиках, журналистах, священниках. Для того, чтобы современный читатель мог оценить трагичность ситуации в Хорватии в годы войны, журнал опубликовал документы и фотоматериалы о бомбардировке г. Сплита союзниками 9 июня 1944 г., в ходе которой погибли более 200 жителей. Журнал напечатал отрывки из дневников и воспоминаний участников войны между сербами и хорватами в начале 1990-х годов, призывая очевидцев событий к сотрудничеству в журнале. Однако слово предоставляется лишь хорватской стороне, а точка зрения сербов не учитывается. Трудно сказать, какое направление принял бы журнал в дальнейшем, но из-за финансовых проблем его издание с 2000 г. временно прекращено.

Другой журнал Матицы, "Hrvatska Obzorja", выходит с 1993 г. ежеквартально, за год публикуется около 1000 страниц текста. Издание имеет научно-популярный характер. В нем печатаются известные хорватские историки, литературоведы, лингвисты, писатели, деятели церкви, а также современная художественная литература: проза, поэзия, драматургия. Велик в журнале раздел критики, издатели стремятся откликнуться на любое новое издание по истории и культуре Хорватии, правда, рецензии на новые российские издания пока в нем отсутствуют.

Публикации по проблемам исторической науки в журнале многочисленны, они разнообразны и по тематике, и по хронологии. Напечатаны статьи по древней хорватской истории, о периоде правления Габсбургов, о развитии Хорватского независимого государства во времена Второй мировой войны, публикуются воспоминания участников недавней войны на Балканах, именуемой в Хорватии "Отечественной".

Наиболее интересной представляется дискуссия, обсуждающая на страницах журнала проблему этногенеза хорватского народа. Она, конечно, не нова, но в современной Хорватии, судя по публикациям, приобретает не только научное, но и общественное звучание (см.: [3]). За последние десять лет появилось несколько новых книг по этой проблеме. В 1989 г. в Загребе прошла международная конференция историков, лингвистов и археологов, ее важные материалы под названием "Этногенез хорватов" были опубликованы в 1995 г. Широкую известность получили книги И. Музича "Славяне, готы и хорваты на территории римской провинции Далмации" (Загреб, 1997) и "Хорваты и автохтонность" (Загреб, 1998), А. Глухака "Происхождение имени Хорват" (Загреб, 1990), а также книга Т. Хереса "Кто и откуда Хорваты. Ревизия этногенеза" (Загреб, 1994). Однако научной общественностью они были восприняты неоднозначно из-за спорной аргументации.

Исследователей привлекают вопросы места и времени формирования этноса, т.е. локализация прародины хорватов и этимология их этнонима. Все существующие версии этногенеза можно разделить на две группы: хорваты – новопоселенцы Балкан; они – автохтонное население. Сочинение византийского императора Константина Багрянородного "Об управлении империей" и средневековые хорватские хроники сообщали о приходе хорват либо из владений германского императора Оттона I – "за Багиварией", "у Франгии", "по ту сторону Турции", либо с территории Польши –

"из Полонии". Мнение об автохтонности хорват носит легендарный характер и зафиксировано в ряде средневековых письменных памятников. Так, средневековый хронист Фома Сплитский писал, что "народ, который теперь именуется хорватами, назывался куретами или корибантами" (см.: [4. С. 159–161]). В греческой мифологии куреты – демонические существа, составляющие вместе с корибантами окружение Великой матери богов Реи-Кибелы. У историков нет достоверных сведений о распространении идеи о некоей мифической Куретии как древней Хорватии, но некоторые современные хорватские исследователи активно доказывают тождество хорватов и куретов.

Среди лингвистов существует несколько версий этимологии этнонима "хорват": готская, тюркская (аварская), иранская и греческая. У российских лингвистов наиболее достоверной считается иранская версия, в соответствии с которой хорватский этноним мог означать "страж скота" или "союзник" (по М. Фасмеру), или "женский, тот, у кого есть жены" (по О.Н. Трубачеву). Хорватские же лингвисты в последние годы настойчиво критикуют такую трактовку этнонима.

Готская теория, которую ряд современных хорватских исследователей называет германской, исходит из того, что в средневековых текстах встречается отождествление хорватов с готами, которые действительно жили на территории Хорватии. Эту версию в журнале "Hrvatska Obzorja" в нескольких номерах активно обсуждали черногорский филолог В. Никчевич и хорватский историк С. Пантелич, живущий в Германии. С. Пантелич, автор книги "Прародина хорватов в Паннии и Далмации" убежден, что до переселения на Балканы хорваты проживали на землях Баварии, они были соседями готов и от них получили свое имя, этноним "хорваты" появляется в конце VI – начале VII в., во времена папы Григория Великого, когда хорваты из германских земель переселяются в Паннию и Далмацию. Он упорно не соглашается с версией переселения хорватов из белой Хорватии, которую историки помещают от Крконоша в Чехии до украинских Карпат [5. S. 963–973].

В. Никчевич с ним спорит, настаивая на том, что этноним "хорват" следует связывать с апеллятивом *хора* "земля". Он полагает, что немецкое *хреда* "земля" есть перевод с греческого и что хорваты – это те, "кто имеют много земли", т.е. жители Великой Хорватии [6. P. 869–884]. Никчевич доверяет словам Константина Багрянородного, которые в русском переводе звучат так: «Имя хорваты на славянском языке означает "обладатели большой страны"» [7. С. 135]. Традиционно считается, что эта этимология возникла не на славянской, а на греческой почве (от *χώρα* "область", "страна"). Основания для такой трактовки видят и в сведениях о разбросанности поселений разных частей этого этноса на большой территории.

Рассматривая различные мнения о происхождении этнонима "хорват", Никчевич одновременно касается вопроса о прародине этноса, локализуя ее от Балтийского до Черного морей. Его гипотеза построена на суждении о существовании в древности штокавской диалектной системы (диасистемы), которую он рассматривает как вариант единства четырех разных социолингвистических языков (черногорского, сербского, хорватского и боснийского). В. Никчевич считает, что существуют четыре самостоятельных языка, а не один сербохорватский, как принято в науке [8].

Основные положения своей теории Никчевич высказал в ряде книг, в том числе в монографии об истории черногорского языка [9]. Он убежден, что предки черногорцев, поселившиеся на побережье Адриатики в Дукле и говорившие на икавском говоре, пришли с территории Полабье-Поморье современной восточной Германии, где были в союзе с племенами велетов-лютичей и ободритов. Экавская часть штокавской диасистемы (прототип будущего сербского языка), по его мнению, существовала в северо-восточной Польше, Белоруссии и Литве. На северо-западе от нее находилась экавская кайковская часть хорватского языка, а еще западнее – экавская часть словенской кайкавской диалектной системы. На юго-западе, в той же Польше, он помещает носителей хорватского чакавского икавского говора. Юго-восточней чакавских хорват находились, по его мнению, икавские штокавские хорваты.

Версия Никчевича активно обсуждалась в нескольких номерах "Hrvatska Obzorja", и предложенная им локализация прародины черногорцев была воспринята положительно. Впрочем, его аргументацию о распространении икавицы в Полабье сочли недостаточной. Отметим, что сербские лингвисты, в частности Р. Мароевич, резко критиковали позицию Никчевича. До завершения полемики еще далеко, и в новых номерах, вероятно, появятся статьи с дополнительной аргументацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славянские матицы. XIX век. М., 1996. Ч. 1.
2. Hrvatska Obzorja. Split. 1999. № 1.
3. Хершак Э., Кумпец Й. Два типа этничности (хорватский и сербский примеры) // Этнографическое обозрение. 1993. № 4.
4. Акимова О.А. Комментарий // Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997.
5. Pantelić S. Zablude o dolasku Hrvata iz Bijeke Hrvatske // Hrvatska Obzorja. 2000. № 4. S. 963–973.
6. Nikčević V.P. Germanska teorija o podrijetku i značenju imena i etnonima Hrvat // Hrvatska Obzorja. 1999. № 4.
7. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989.
8. Гудков В.П. Славистика. Сербистика. М., 1999.
9. Nikčević V.P. Crnogorski jezik geneza, tipologija, razvoj, strukturne odlike, funkcije. Cetinje, 1993.



Л. МЮЛЛЕР. Понять Россию: историко-культурные исследования /
Сост. Л.И. Сазонова. Под общ. ред. А.Б. Григорьева и Л.И. Сазо-
новой. М., 2000. 431 С.

Издание исследований ведущего германского русиста Людольфа Мюллера, как верно отмечает в предисловии составитель книги Л.И. Сазонова, чрезвычайно актуально для отечественной науки и культуры в целом, ибо восприятие любой культуры "извне", взаимодействие с иными культурами, является необходимым залогом ее развития. В наибольшей мере это относится к русской и немецкой культурам (на что справедливо обращает внимание С.С. Аверинцев во вводной статье, посвященной Л. Мюллеру) – тысячелетие их взаимодействия во многом определяет и хронологический диапазон рецензируемой книги. Сам автор в статье "Как я стал славистом" вспоминает, какое впечатление на него еще в последние гимназические годы произвели рассуждения Шпенглера о России с приращением о том, что "христианству Достоевского принадлежит грядущее тысячелетие" (С. 16). Эти переживания были усугублены трагедией Второй мировой войны: не случайно он посвятил свою диссертацию проблеме конечных исторических судеб – эсхатологической концепции истории у Владимира Соловьева. После защиты диссертации Мюллер оказался ассистентом другого выдающегося слависта – Дмитрия Чижевского, и это во многом определило его интерес к древнерусской литературе (неслучайно речь памяти Чижевского завершает рецензируемый сборник). Книга включает статьи, посвященные по преимуществу этим двум "полюсам" русской культуры – начальному периоду русской литературы и ее классическому периоду во второй половине XIX – начале XX в.

Древнерусскую часть начинают статьи, посвященные рассказам "Повести временных лет" о крещении Ольги и Владимира (С. 43–70): споры о времени и месте этих событий не прекращаются в современной историографии. Л. Мюллер подходит к летописным текстам в первую очередь как филолог-текстолог: он видит в летописных текстах синтез разных преданий (в том числе Корсунской и Киевской легенд в повествовании о крещении Владимира), из которых трудно вычленить "исторические факты". Может быть, для понимания "двойственности" русских преданий о крещении первых правителей, указывавших разные места, где совершалось это таинство, существенно давнее предположение об "оглашении", которое принималось ими до чина полного крещения: не случайно в свите Ольги, прибывшей в Константинополь, уже присутствовал священник.

Не менее дискуссионной остается проблема времени канонизации Бориса и Глеба, которой посвящена специальная работа Л. Мюллера. Ранней канонизации этих русских князей при Ярославе и митрополите Иоанне I, как об этом свидетельствуют "Сказание" о Борисе и Глебе и "Чтение" Нестора, противоречит, на первый взгляд, отсутствие упоминания о Борисе и Глебе у современника этих событий Илариона, именослов князей, где имена святых появляются лишь в поколении "внуков" Ярослава, и т.п. Эти противоречия в источниках позволяют некоторым историкам усматривать вину самого Ярослава в расправе над братьями. Автор аргументированно подвергает сомне-

нию доводы А. Поппэ, настаивавшего на поздней канонизации Бориса и Глеба: предания о чудесах над могилами святых называют на общий для "Сказания" и "Чтения" и достаточно ранний источник. Отсутствие упоминаний о первых святых князьях у Илариона, очевидно, связаны с жанровой природой "Слова о Законе и Благодати": если "Слово" действительно было гомилитическим произведением, призванным раскрыть суть посланий апостола Павла о Законе, сменяемом Благодатью (ср. недавние работы С. Сендеровича [1. С. 43–57] и А.А. Алексеева [2. С. 289–291]), то в нем и не могло быть места для сюжета "вольной жертвы". Отметим, что антропонимическая княжеская традиция, тщательно разбираемая Л. Мюллером, не предполагала передачи имен "отцов" второму поколению: как правило, княжеское имя передавалось внуку – отсюда широкое распространение имен Бориса и Глеба (Романа и Давыда) в поколении "внуков" Ярослава.

Цикл статей посвящен фигуре, знаменательной для русской литературы и творчества самого Л. Мюллера – киевскому митрополиту Илариону. "Слово о Законе и Благодати" – первое произведение русской книжности, образец красноречия, ориентированный на высшие достижения византийской риторики – Мюллер предполагает даже, что Иларион получил образование в самом Константинополе (С. 94). Автор справедливо отвергает прямолинейные интерпретации "Слова" как антииудейского или даже антивизантийского "памфлета". Для Илариона Константинополь – "Новый Иерусалим": небесному Иерусалиму обновляется и просвещенная благодатью новая – Русская – земля, но ей грозит участь земного Иерусалима, если она уподобится этому земному царству "ветхого" закона (ср.: С. 104). Особого внимания заслуживает предположение автора о том, что в "Похвале" Владимиру у Илариона содержится западная литургическая формула – "Христос победи, Христос одоле, Христос вцарися, Христос прославися", – имеющая латинские соответствия (С. 134–140). Это явление – чрезвычайно редкое в древнерусской литературе, возможное лишь до схизмы 1054 г.: после разделения церквей обращение к "латынской" вере воспринималось как "двоеверие" (Феодосий Печерский).

К сложным текстологическим проблемам, трактуемым Л. Мюллером (С. 141–164) относится вопрос о влиянии произведений Илариона или даже его участия в начальном летописании. В собственно "историческом" смысле повествовательные мотивы "Повести временных лет" и "Слова" Илариона

различаются: летопись не наделяет Владимира (и Ярослава) хазарским титулом "каган", "мужеством и храбростью" мог прослыть во многих странах разве что Святослав, но никак не Игорь, да и конец и того, и другого, с позиций летописи, едва ли можно было признать славным. Впрочем, жанровая природа "Слова" и летописи были принципиально различными, и ждать здесь совпадения оценок было бы наивно (ср.: С. 160). Существеннее, с точки зрения Л. Мюллера (С. 158–160), идентичность цитат: так, исповедание веры в летописной статье 988 г. и составленное Иларионом восходят к "исповеданию веры" Михаила Синкелла; библейские цитаты у Илариона и в летописи также восходят к общему – переводному славянскому – источнику.

К достижениям в области "послешахматовской" летописной текстологии следует отнести, на взгляд рецензента, сокращение числа "редакций" "Повести временных лет": неоправданность выделения "третьей редакции" 1118 г. независимо друг от друга обосновали Л. Мюллер и О.В. Творогов (С. 8). Более того, если следовать предположению, высказанному рецензентом [3. С. 25–40], и усматривать в космографическом введении к "Повести" влияние книги "Иосиппон", то окажется, что фрагмент перевода той же книги, замененный в Лаврентьевском списке летописи припиской игумена Сильвестра (в статье под 1110 г.), относится к первоначальной редакции летописи (неслучайно для последнего издания "Повести" в "Библиотеке литературы Древней Руси" избран именно Ипатьевский список – без приписки Сильвестра).

Специально разбирается в книге один из самых ярких сюжетов "Повести временных лет" – описание пути "из варяг в греки" и путешествия по нему апостола Андрея. Л. Мюллер обращает особое внимание на новгородский эпизод с описанием "мучительного" мытья новгородцев в бане, по летописи, изумивший Андрея и породивший немало экзотических интерпретаций (вплоть до влияния флагелланта и т.п.). Автор предпочитает усматривать в нем реальный новгородский фрагмент легенды об Андрее, указывая, что именно для новгородцев, но не киевлян, естественным был кружной балтийский путь в Рим. Л. Мюллер безусловно прав, что легенда в целом – "продукт историографического мышления", ее цель – увязать Русскую землю с начальной апостольской проповедью. Вместе с тем "этнографический" новгородский мотив едва ли имеет значение, отличное от прочих "этиологических" мотивировок в летописи: так, пре-

бывание Ольги во Пскове аргументируется тем, что там сохраняются ее сани. Столь вещественных доказательств пребывания Андрея в Новгороде, естественно, не сохранилось, но этиологическая концовка рассказа – мытье в бане – очевидна и здесь.

Как и большинство специалистов по древнерусской литературе Л. Мюллер, не мог обойти вниманием один из центральных памятников этой литературы – "Слово о полку Игореве". Ему принадлежит и перевод "Слова" на немецкий язык – неслучайны поэтому многочисленные конъектуры, которые необходимы были переводчику и которые предлагаются в "заметках", написанных специально для рецензируемого сборника. Мюллер рассматривает "Слово" как актуальный отклик на события 1185 г. – оно должно было исполняться сразу после похода Игоря. Несмотря на наличие многочисленных языческих пережитков (в таком виде, на взгляд рецензента, совершенно не свойственных всей древнерусской литературе), автор настаивает на христианском характере "Слова".

Тематика следующей работы Л. Мюллера – "Значение Библии для христианства на Руси (от крещения до 1240 г.)" – казалось бы, относится к "общим местам" всякого исследования в области любой средневековой христианской культуры. Повсюду Библия была самой цитируемой книгой. На Руси, однако, и эта проблема значительно осложняется отсутствием (до 1499 г.) полного перевода Библии на славянский язык (С. 216; отсутствовало и само обозначение Библии как единого кодекса – речь могла идти о "священных писаниях" и т.п. – С. 228). Мюллер указывает, что многие книжные цитаты – в том числе из Псалтири – приводились по памяти или из служебных книг. Древнерусское христианство, по Л. Мюллеру, "имело ярко выраженные ветхозаветные черты" (С. 221), что относится и к начальной историографии: расселение славян, особенно славянских племен в будущей Русской земле в "Повести временных лет", явно соотносится с исходом богоизбранного народа в Землю обетованную. Можно спорить с авторской формулировкой, согласно которой "центральный опыт Нового Завета – опыт страданий невинного... в Древней Руси ясно не ощущался" (С. 223): борисо-глебский цикл ориентирован как раз на ценности Нового Завета. Но доминирующим в древнерусской литературе эпохи "исторического монументализма" (по терминологии Д.С. Лихачева) оставался Ветхий Завет – Священная история. Рецензент не может обойтись без одного замечания, касающегося древнего

русского благочестия: Л. Мюллер замечает (С. 230, прим. 26), что в Киеве домонгольской поры, кажется, еще не имели книг, которые могли "нанести вред душе". В действительности "ложная" апокрифическая литература, очевидно, распространялась наряду с каноническими произведениями: упоминаемый автором мотив падших ангелов во главе с Сотоном, включенный в летописную "Речь Философа", имеет явное апокрифическое происхождение и вызывает даже богомильские ассоциации [4. Р. 5].

В статье о догматическом содержании "Троицы" Андрея Рублева автор выступает, в первую очередь, как теолог. Споры о содержании знаменитой иконописной композиции (как и споры о содержании любого великого произведения мировой культуры) едва ли прекратятся: кажется, все согласны с тем, что композиция в целом связана с символикой литургии – стол с головой тельца воплощает алтарь; тогда "горнее место", занимаемое центральным ангелом, есть место архиерея, представляющего Спасителя. Однако в исторической ретроспективе горнее место очевидно связано со скалистым выступом – "камнем основания" Святой святых иерусалимского Храма, Престолом славы, что в большей мере соответствует соотношению среднего ангела с Богом-Отцом в интерпретации Л. Мюллера.

Вторая часть книги посвящена по преимуществу духовным исканиям русской литературы (и близкого ей светского богословия – прежде всего В.С. Соловьева) второй половины XIX – первой половины XX в. Для рецензента – историка Древней Руси – существенны те тенденции, которые связывают две эпохи русской культуры и остаются актуальными до сего дня: эти тенденции отчетливо просматриваются пытливым и понимающим взором немецкого слависта – Россия, как и Русь, постоянно оказывается перед проблемой "выбора веры". В этом отношении показательно и обнаруживаемое Л. Мюллером "влияние либерального протестантизма на русское светское богословие XIX в." (С. 259 и сл.): для Самарина, В. Соловьева и других восприимчивых протестантских либеральных идей знаменовало выбор "между папизмом и духовной свободой". Характерно при этом, что духовные поиски, даже у таких мыслителей, как В.С. Соловьев и Л.Н. Толстой, не посягали на "веру отцов" (см. С. 266–267) – почти как в "Повести временных лет", где Владимир отсылает посольство немцев-латинян со ссылкой на то, что "отцы наши сего не прияли суть". Вместе с тем эти поиски уже не могли изолировать русскую культуру от

интереса к иным конфессиям: в этом отношении показателен продемонстрированный Мюллером интерес того же Соловьева к католицизму и "каноническое" почитание им Рима как центра Вселенской церкви (наряду с интересом к каббале и протестантским мироощущением).

Можно сказать, опираясь на исследование Л. Мюллером "религии Достоевского", "веры Чехова", с его осознанием, что между верой и неверием есть "огромное поле", понимания Христа у М. Булгакова и Б. Пастернака, что русская литература удерживала русскую культуру между соблазнами "апокалиптизма" и "утопизма" (ср.: С. 332 и сл.), хотя утопии – не только социалистические, но и квазинаучные, вроде идеи Н. Федорова, интересовали не только Толстого, Достоевского и Соловьева (С. 336), но и В. Маяковского (не говоря уж о К. Циолковском, чье открытие "космической эры" расширило возможности "естественнонаучного" осуществления апокалипсиса).

Стремление "понять Россию" и "извне", и "изнутри" будет естественным и актуальным до тех пор, пока жива русская культура:

возможности этого понимания зависят от того, насколько деятельным будет диалог с этой культурой. Книга Людольфа Мюллера, безусловно, расширяет эти возможности.

© 2001 г. В.Я. Петрухин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сендерович С. Слово о законе и благодати как экзегетический текст. Иларион Киевский и Павлианская теология // Труды Отдела древнерусской литературы. М., 1999. Т. 51.
2. Алексеев А.А. О времени произнесения Слова о законе и благодати митрополита Илариона // Труды Отдела древнерусской литературы. М., 1999. Т. 51.
3. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.; Смоленск, 1995.
4. Franklin S. Some apocryphal sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic Papers. 1985. Vol. 15.

Славяноведение, № 4

А.В. ПОДОСИНОВ. Символы четырех евангелистов: Их происхождение и значение. М., 2000. 176 С.

Книгой А.В. Подосинова издательство "Языки русской культуры" открыло новую серию – SERIES MINOR. Как отмечается в редакционном предисловии, «у каждого ученого возникают интересные темы, разработка которых превышает рамки журнальных статей, но в то же время не требует объема "толстых" книг». Малая серия издательства "Языки русской литературы" как раз и должна способствовать публикации таких трудов, научная ценность которых ничуть не уступает фундаментальным исследованиям. Начало серии положено удачно – монография А.В. Подосинова посвящена одной из "вечных" тем – трактовке зооантропоморфных символов четырех евангелистов в мировой культуре: Матфей – ангел в человеческом облике, Марк – лев, Лука – бык (телец), Иоанн – орел. Эти четыре образа составляют одну из символических универсалий христианского мира.

Символика евангелистов появляется со II в. в христианском богословии и искусстве и закрепляется с IV в. Соединяя методы традиционного толкования библейских текстов с результатами современных этнологических и историко-антропологических исследований, А.В. Подосинов предпринимает попытку объяснить происхождение и значение "четырех животных", ставших основой сакральной символической композиции.

Учитывая широчайший объем заявленной темы и профилирующую проблематику журнала "Славяноведение", в рецензии основное внимание будет уделено материалам славянской книжной и устной традиций, привлекаемым автором для доказательства основных положений своей концепции.

Как отмечает исследователь, данная работа представляет собой развитие некоторых идей и сюжетов, в самом общем виде высказанных в книге "EX ORIENTE LUX!

Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии" (М., 1999). В своей новой работе А.В. Подосинов ставит целью провести исследование символики четырех евангелистов, опираясь на библейские тексты и их толкование в рамках последующей экзегетики (иудаистской или христианской), а также привлекая материальные свидетельства культур ближневосточно-средиземноморского ареала для прояснения архаических представлений, лежащих в основе развития зооморфных сакральных символов. Автор предлагает "рассматривать существа, ставшие символами евангелистов, как зооантропоморфные символы стран света, которые имеют глубокие корни в иудейской и – шире – в ближневосточной модели мира" (С. 13–14).

Часть I – "Зооантропоморфная символика стран света" – это панорамное исследование, включающее: анализ основных источников символики "четырёх животных" (Книга пророка Иезекииля, 1: 4–26; Откровение Иоанна Богослова, 4: 6–7); установление ближневосточных и египетских параллелей к представлениям, зафиксированным в библейских текстах; рассмотрение состава "четырёх животных" в архаических культурах Евразии; попытка атрибуции библейских "животных" странам света.

Последовательно рассматривая функции четырех херувимов, поддерживающих небесный свод (престол Господа), из видения пророка Иезекииля не только в рамках текстового пространства Ветхого Завета, но и на фоне последующей традиции (патристика, раввинистическая литература), автор находит убедительные подтверждения "географической" символики образов животных, в скрытой форме присутствующей в канонических библейских текстах, которые дают основания прочесть зоосимволику как символику стран света.

Интересные типологические параллели к символам, анализируемым А.В. Подосиновым, можно найти в книжной символике животных, представленной памятниками символично-толковательного направления – в первую очередь "Физиологом" и "Шестодневом". В этих сочинениях, опирающихся на традиции раннехристианской экзегетики (сочетающей элементы иудейской и христианской культурных традиций), сведения о природных объектах сопровождаются символическими толкованиями, раскрывающими через образы "ходештих и летештих" тварей догматические и нравственные понятия. Это проявление того же "онтологического" взгляда ("взгляда знающего") на природу животных, представленного в видении про-

рока Иезекииля, как пишет об этом А.В. Подосинов (С. 90). Не будучи строго соотношенными с символами сторон света или символами евангелистов, персонажи "Физиолога" в то же время демонстрируют свою органическую встроенность в систему пространственной и цветовой символики, охватывающей корпус экзегетических текстов. Так, ведущей пространственной осью оказывается, согласно рассказам "Физиолога", направление (противопоставление) восток–запад. С востоком связаны такие понятия, как "мужской", "святкой": с востока приходит "на среду земли" для встречи со своей "женой" самец-аспид; на восток, "близ породы", отправляются для продолжения рода слоны, которые в обычной жизни "не имеют смешению помышления"; на востоке находят всемогущий камень алмаз (символ Христа – «на востоке бо обретается: воистину бо, рече пророк: "Востокъ – имя ему"»; ср. Зах. 6: 10–12); к востоку обращает ослепшие глаза солнечная ящерица и прозревает (символическое обозначение человека, избавляющегося от грехов обращением к Христу). Соответственно, опасные и вредоносные женские существа оказываются связаны с западом: "в горах западных" живет Горгона – "видение ю смерть"; с запада приходит самка аспида, убивающая во время совокупления своего супруга (подробнее см.: [1]).

На фоне довольно сложного размещения зооморфных существ по сторонам света и их динамики (см. тщательно выверенные в соответствии с текстами схемы на С. 91, 95–97), ряд авторских положений, иллюстрирующих "географическую привязку" животных к странам света, нуждается в более четкой аргументации с текстологической точки зрения. Например, не очень ясно, почему различный смысл приписывается синтаксическим конструкциям древнееврейского и славянского текстов книги Бытия (3:24), которыми описывается местоположение херувимов – охранителей райского сада: "И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к древу жизни". На наш взгляд, "на востоке у сада Едемского" (А.В. Подосинов специально выделяет курсивом "на востоке") в славянском тексте, так же как и в древнееврейском, представляет собой единую конструкцию (ср. Быт. 2:8: "И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал"), относится только к местоположению рая и, таким образом, в смысловом отношении совершенно тождественно тексту первоисточника (книге Берешит).

Несомненный интерес представляет раздел монографии, в котором прослеживается генезис ветхозаветных представлений о херувимах (С. 31–60). Интерпретация функции многоликих богов как властителей над странами света в общем не вызывает возражений (автор приводит параллели из различных архаических культурных традиций Евразии; следует отметить тщательно подобранный иллюстративный ряд) – ближневосточные и египетские параллели вполне могли служить источниками библейских представлений (С. 43). Что касается привлечения материалов славянской традиции, то четырехглавый Свентовит балтийских славян (известен лишь по письменным неславянским источникам) и Збручский идол (декор которого содержит не характерные для древних славян мотивы) ничего существенного не добавляют к данному положению, являясь образцами культур, не связанных с "протобиблейской" традицией. Эти изображения могут рассматриваться лишь как типологические параллели тем памятникам, которые, как показывает исследование А.В. Подосинова, составляют довольно четкий круг культурных фактов, наделенных определенной архаической символикой.

Думается, что гораздо больше материала, созвучного авторской концепции толкования символики стран света (в связи с книжно-библейской традицией), могут дать не "материальные" славянские языческие древности, а славянские списки текстов, созданных в русле символично-толковательной традиции в позднеллинистическую и раннехристианскую эпохи и воспринятые древнерусской книжной традицией. Рассматриваемая автором символика относится (для славянских культур) исключительно к сфере книжности, и именно здесь следует искать примеры и типологические соответствия.

Памятником, отвечающим указанным выше условиям, является пространная редакция славянской версии книги Еноха (так называемый Енох 2), в которой упоминаются солнечные духи Феникс и Халкедрий, летящие впереди огненной колесницы, – они предстают в облике двух птиц, "образы их львов, ноги и опаш и глава коркодилу, видение их обгарено яко дуга облачна, великота их девят сот мер... крила их ангелска, и комуждо их по 12 криле" [2. С. 400]. Эти гибридные существа с львиными "лицами" и крокодиловыми хвостами движутся в соответствии с движением солнца – с востока на запад (через "южную сторону неба"). Возможно, эти образы также могут быть включены в общую схему "геогра-

фически ориентированных" зооморфных символов: лев в большинстве случаев связывается с востоком (ср. С. 103 и 143), а символика хтонического крокодила имеет вполне "западную" (т.е. противопоставленную "восточной", "сакральной") ориентацию – ср., например, символическое уподобление крокодила дьяволу в "Физиологе". Более подробный анализ и интерпретация этих символических животных книги Еноха могут стать дополнением к многоплановой реконструкции А.В. Подосинова, в которой славянский материал также мог бы занять заметное место. К сожалению, данные памятников славянской книжной традиции иногда представлены в исследовании поверхностно, что наносит ущерб аргументации предположений, высказываемых автором. При достаточно точной атрибуции фактов (в том числе письменных текстов) из других евразийских традиций, странно выглядят отсылки типа "в одной сербской рукописи XV в.", "рассказ из одной южнославянской рукописи" (С. 101), при том, что все эти тексты имеют конкретные названия ("Из скольких частей сотворил Бог Адама", "Беседа трех святителей") и опубликованы (в авторском тексте есть ссылки на издания).

Отметим логическую выстроенность главы «Состав "четырёх животных" на фоне архаических культур Евразии». На широком материале автор убедительно показывает, как и почему "четыре животных" из видения Иезекииля вписываются в символическую зооантропоморфную классификацию стран света древних культур Евразии». При этом рассматривается универсальная трехчленная космическая вертикаль (три зооморфных символа – птица, зверь и рыба, – соотносимых с тремя сферами мироздания) и ее горизонтальная проекция.

Например, в скандинавской традиции низ (преисподняя) отождествляется с севером, то же в прауральской (подземная страна – мир злых духов – находится на севере). Автор отмечает, что "в культурах, расположенных южнее, верх мог ассоциироваться с востоком, а низ – с западом" (С. 71); в эту же схему вписывается и славянская модель мира, в которой противопоставление *восток-запад* входит в ряд универсальных оппозиций типа *верх-низ, правый-левый, мужской-женский, хороший – плохой* (подробнее см.: [3. Т. 1. С. 445–447]). Так, согласно народным представлениям, на западе (реже – на юго-западе, иногда – под землей) находится *ирей* – мифическая страна, своеобразный "тот свет", куда удаляются на зиму птицы и гады. Заметим попутно, что

в иудейской традиции (мидраши) отчетливо отрицательно оказывается маркирован юг (как область смерти и место обитания демонов). Таким образом, система координат с продвижением на юг как бы поворачивается на 180° по часовой стрелке.

Сложность истолкования символики стран света усугубляется еще и тем, что сама по себе символика пространства обладает редкой динамичностью: даже в пределах одной традиции нет единства в трактовке одних и тех же символов, их вариативность может отражать самый широкий спектр значений, включая противоположные. Так, уже говорилось об отрицательных значениях, связываемых с югом в традиции мидрашей. В то же время в тексте книги Еноха (славянская версия, краткая редакция) "отрицательно" отмеченным (в контексте бинарных противопоставлений) оказывается север: "И взяли меня оттуда мужи, и вознесли меня на север неба, и показали мне там место страшное весьма: всякая мука и мучение на месте том, и тьма, и мгла, и нет там света, но огонь мрачный разгорается всегда на месте том (...) и лед холодный, и темницы, и ангелы лютые и неистовые, имеющие оружие и мучающие без милости" [4. С. 209].

Что касается зооморфных символов природных стихий, то не слишком удачным является включение в список народов, у которых бытовало представление о солнце как огненной птице, "древних славян" (С. 74). Это никак не аргументированное высказывание не находит подтверждения в фольклорно-мифологических представлениях славян (более удачным, на наш взгляд, было бы привлечение "книжных" образов мифических птиц Феникса и Халкедры из книги Еноха и "Прения Панагиота с Азимитом" для иллюстрации рецепции библейско-апокрифической "пространственной" символики славянской книжностью).

Итак, зооморфная символика вертикальных сфер, переходя в горизонтальный план, начинает ассоциироваться со странами света. Но в горизонтальной системе координат задействованы (в отличие от вертикальной) четыре составляющих (по числу стран света). Как убедительно показывает А.В. Подосинов, в большинстве символических классификаций, которые отождествляли страны света с образами животных, четвертое место (север) отводилось человеку (С. 73). Место человека в четырехчленной горизонтальной картине мира – это, с одной стороны, место наблюдателя; с другой стороны, человек выступает как хозяин трех природных стихий – ведь именно под его начало отдает

Господь сотворенные им три рода животных (Быт. 1: 28).

В разделе, посвященном видам тетраморфности символов стран света, рассматриваются синкретические образы из разных религий ближне- и передневозвосточного и средиземноморского ареалов, в которых четыре образа, связанные со странами света, воплощаются в одном существе (многоголик и многоголовые божества). Автор отмечает, что, помимо рассмотрения образов зооантропоморфных хранителей четырех стран света, "существует еще одна возможность показа четырехчленности мира – в диахронии, через последовательное *превращение человека в различных (...) животных*" (С. 86). Данное положение аргументируется фольклорными и мифологическими образами из различных культур (индийской, скандинавской, балтийской и др.). Не беремся судить о степени доказательности мотивов из цитируемых неславянских традиций. Остановимся на данных славянского фольклора, привлекаемых к фактологической базе исследования. Автор считает (опираясь, вероятно, исключительно на "реконструкцию" Н.Н. Велецкой), что "в югославском фольклоре эпический образ Змея – Огненного Вука, несомненно, содержит в себе ту же архаическую идею перевоплощения духа первопредка в различные существа, ряд которых выглядит следующим образом: змей – орел – волк – героическая личность" (С. 87–88). Отметим, во-первых, что в южнославянском эпосе данный ряд отнюдь не всегда предполагает наличие всех перечисленных элементов (как ипостасей одного и того же персонажа; так, Вук Огнезмей не перевоплощается в змея, это ипостась его родителя [сам мотив, видимо, имеет византийское происхождение]; "волчья" стадия развития этого героя предшествует "птичьей" и т.п.) [5. С. 142–144; 3. Т. 2. С. 330–332]. Во-вторых, единичный фольклорный образ отдельной (сербской) традиции не может рассматриваться как прямая и буквальная "иллюстрация" некой "архаической идеи" (даже если считать идею оборотничества одной из основополагающих в мифологических воззрениях славян).

Часть II "Цветовая символика стран света", посвящена рассмотрению хроматической символики, запечатленной в библейских текстах – Книге пророка Захарии (6: 1–6) и Откровении Иоанна Богослова (6: 1–8) – и тесно связанной с зооантропоморфной символикой. Следы использования цветовой символики стран света А.В. Подосинов видит в описании мастей лошадей, запряженных в колесницы "четырёх духов

небесных" (Зах. 6:6) или несущих четырех апокалиптических всадников (Откр. 6: 1–8). Локализовать все указанные цвета (красный, черный, белый, пестрый – "пегий") по странам света в видении пророка Захарии трудно: ясно лишь, что черный цвет ассоциируется с севером, а "пегий" с югом. Для более точной интерпретации "розы ветров", описанной у Захарии, А.В. Подосинов привлекает реконструируемый при помощи конъектур текст видения, а также сведения о культовых обходах храма Соломона в Иерусалиме и описания особенностей культовых построек Месопотамии, прослеживая, таким образом, вавилонские корни "географической символики" в книге пророка Захарии.

Более прозрачной, но от того не менее захватывающей, оказывается цветовая картина в Откровении Иоанна Богослова: белый цвет здесь означает восток, красный – юг, черный – запад, "бледный" – север. Поскольку появлению каждого всадника в Откровении предшествует возглас одного из животных (божественных хранителей стран света; Откр. 4: 6–8), как бы вводящих всадника в контекст повествования, то логичным будет предположить (и в этом случае представлено А.В. Подосиновым толкование не вызывает сомнений) строгое соответствие образов животных и разномастных лошадей определенным странам света. В таком случае востоку соответствует белый цвет и лев, югу – красный цвет и телец, северу – "бледный" цвет и человек, западу – черный цвет и орел (см. схему на С. 143). Автор отмечает, что в двух последних случаях возможна взаимная замена цветов (черный – север, "бледный" – запад, тем более что о "бледном всаднике" говорится, что "ад следовал за ним").

В качестве дополнения к выделенной триаде *белый – восток – лев* и трактовке белого всадника как самого Христа (С. 143) приведем пример цветовой символики в "Физиологе", которая также проявляется в связи с библейским контекстом – цитатами из Св. Писания. Наиболее наглядный цветовой символ в "Физиологе" – белый харадр, птица, способная забирать у человека болезнь и развеивать ее по воздуху. "Физиолог" подчеркивает в описании птицы единственную деталь – цвет ее перьев: "Есть птица нарицаемая харадръ {...} вся бела есть не имущи на себе пестроты". Харадр – символическое обозначение Христа, крестной смертью искупившего грехи "языческих народов": "Добро есть приложить и птицю ту на лице Спаса нашего. Весь бо есть белъ Господь нашъ, не имыи в себе никакая же

скверны" (см. подробнее [6. С. 44–45]). В данном контексте *белый* в значении "непорочный, безгрешный" усиливает значение символа "харадр – Христос" и является своеобразным "цветовым синонимом" понятию восток (ср. упоминавшееся сопоставление "восток – Христос" в связи с символикой алмаза). Что касается зооморфных символов, то наиболее наглядным уподоблением, созвучным построениям А.В. Подосинова, будет символическое уподобление льва Иисусу Христу (символика воплощения, воскресения, божественной ипостаси Христа и т.п. [1. С. 159–162]). Таким образом, в "Физиологе" (хотя и не столь явно) также находит отражение цветовая символика стран света.

Представляя свой опыт реконструкции символов четырех евангелистов, автор не отрицает предположительности некоторых идентификаций; "выводы относительно конкретной коннотации цвета и стран света в Ветхом и Новом Завете представляются весьма гипотетичными и едва ли сводимыми в стройную систему" (С. 146). Однако столь "безжалостное" авторское заявление не должно расцениваться как неудача предпринятого описания. Это скорее свидетельство неисчерпанности проблемы и ее перспективности для дальнейшего исследования. А.В. Подосинову удалось очертить систему архаических представлений, послуживших основой для формирования библейской символики "четыре животных", переосмысленных впоследствии как символы четырех евангелистов. Задача дальнейших изысканий, должна, вероятно заключаться в том, чтобы более четко развести имеющиеся данные по традициям (то, что зафиксировано в книжных текстах, не всегда эксплицируется в актуальных верованиях и устной традиции; факты изобразительной культуры не всегда могут служить прямыми иллюстрациями к письменным текстам, особенно памятникам символично-толковательного направления). Отметим, что в чем-то сходная ситуация имеет место при изучении символики животных в памятниках книжности: символы "работают" только в пределах определенного круга памятников; механические приложения символики животных из одного памятника к текстам других жанров (не связанных с герменевтической и экзегетической традициями, ориентированных на "естественно-научный" или чисто декоративный аспект) не приводит к конструктивным выводам и, более того, искажает картину символического видения мира.

Книга А.В. Подосинова завершается небольшим изящным очерком «Вместо заклю-

чения: "Синий буйвол, и белый орел, и фореель золотая..."». Здесь представлены примеры использования образов из видений пророка Иезекииля и Иоанна Богослова в современной поэзии – объектом внимания автора стала цветовая и "зооморфная" символика "Грузинской песни" Б. Окуджавы и песни "Город золотой", исполняемой Б. Гребенщиковым.

Автор волен отстаивать свою трактовку поэтических образов и возражать возможным оппонентам, которым в стихах Окуджавы видятся не "космические мотивы" Иезекииля и Иоанна Богослова, а образы с полотна Пиросмани. В то же время думается, что своеобразным (и тоже не бесспорным) дополнением к "географической" символике образов евангелистов, рассматриваемой А.В. Подосиновым, могло бы стать и стихотворение Н. Гумилева "Память" (1919), в котором "движение" символических образов животных вполне вписывается в одну из рассматриваемых автором книги ориентированных по странам света схем (см. С. 96–97):

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный
И прольется с неба страшный свет,
Это Млечный Путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет.

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.

© 2001 О.В. Белова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова О.В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000.
2. Соколов М. Феникс в апокрифах об Энохе и Варухе // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского. СПб., 1905.
3. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1995–1999. Т. 1–2.
4. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 3. XI–XII века.
5. Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970.
6. Белова О.В. Символика цвета в славянских книжных сказаниях о животных // Слово и культура. М., 1998. Т. 2.

Славяноведение, № 4

M. MOSER. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts. Frankfurt am Main etc., 1998. 398 S. (schriften über Sprachen und Texte. Bd. 3)

М. МОЗЕР. Польская, украинская и белорусская интерференция в русском синтаксисе XVII и XVIII веков

Конец минувшего тысячелетия ознаменовался для западноевропейской славистики, доселе уделявшей мало внимания историческому синтаксису русского языка, появлением сразу трех заметных работ, посвященных описанию языковых контактов на синтаксическом уровне в XVI–XVIII вв.: в 1996 г. Герта Хютль-Фольтер (1923–2000) издала монографию о ранних синтаксических заимствованиях из французского [1],

Ингрид Майер в 1997 г. – исследование о беспредложном глагольном управлении в памятнике "Вести-Куранты" (1600–1660) [2], Михаэль Мозер в 1998 г. – книгу об отражении польского, украинского и белорусского синтаксиса в переводной и оригинальной литературе XVI–XVII вв.

Работа молодого австрийского слависта, уже известного рядом серьезных публикаций в сфере исторического синтаксиса (назовем,

в частности, книгу о предикативном творительном [3]), представляет собой практически первую попытку систематического описания тех явлений в синтаксисе среднерусского периода, которые обуславливались не внутренним развитием автохтонных особенностей, а были привнесены извне, т.е. заимствованы из трех языков, именно в этот период служивших главными проводниками западного влияния на русский язык, — а именно польского и развивавшихся под его сильнейшим воздействием украинского и белорусского (в книге М. Мозера оба этих языка нередко объединяются общим обозначением "югозападнорусский"). Исследование опирается на обширный корпус источников, разделяемых автором на "интерференционные" (*interferentielle*) и "свободные от интерференции" (*interferenzfreie*). К интерференционным причисляются тексты, либо переведенные с одного из языков-"спонсоров" (например, "Назиратель"), либо написанные по-русски этническими украинцами и белорусами (например, Иваном Пересветовым или Феофаном Прокоповичем), либо созданные русскими, ориентировавшимися (как князь А. Курбский в пору эмиграции) на польские образцы. Для установления автохтонного либо заимствованного статуса анализируемых конструкций М. Мозер обращается также к письменности древнерусского и раннесреднерусского периодов.

В монографии рассматриваются следующие интерференционные явления: 1) предикативное употребление существительных в твор. падеже (*есть отцом*); 2) использование местоименных форм качественных прилагательных в предикативной функции (наш российский народ *грубый и неученый*); 3) предикативное использование страдательных причастий в членной форме (многие из них грамотъ не *ученые* и не *студерованые*); 4) творительный предикативный от имен прилагательных и причастий (сотворився *безумным*); 5) предикативное употребление при определяемых существительных в вин. падеже членных форм аккузатива, а также формы творительного падежа прилагательных и причастий (он... не *забвенную мя учинил*; никогда *его неверным* не *обрел*); 6) прилагательные с наречием *так* (Коли уж вы *такъ вѣрни*); 7) обороты *accusativus cum infinitivo* (*Мню вещь быти князюсявашему зѣло полезну* и от б(о)га *посланную*) и *poicipativus cum infinitivo* (Аз окаянная грешница... *мнехся* человеком *добра* и *благолобезна быти*); 8) родительный качества (И такого был *мужественного сердца*); 9) предикативный оборот *за* + вин. падеж

(Не почитаютъ насъ там... и *за пса смердящаго*); 10) оборот *что за* (*Что есть за причина твоей немощи?*); 11) конструкция *через* + вин. падеж в значении средства или причины (умыслил себѣ достать цѣрство *чрез убиение цѣрвача Дмитрия*); 12) *до* + род. падеж в местном значении вместо *в* + вин. или *к* + дат. (*до царя Василья* поидоша); 13) локально-дистрибутивная конструкция *по* + мест. падеж (вѣтры... вѣютъ *по замерзлыхъ водахъ*); 14) *над* + вин. падеж в сравнительном значении (во всемъ свѣтѣ нѣсть суровѣйшаго *над тя мучителя*); 15) *о* + вин. падеж в значении темы, причины и цели (просити *о помощи*; битися *о главу твою за правду свою*); 16) будущее время в форме *буду* + инфинитив (так теж и мы *будем их заховывати*); 17) выражение необходимости посредством оборота *имѣти* + инфинитив (*Что имамы сотворити?*); 18) безличные предложения со страдательными причастиями на *-но*, *-то* + аккузатив (*царицу тобою счаровано*); 19) союз *естьлиесли*; 20) союз *так что*.

Композиционно каждый из разделов, посвященных синтаксическим заимствованиям, строится по одной схеме. В "нулевой" части (нумерация типа 1.0, 2.0 и т.д.) характеризуется предшествующая научная традиция, а также разбираются мнимые ранние примеры употребления соответствующих конструкций и доказываемается, что практически во всех случаях речь идет о непонимании исследователями истинной сущности анализируемого оборота. Следует заметить, что провозглашенный автором принцип опоры на грамматику, свободную от инноваций (S. 71), оказывается методологически верным: большинство примеров, рассматривавшихся ранее как свидетельства раннего возникновения известных конструкций, после тщательной верификации, проведенной М. Мозером, полностью утрачивают доказательную силу.

В первой части каждого раздела (1.1, 2.1 и т.д.) описываются распространение исследуемой конструкции в польском языке, во второй части — украинские и белорусские примеры, в третьей — материал из великорусских источников, подтверждающий наличие определенного оборота только в интерференционных текстах. Особенностью "третьих" частей является исчерпывающая подача материала (естественно, весьма однообразного), причем автор, справедливо подозревая, что длинные списки примеров, в большинстве случаев присущих только интерференционным текстам, могут заин-

тересовать далеко не всех читателей, предлагает "просто пропускать" их (einfach überschlagen – S. 76).

Помимо чисто эмпирической пользы от квалифицированного разбора ошибочных примеров и пополнения корпуса инновационных форм, анализ конкретного материала, проведенный М. Мозером, в ряде случаев представляет теоретическую ценность. Это касается, в частности, выдвинутого и аргументированного автором положения, согласно которому исконно (древне)русское употребление твор. падежа в предикативной функции исчерпывалось контекстами со значением темпорально ограниченной предикации (S. 77). Весьма справедливо и своевременно также указание на нерелевантность для исторического синтаксиса и исторической лексикографии целого ряда текстов, нередко используемых в специальной литературе и в словарях в качестве источников сведений по истории русского языка, но в действительности отражающих по преимуществу украинские и белорусские языковые черты (S. 40); так, например, недифференцированное привлечение к русистическим исследованиям "Актов исторических" может создать преувеличенное представление о полонизации русского словарного состава, тогда как в этом издании помещены документы не только великорусского, но и украинского, и белорусского происхождения.

Отмечая актуальность избранной темы и в высшей степени положительно оценивая тщательность проведенного исследования и тонкость синтаксического анализа, рецензент, вместе с тем, вынужден признать, что работа австрийского ученого не свободна от недостатков. Первое существенное замечание относится к выбору источников. Хотя отбор интерференционных текстов произведен основательно и репрезентативно, нельзя не удивиться тому обстоятельству, что в число исследованных М. Мозером памятников не вошли пять томов "Вестей-Курантов", являющихся настоящим кладом ранних лексических заимствований и, очевидно, весьма интересных также с точки зрения заимствований на синтаксическом уровне. Приходится сожалеть о том, что многие тексты, включая сочинения протопопа Аввакума, цитируются по антологии "Памятники литературы Древней Руси" (ПЛДР), рассчитанной на широкого читателя и поэтому не всегда демонстрирующей лингвистически надежное воспроизведение источников. Что же касается текстов, свободных от интерференции, то автор довольствовался в основном просмотром собственно литературных произведений, по большей части опубликованных в

той же серии ПЛДР; драгоценный материал русских летописей XVI–XVII вв., с одной стороны, и многочисленных памятников народно-разговорного языка, изданных в 60–80-е годы прошлого века, – с другой, нашел в книге крайне скудное отражение; в результате заявления о наличии либо отсутствии той или иной конструкции в русском языке описываемого периода – возможно, совершенно справедливые – остаются все же недостаточно аргументированными. Разумеется, исследователь не мог до бесконечности расширять круг своих источников, однако обращение к Картотеке Словаря русского языка XI–XVII вв. (главным редактором которого, кстати, является не "Г.А. Богатов", как значится на с. 377, а Г.А. Богатова), содержащей огромный материал именно по языку позднесреднерусского периода, несомненно, предоставило бы существенно больше возможностей для статистической, хронологической и стилистической интерпретации инновационных явлений.

Свободно ориентируясь в языке и письменности позднего средневековья, автор, по видимому, располагает несколько более ограниченными сведениями в отношении древнерусского языка. Это обнаруживается уже при первом обращении к древнерусскому материалу (S. 81): перевод на немецкий язык хрестоматийного фрагмента из Смоленской грамоты 1229 г. (...мѣстиславъ дѣдвѣ сѣѣ. прислалъ въ ригу своѣго лоучшего попа. крѣмета. и съ нимъ оумна моужа пантеля. и – своего горда смольнеска. та два была послѣмъ оу ризѣ) содержит фантастические имена "Егемеј" и "Pantel" (вместо Eremej и Pantelej), а форма *послѣмъ* ошибочно (впрочем, традиционно) трактуется как не согласованный в числе творительный предикативный в значении "послами" (Gesandte, zu Gesandten); в действительности данная форма отражает употребление существительного *послѣ* в собирательном значении "посольство", а творительный выражает значение образа действия ("посольством", "в качестве посольства"), ср. другие примеры с собирательной семантикой: Нѣкто. магистрианъ. пущень бы(с) на *посоль* **Ѡ** княза. Пролог 1383 г., 54в; **Ѡ**лучи ма оѣ... на всакъ *посоль* и вѣсти носити. Паляя 1406 г., 113–114.

Небесспорны и некоторые другие синтаксические интерпретации, в частности, оценка древнерусских оборотов с имен. падежом существительного муж. или жен. рода и страдательным причастием в форме сред. рода как грецизмов (S. 336–337, ср.

[5. С. 370–371]), а формы *ярлыкъ* в конструкции *А тои ярлыкъ писано оу ордь* – как аккузатива (S. 339), ср. аналогичный пример с несомненным номинативом: *поручено же бы(с) емоу стража морьская*. Лаврентьевская летопись, 169 [5. С. 371]. Непонятно, зачем автор цитирует в качестве "синтаксически исключительно интересного" примера (S. 297) конструкцию *исповѣдание о оклеветающа(х) кр(с)тъянь. рекше о иконожегъчя(х)*, которая представляет интерес только с точки зрения отражения в ней категории одушевленности (*кр(с)тъянь*); замечание о возможности ошибочной интерпретации данной конструкции как оборота с предлогом *о* + вин. падеж (интерпретации совершенно невероятной ввиду явного локатива *о иконожегъчя(х)*) создает ложное впечатление, будто бы в работе, откуда этот пример заимствован, было предложено именно указанное неверное объяснение.

Подобные – впрочем, следует подчеркнуть, весьма немногочисленные – погрешности выглядят особенно огорчительно на фоне в основном вполне убедительных трактовок древнерусских конструкций. Однако, выходя за пределы синтаксических рассуждений, исследователь порой допускает и более досадные ошибки, например, когда образует инфинитив к причастию *въдуще* в виде *въстцѣвъдѣти* (S. 172; правильно – только *въдѣти*) или усматривает белорусизмы и украинизмы в тех случаях, где для этого нет достаточных оснований (ср. на с. 61: *горнихъ, дольныхъ*; на с. 67: *молвить*; на с. 162: форма *цветущаго* никоим образом не отражает смещения *ѣ* и *е*, поскольку в парадигме глагола *цвисти, цвѣтоу* исконно не было *ѣ*; примеры *въ скринахъ* и *сидоръ* передают правильное написание, а не смешение мягкого и твердого *р*; на с. 166: формы *осподарь* и *въ смоленску* не могут рассматриваться как неперемное следствие югозападнорусского влияния, так как хорошо известны и из древнерусских текстов северо-западного происхождения; на с. 315: формы *въсполѣвся, изсполѣвся* отражают не "ѣ на месте и", а исконный *ѣ*, ср. *полѣти*). При характеристике Смоленской грамоты (по списку А) автор придерживается устаревшего представления, будто бы она, "по всей вероятности, написана не русским" (S. 227, со ссылкой на литературу, приведенную в издании 1963 г.), однако сходство орфографической системы этого списка с орфографией берестяных грамот (см. работы А.А. Зализняка, а также новейшее

исследование Й. Схакена [4]) не оставляет сомнений в восточнославянском происхождении писца. Упоминая "украинского переписчика (около 1425 г.)" Ипатьевской летописи (S. 168), М. Мозер упускает из виду тот факт, что этот памятник (действительно, по-видимому, восходящий к галицко-волыньскому оригиналу) был переписан на русском северо-западе, скорее всего во Пскове.

Сведения о древнерусском языке автор черпает из немногочисленных специальных исследований и, главным образом, из словарей, которые, как хорошо известно, представляют крайне мало синтаксической информации. Так, конструкция из Русской Правды *ростажуться... о задницю* является, по мнению М. Мозера, синтаксическим нарах *legomenon* (S. 297), поскольку в словаре И.И. Срезневского нет других однозначно русских примеров на употребление предлога *о* с вин. падежом в значении темы, объекта действия. Между тем Картотека Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.), отражающая весь лексический материал десятков древнерусских памятников, демонстрирует целый ряд подобных контекстов, ср.: *пърься о бѣжикъ даникъ*. Троицкий сборник XII/XIII вв., 11 об.; *роспръвшеся... о товарь его*. Новгородская I летопись XIV в., 140; *тажють(с) ѡ задницю*. Устав князя Владимира по списку середины XIV в.; *сваримся ѡ монатию. ѡ ризу. ѡ куколь... и ѡ нѣжко ино*. Поучения Феодора Студита по списку XIV/XV вв., 105в–г и др. (цитируется по V тому Словаря, находящемуся в печати). Исследователь справедливо указывает, что на основе одного примера из Русской Правды едва ли можно говорить об употреблении конструкции *о* + вин. пад. на великорусской территории (S. 297–298); однако столь же опрометчиво, на наш взгляд, судить о наличии либо отсутствии того или иного явления в древнерусской письменности только на том основании, что соответствующие примеры не фигурируют среди трех-четырёх цитат в словарных статьях из "Материалов" Срезневского или "Словаря русского языка XI–XVII вв."

Несколько односторонни общие представления автора о языковой ситуации в Древней Руси, базирующиеся на теории диглоссии (S. 19–20), которая уже давно далеко не однозначно трактуется даже ее прежними приверженцами. Столь же односторонни и взгляды ученого на развитие русской культуры в XVII–XVIII вв., подкрепленные, в частности, запальчивым высказыванием Н.С. Трубецкого (в письме

Р.О. Якобсону) об "украинизации" *всей* (!) духовной культуры России на рубеже XVII и XVIII вв. (S. 29). Обращает на себя внимание принятое М. Мозером – в русле известной тенденции последнего времени – обозначение древнерусского языка как "древне-восточнославянского" (Altostslawisch), преследующее своей целью устранение из названия языка, являющегося общим предком всех трех восточнославянских языков, нежелательного слова "русский"; любопытно, однако, что автор считает возможным говорить об "украинских и белорусских (!) текстах древневосточнославянского периода" (S. 91). С другими примерами подобного оксюморонного и анахронического словоупотребления читатель неоднократно сталкивается, встречая в тексте названия древнерусских городов и имена русских писателей и церковных деятелей в написаниях, транслитерирующих современную белорусскую и украинскую графику, как-то: "Ivan Perasvetau" (Иван Пересветов), "Simjaon Polacki" (Симеон Полоцкий), "Feofan Prokorowuś" (Феофан Прокопович) и т.п. (определено дискриминируется только урожденный молдаванин Николай Спафарий, имя которого почему-то так и дается в русифицированном написании). Поскольку национальные корни для исследователя явно важнее, чем роль того или иного деятеля в создании *русской* литературы, следует, видимо, ожидать, что в новых публикациях М. Мозера появятся также *Mukola Hohol'* и *Fjodar Dastajeŭski*. Отказ автора от традиционных для немецкоязычной литературы написаний типа *Polozk* (см., например, классические работы Х. Станга) выглядит не вполне логично на фоне столь же традиционных чисто немецких названий восточнославянских городов, ср., например, замечательное сосуществование "Ostriher Bibel" (Острожской библии) с "Lemberger Druckereien" (львовскими типографиями – почему же не "L'viver"?) (S. 26).

В целом книга М. Мозера оставляет впечатление некоторой торопливости. Об этом свидетельствуют и ошибки в названиях источников (так, "Домострой по Коншинскому списку" назван в библиографии "Домостроем по коншинскому тексту", а на S. 337 список фигурирует как "Кошинский", "Повесть о царице и львице" – "Повестью о царе и львице", "Патриаршая или Никоновская летопись" – "Патриаршевской"; под "Chudovtriudion" на S. 85 следует понимать, очевидно, Хлудовскую триодь), и повторы

(ср. неоднократное изложение фактов биографии Курбского и Котошихина), и пропуск некоторых упоминаемых автором публикаций в списке литературы (имеются в виду работы: [6–8]), и, самое главное, отказ исследователя от ознакомления с рядом важных источников (изданий и картотек), которые могли бы подтвердить или опровергнуть отдельные его выводы. Вместе с тем рецензируемая монография – и благодаря сформулированным и примененным в ней важным методологическим установкам, и в силу актуальности разработанной проблематики, и вследствие скрупулезного, любовного отношения автора к собранному им уникальному материалу – несомненно, является важным вкладом в изучение русского исторического синтаксиса¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hüttl-Folter G.* Syntaktische Studien zur neuen russischen Literatursprache: Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen. Wien etc., 1996.
2. *Maier I.* Verbalrektion in den *Vesti-Kuranty* (1600–1660): Eine historischphilologische Untersuchung zur mittellrussischen Syntax. Uppsala, 1997.
3. *Moser M.* Der prädikative Instrumental: Aus der historischen Syntax des Nordostslawischen. Frankfurt am Main etc., 1994.
4. *Schaeken J.* L'orthographe de la charte de Smolensk de 1229, version A // *Slavica Occitania*. 2001. T. 12 (в печати).
5. *Крысько В.Б.* Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М., 1997.
6. *Лопушанская С.П.* Очерки по истории глагольного формообразования. Казань, 1967.
7. *Shevelov G.* Orzeczenia bezpodmiotowe odmiesłowowe na *-no, -to* w języku polskim przed rokiem 1459 // *Slavia Orientalis*. 1968. XVII.
8. *Крысько В.Б.* Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

© 2001 г. В.Б. Крысько

¹ Рецензия написана в период стажировки автора в Гёттингенском университете при поддержке фонда Александра фон Гумбольдта.

Новый выпуск журнала "Вестник РГНФ": "2000 лет христианской культуры"

Российский гуманитарный научный фонд в 2000 г. выпустил третий номер своего "Вестника", который существенно отличается от предыдущих. Впервые за все время выхода в свет этого специализированного журнала сделана попытка представить его не только официальным изданием Фонда, но самоценным научным сборником материалов. 2000-летие христианства было прекрасным поводом для того, чтобы на некоторое время отказаться от размещения материалов официального характера и служебной информации по грантам (которые, естественно, полезны и нужны).

Редколлегия журнала удалось при всем многообразии сюжетов, которые можно было отразить в данном тематическом номере, выбрать самые интересные и, возможно, самые значительные по сути поднимаемых проблем статьи. Сгруппированные по разделам, они дают интересную картину того влияния, которое христианство оказывало на различные стороны жизни и деятельности человека – развитие философской мысли, словесности, музыки, изобразительного искусства и архитектуры, причем не только в общеисторическом масштабе, но и применительно к конкретным периодам.

Именно статьи обобщающего характера стали основной находкой составителей номера. Открывает его интересная статья П.П. Гайдено "Христианство и наука: к истории понятия бесконечности". В ней автор не просто останавливается на понятии "бесконечность" как составляющей части христианского вероучения, но и на его генезисе. Категория бесконечности рассматривалась в античной философии. Но средневековое мышление – это нечто другое, ибо образ мыслей стал определяться христианством, которое внесло в это понятие существенные коррективы. И Бог, как пишет автор, рассматривается уже не как непрерывное (Аристотель), но как "бесконечное могущество".

В.Ф. Федоров, проректор Русского Христианского гуманитарного института по религиозным программам, в своей статье делает упор на ценность христианства как объединяющего начала для всех конфессий. Причем, считает автор, на основах нравственности и духовности, укорененных в национальной и европейской культурах, должно быть построено воспитание: "Ключевой

идеей в христианском понимании воспитания и образования служит идея Богочеловечества, без которой не существует христианства" (С. 14).

Наиболее удачным представляется раздел "Христианство в духовно-нравственных исканиях русского общества". В статье В.А. Воропаева, профессора кафедры истории русской литературы МГУ им. М.В. Ломоносова, давно и плодотворно изучающего творчество Н.В. Гоголя, писатель предстает не только и не столько автором знаменитых "Мертвых душ", но и христианином, познающим молитвенный опыт Церкви. Впрочем, как справедливо замечает ученый, Н.В. Гоголь делал выписки из Миней и богослужебных текстов не только для духовного самообразования, но и для писательских целей. Более того, два духовно-нравственных сочинения Гоголя – "Правило жития в мире" и "О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии" – «можно представить себе как подступ к "Выбранным местам из переписки с друзьями"». То есть, как считает исследователь, "от чисто художественных произведений, где литургическая, церковная тема была как бы в подтексте, он переходит к ней непосредственно..." (С. 124). Через призму христианских воззрений Н.В. Гоголя автору статьи удается опровергнуть бытующую среди многих исследователей версию о смерти писателя – он якобы уморил себя голодом во время Великого поста: "Правильно понимаемый и исполняемый пост никак не может послужить причиной смерти человека. А то, что Гоголь понимал пост в церковном духе, неопровержимо свидетельствуют его выписки из творений святых отцов" (С. 126).

Высокой оценки заслуживает также статья доктора филологических наук, профессора Б.Н. Тарасова «"Мыслящий тростник" (Влияние Паскаля на христианское мышление Тютчева)». Как считает Б.Н. Тарасов, и с этим мнением нельзя не согласиться, Ф.И. Тютчев принадлежит к писателям, которые оценивают злободневные проблемы «не с точки зрения абсолютизированных модных идей или "прогрессивных" изменений, а как очередную историческую модификацию неизменных корневых начал жизни, уходящих за пределы обозреваемого

мира» (С. 127). В статье рассматриваются не только понимание Тютчевым православия и католицизма в зрелые годы, но и генезис его взглядов, их трансформация. Автор полемизирует с теми исследователями, которые на роль "учителей" Тютчева выдвигали то Ж. де Местра (К. Пфеффель, И.С. Гагрин, Э. Форкад), то Шеллинга (П.С. Попов, Л.В. Пумпянский, К.В. Пигарев). По его мнению, фигура Паскаля, наряду с апостолом Павлом, "в качестве главнейшего и ответственнойшего авторитета появляется в узловом пункте развития мысли русского поэта". Именно Паскаль в гораздо большей мере, чем остальные, "может по праву претендовать на роль ведущего вдохновителя среди представителей западной культуры..." (С. 130).

То, что статья А.Ю. Полунова, историка, попала в филологическое окружение, может показаться случайным. Но, пожалуй, деятельность К.П. Победоносцева в качестве обер-прокурора Святейшего Синода можно рассматривать не только с точки зрения исторической данности, но и исканий всего русского общества. Поэтому и реформы, которые предпринял К.П. Победоносцев, анализируются именно с этой точки зрения.

По мнению исследователя, корнем зла Победоносцев полагал либеральное умнастроение, подразумевая под этим веру в неограниченные возможности человека, его добрую природу. Учение Церкви обер-прокурор считал противовесом вольнодумству и принял именно с этих позиций укреплять здание Церкви. Однако «парадный фасад "духовного ведомства" скрывал изнанку церковной жизни – неумолимое расхождение между обер-прокурором и клиром» (С. 147). Автору удалось, впрочем, не только показать роль Победоносцева в провале церковной политики на рубеже XIX и XX вв., но и затронуть еще одну важную проблему – роль архиереев в проведении, точнее – в провале реформ. Настаивавшие на строгих мерах по отношению к клиру, они стали заложниками своей же политики, когда речь зашла о попытке расширить собственные права. "Обер-прокурор не мог допустить независимости у церковных деятелей, даже своих союзников" (С. 148). В результате не имевший поддержки клира обер-прокурор постепенно порвал связи с наиболее яркими архиереями, в которых он рассчитывал найти опору своей политики. Административными мерами нельзя было пробудить активность духовенства и тем более понимание с его стороны. Так что, делает вывод А.Ю. Полунов, если вспомнить опыт предшественников Победоносцева, С.Д. Нечаева

и Н.А. Протасова, становилось очевидным, что "сближению светских опекунов Церкви с духовенством мешали не личные качества отдельных чиновников, а сам обер-прокурорский мундир. Отделение Церкви от государства, освобождение ее от казенной опеки стало к началу XX в. безусловной необходимостью" (С. 151).

Весьма интересны статьи доктора филологических наук В.А. Котельникова "Христианский текст русской литературы" и преподавателя Российского православного университета св. Иоанна Богослова А.А. Плетневой "Церковнославянский язык в XX веке". Однако более всего хочется остановиться на великолепной по форме и содержанию статье доктора искусствоведения Е.И. Кириченко "Ветхий и Новый Завет в типах христианского зодчества". Пожалуй, ей наиболее полно среди всех авторов номера удалось совместить научность подхода к теме с простотой, ясностью и доступностью изложения. Статья Е.И. Кириченко весьма полезна не только специалистам в области архитектуры, но и любому, кто хотя бы единожды обращался к теме церковного зодчества в России древней и современной. А то, что в статье речь идет не только о православном церковном строительстве, но и о традициях возведения католических соборов, сравниваются различные архитектурные формы, придает ей еще большую весомость.

Статьями обобщающего характера содержание данного номера "Вестника РГНФ" не исчерпывается. Среди материалов по более узким проблемам хочется отметить статьи Е.В. Ухановой ("Особенности богослужения Русской церкви IX–XIV вв."), И.Л. Бусевой-Давыдовой ("Народная икона: к определению предмета"), а также удачные рецензии на издания из серии "Русский путь", написанные игуменом Вениамином (Новиком) (на книгу: "Вехи". Pro et contra. Антология. Серия "Русский путь". СПб., 1998) и Е.К. Судаковой (на книгу: Архимандрит Феодор (А.М. Бухарев): pro et contra. Личность и творчество архимандрита Феодора (Бухарева) в оценке мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 1997).

Третий номер "Вестника РГНФ", по нашему мнению, состоялся и не просто как очередное "юбилейное" издание к круглой дате, а как научное событие, перешагнув довольно узкие рамки ученой корпорации. Надеемся, что в будущем у сотрудников и издателей журнала найдется повод, чтобы повторить столь удачный опыт.

I. SAVICKÝ. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914–1938. Praha, 1999. 271 S.

И. САВИЦКИЙ. Судьбоносные встречи. Чехи в России и русские в Чехии. 1914–1938

"Почему и как из коммерсантов, инженеров, преподавателей физкультуры и латинского языка на чужой земле всего за четыре года становятся генералами? Как это могло случиться, что пятьдесят тысяч чехов заняли пространство от Волги до самого Тихого океана, приняли существенное участие в образовании всероссийского антибольшевистского правительства и потом за несколько недель все это воинство стало беспомощным пленником магистрала? Почему Прага стала крупнейшим академическим центром миллионной антибольшевистской эмиграции, хотя там и не было более пятнадцати тысяч эмигрантов?". Такие вопросы поставил перед собой и попытался дать на них ответ Иван Петрович Савицкий, сын известного историка-евразийца, эмигранта П.Н. Савицкого, в аннотации к своей книге "Судьбоносные встречи" с подзаголовком "Чехи в России и русские в Чехии. 1914–1938". В известном смысле сын своеобразно продолжает работу над той же тематикой, что и его отец, правда, в ее конкретном пространственном и событийно-временном преломлении. Удалось ли И.П. Савицкому ответить на поставленные им вопросы? Скажем сразу – во многом удалось, в той мере, в какой вообще возможно объективное освещение исторических фактов. Оно всегда может быть большим и меньшим, важно только, чтобы в основе своей хотя бы не слишком удалялось от золотой середины.

До сих пор о чешских легионах и их пребывании в России существовало два параллельных ряда работ, в силу тенденциозности точек зрения по-разному освещающих одни и те же события. Автор новой книги стремится воссоздать картину участия чехов в

От редакции. В журнале (2000. № 4) уже была опубликована рецензия Е.П. Серапионовой на книгу И.П. Савицкого, где ее название было переведено на русский язык как "Роковая встреча". Мы считаем своим долгом поместить предлагаемую читателю рецензию как дань памяти видного ученого Льва Сергеевича Кишкина (см. о нем: Славяноведение. 2000. № 4).

русской общественной и политической жизни первых десятилетий XX в. в ее оптимальном приближении к реальным фактам, освободив от несвойственных ей признаков. Что же касается рассмотрения общественного бытия русских эмигрантов в Чехии, то этим до конца 1980-х – начала 1990-х годов, когда появилось довольно много модных и порой легковесных публикаций об эмигрантах, долго вообще не занимались, если не считать, конечно, самих эмигрантов. И.П. Савицкий, хотя по происхождению и связан с ними, однако пишет о жизни беженцев все-таки как историк, отдаленный от 1920–1930-х годов временной дистанцией. В то же время его живая связь с эмигрантской средой безусловно помогла ему в работе, к которой он уже в силу своей биографии оказался более подготовлен, чем другие. Как думается, эта связь только способствовала достоверности описания событий, живому раскрытию их как бы изнутри. Многих из "русских пражан", о которых говорится в книге, автор в юности знал лично как их младший современник.

Книга интересна и содержательна, заслуживает подробного разбора. Однако мы здесь ограничимся кратким откликом на нее, главная цель которого – привлечь к этому изданию внимание, сказать не столько о том, что в ней говорится, сколько о чем и отчасти как. В основу структуры книги положены известные сходства-параллели, пусть и не полные, исторического положения чехов в России (до начала 1920-х годов) и русских в Чехии (после массовой эмиграции), отмечаемые автором на протяжении всей книги. Она состоит из двух частей – "Чехи в России" и "Русские в Чехии". Обе они расчленены на большие и малые разделы.

Первая часть предвзвонена вводными словами автора, предупреждающего читателя о том, что его книга не традиционная монография с обстоятельным историографическим обзором использованных источников. «То, что я предлагаю читателю, это, как мне кажется, небанальный взгляд на действи-

тельно бывшее, более или менее известное, однако иначе раскрытое. Моей целью было показать, как представление об "известных" вещах часто бывает ошибочным», — пишет И.П. Савицкий. И далее: «Я хотел на конкретном материале показать, как "добро" и "зло", а также воля и неизбежность, намерение и результат удивительно сплетаются между собою и творят "реальность"» (S. 8). Как видим, дефиниции, которыми оперирует автор, не традиционны для историков. Уже это делает книгу необычной, но не только это. Она не лишена элементов историко-философского и, если так можно сказать, социально-психологического, а отчасти и литературно-публицистического подхода к освещению общественных событий. Неординарны и некоторые методические посылки автора. Он полагает, например, что нельзя полноценно рассматривать пребывание чешских легионеров в России без их связей с постоянно жившими в России чехами, а тех — в отрыве от заключительных десятилетий чешского национального движения в XIX в., от присущего чехам русофильства.

Первая часть книги начинается с размышления об эмиграции как таковой, об иммигрантах и эмигрантах, иными словами — о тех, кто по тем или иным причинам уезжает из страны, где родился, навсегда или же только выезжает на какое-то время на заработки, а нередко и поневоле (религиозные или политические беженцы). В России к началу XX в. были как те, так и другие. К иммигрантам относились 28 тыс. чехов, поселившихся на Волыни, а также значительное, не сочтенное в свое время число чехов, живших в разных городах России, принявших православие и русское подданство, которых были сотни и, может быть, тысячи. Другую часть чешских иммигрантов составляли представители австро-венгерских и чешских фирм, находившиеся на службе у русских предпринимателей: управляющие, инженеры, коммиссионеры, а также немалое число музыкантов, учителей латыни и физкультуры. С начала Первой мировой войны находившиеся в России чехи, имея в виду, как сказано в книге, "высшие цели", в массе своей перешли на эмигрантские позиции.

Далее в книге следует обзор деятельности чешской эмиграции в начале войны (образование Совета чехов в России, его обращения с петицией к царю и распри между чехами). В военные годы число находившихся в России чехов пополнилось тысячами военнопленных. Позже они составили те самые легионы, которые явились одним из главных аргументов Т. Масарика в его усилиях создать самостоятельное государство

чехов и словаков. Наряду с историей легионов, где делались головокружительные карьеры, основной темой первой части книги как раз и является подробное рассмотрение политической и дипломатической деятельности Масарика, взаимоотношения Чехословацкого национального совета во Франции с его филиалом в России. Не будем останавливаться на том сложном политическом лабиринте, по которому Масарик продвигался к своей цели. Коротко рассказать об этом довольно трудно. Заметим только, что в ряде случаев И.П. Савицкий критичен по отношению к Масарику. Приведем только два примера. Масарик отрицал какое-либо значение царской России для образования Чехословакии и в то же время признавал заслуги в этом большевиков. "Задумаемся, — сказано в книге, — над вопросом, почему отрицал. Самое простое и в какой-то мере справедливое объяснение — от того, что не любил царскую Россию и в силу этого был к ней несправедлив. Это простое объяснение хотя и верно, но далеко не полно. Большевик он любил не больше и, может быть, даже совсем никак, нежели царское правительство, однако, несмотря на это, признавал за ними заслуги в чешских делах. Он был политик и знал, что с правдой и любовью в политике далеко не уйдешь" (S. 40). И еще один красноречивый отрывок из книги И.П. Савицкого: «Масарик всегда провозглашал "реализм", и реализм его приводил к тому, что он не полагался на волю народа, на решения избирателей. Значительная часть реальной политики Масарика проходила за кулисами, в частности в переговорах вне парламента. В этом отношении Масарик был очень близок большевикам. Как и они, он был убежден, что народ надо сначала воспитать, прежде чем дать ему власть. Отличия были "лишь" в средствах и целях» (S. 149–150).

Особый интерес для отечественных читателей представляет вторая часть книги, полностью посвященная жизни в Чехословакии русских изгнанников. В ней освещены многие малоизвестные ее страницы. К ним относится, например, описание судьбы русских военнопленных, оказавшихся в Чехословакии к моменту выхода чехов и словаков из состава Австро-Венгрии (октябрь 1918 г.), которых, по разным данным, было от 8 до 15 тыс. Оказывается, из них готовились части для защиты молодой Чехословакии в ее столкновениях с Венгрией. Были попытки рекрутирования военнопленных в белые армии.

К малоразработанным аспектам истории русской эмиграции в Праге во многом

относилась внутриэмигрантская политическая борьба, в том числе полемика стоявшей на колчаковско-деникинских позициях русско-чешской газеты "Славянская заря" Евгения Ефимовского, социал-демократической газеты "Огни" Георгия Алексинского, эсеровских газет "Революционная Россия" и "Воля России". Ей уделено в книге немало места, как и соревнованию отдельных групп эмигрантов за расположение к себе чехословацких властей, за получение наибольших выгод от так называемой русской акции. Преуспели в этом эсеры и сблизившиеся с ними кадеты, они более других импонировали Масарику. Политические симпатии первого президента Чехословакии не совпадали со взглядами главы первого правительства страны К. Крамаржа. Ему было более близко правое крыло эмигрантов, которых в ЧСР в силу определенной фильтрационной политики МИД во главе с Э. Бенешем (предпочтение оказывалось студентам, ученым, писателям и земледельцам, чаще тяготевшим к левому крылу эмиграции) было меньше.

Особое место уделено судьбе оказавшихся в Чехословакии донских, кубанских и терских казаков, о которых до сих мало что было известно. Правительство ЧСР само пригласило казаков на поселение в 1921 г. Насчитывалось их около 8 тыс. человек. Предполагалось, что они будут земледельцами, наемными сельскохозяйственными рабочими. И тут власти встретились с немалыми трудностями. Бывшим вольными хозяевами казакам, землепользователи которых являлось экстенсивным, оказалось весьма затруднительно работать поденщиками на интенсивно используемых малых участках земли. В этой связи автор обращается к весьма существенной проблеме этнической и психологической бытовой совместимости. С этой целью в книге, имея в виду чешского читателя, он делает экскурс в историю русского казачества, правда, в основном запорожского, донского и кубанского. Говоря о последнем, возникшем будто бы в результате переселения запорожцев на Кубань в наказание за пугачевский бунт, автор не совсем точен. Прямого подобного переселения не было. Запорожская Сечь действительно перестала существовать в год казни Пугачева (1775), однако непосредственной связи указа Екатерины II с этим событием, видимо, все же не было. Ведь и главные виновники восстания, яицкие казаки, не исчезли после того, а только были переименованы в "уральских". Не было, насколько известно, каких-либо репрессалий по отношению к донским казакам. Но это

частность, деталь. Само же типологическое сопоставление И.П. Савицким казаков с чешскими крестьянами весьма поучительно.

"Русским Оксфордом" названа Прага в одной из глав книги. Для этого есть веские основания. Прага и на самом деле была не сопоставима с другими городами, где жили эмигранты, будучи крупным образовательным и научным центром. По мысли автора, это произошло в результате осуществления масариковской политики привлечения в Чехословакию "передовых русских". Мы бы все-таки добавили к этому и исторические обстоятельства: концентрация в Стамбуле и перемещение потом в ЧСР большого числа русской интеллигенции, студентов и гимназистов, появление в Праге высланных из Советской России крупных ученых; наличие в МИД Чехословакии целого ряда "русских чехов", в частности не один год практиковавшего в Киеве врача Вацлава Гирсы, вдовавшего русскими делами в министерстве и, наконец, традиционное чешское русофильство. Не будь всего этого, не было бы и "русской акции", хотя, разумеется, именно она привлекала в Прагу образованных и стремящихся к образованию русских.

Предтечей всей академической деятельности русских в Праге (как научной, так и образовательной) явились два съезда – русских академических организаций за границей и русского эмигрантского студенчества (Прага, 1921). Оба они были поддержаны правительством ЧСР, и оба провозглашали аполитичность как условие научно-образовательной и студенческой жизни эмигрантов в будущем.

Во второй части книги получила детальное освещение история возникновения и деятельность всех русских высших учебных заведений в Праге и происходившая вокруг них борьба между земгоровской, состоявшей в основном из эсеров, администрацией и профессурой, по большей части близкой кадетам. Из числа последней в книге ярко обрисованы фигуры председателя Союза русских академических организаций за границей А.С. Ломшакова, очень много сделавшего для устройства жизни русских студентов в изгнании, организатора русского Юридического факультета в Праге П.И. Новгородцева, многолетнего ректора Русского народного университета в Праге М.М. Новикова и др. Нашла свое отражение в книге и характеристика плодов научной деятельности русской профессуры, но, к сожалению, в меньшей степени, нежели ее же общественно-организаторская и педагогическая работа. Однако вряд ли в этом можно

упрекать автора, поскольку объем проделанной им работы и без того необычайно велик. И все же информации о научных трудах эмигрантов и их культурных свершениях в книге не хватает. Имена таких значимых и деятельных из них как, например, профессора Е.Ф. Шмурло, И.И. Лапшин или писатель Вас. Ив. Немирович-Данченко почему-то в ней даже не упомянуты.

Вторую часть книги завершает глава "Как умирает эмиграция". В ней говорится, что к концу 1920-х годов активная деятельность русской эмиграции стала заметно снижаться. В первые годы в эмиграции в ЧСР по разным данным было 30–35 тыс. эмигрантов из России, предположительно среди них относительно молодые мужчины составляли более 50%, женщины – лишь 20% (из них четыре пятых были замужем). Считается, что из 15 тыс. русских, живших в Праге, к 1930 г. осталось 7 тыс. человек (многих из старшего поколения не стало, а получившая образование молодежь и отчасти люди среднего возраста разъехались в поисках работы в другие страны). Оставшиеся в ЧСР русские мужчины по большей части женились на чешках и словачках и стали иммигрантами, а меньшая их часть так и осталась в одиночестве, окончательно обрета свойства эмигрантов. О последних в книге сказано, что они до конца сберегли память о родине и сохраняли между собой связи. Как правило, это были бедные, неустроенные люди. Оставшаяся на позиции эмигрантов часть русских беженцев на рубеже 1920–1930-х годов, когда "русская акция" себя уже почти исчерпала, стала более свободно выражать свои политические склонности. Ранее они этого делать не могли. Примечательно авторское замечание по этому поводу: «Сегодня, после обретения несравненно большего горького опыта, мы порой забываем, что тогдашняя демократия была довольно "строгой" и защищалась от "нежелательных" или небезопасных направлений сильнее, нежели это обычно имеет место в Европейском союзе» (S. 291). Проследившая эволюцию русской эмиграции в ЧСР, И.П. Савицкий касается и пути развития евразийского движения, одним из активных участников которого был его отец, вспоминает о его тайной поездке в СССР на якобы легальный "съезд" евразийцев России (1926). На последних страницах книги говорится о той дифференциации среди эмигрантов, которая происходила в канун и в годы Второй мировой войны. Однако конечной датой истории русской эмиграции в ЧСР автор считает 1939 г.

Все упомянутое нами – лишь малая доля того, о чем идет речь в книге И.П. Савицкого. Надо еще раз сказать, что она отличается от традиционных исторических работ. Выше мы лишь бегло отметили это, теперь коснемся ее особенностей подробнее.

Освещение судьбы русских эмигрантов в ЧСР последовательно проводится на широком фоне мировых событий. Автор постоянно прибегает к параллелям не только из области чешско-русских отношений (чехи в России – русские в Чехии), но и часто обращается к примерам и сравнениям из всеобщей истории, в частности истории миграции и эмиграции людей в разные эпохи и в разных странах. При этом он не раз использует приемы жанра эссе, свободно перемещаясь во времени и пространстве, не всегда в своих аналитических раздумьях заботясь о последовательности и систематичности изложения. Нередко текст нарушается историко-философскими, художественно-литературными, а порой и лирическими авторскими отступлениями.

Еще одна особенность книги – полное отсутствие научного аппарата, о чем нельзя не пожалеть. Имеющаяся в конце книги короткая справка "Об источниках и литературе", в которой названы имена лишь некоторых авторов, не восполняет пробел. "Эта книга, – пишет И.П. Савицкий, – скорее всего не дает ни одного не опубликованного факта" (S. 7). Думается, что это всего лишь выражение авторской скромности. Кто теперь знает, что было опубликовано в какой-то небольшой газете 1920-х годов или запечатлено в каком-то документе?! И.П. Савицкий проделал большую работу, нашел и собрал распыленные факты воедино. Это, конечно, благо. Однако многие "ключи" от "местонахождения" ценной информации оказались вне книги. И это досадно.

К несомненным достоинствам книги надо отнести стремление и умение автора говорить о прошлом живо, интересно, что удается не всем и не всегда. Так, например, характеризуя начальный период пребывания русских эмигрантов в Праге, он сообщает, какое большое значение для их общения имели тогда встречи в пражских кафе и ресторанах – "Беранек", "У воеводы", "У принца". Идя навстречу эмигрантам, некоторые рестораторы начинали готовить русские блюда, русские газеты пестрели объявлениями: "Чай, свежие калачи, пончики и пирожки и все по умеренной цене на Владиславской, 6"; "Русское кафе и столовая, с русской кухней. Есениова, 1". Встречаясь в этих кафе и столовых, изгнанники как бы находили "кусочек родины". Без этих

пражских кафе и рестораников нельзя себе представить их жизнь. Подобные штрихи порой говорят об истории больше, чем пространные социологические построения. Иной пример. С героями поэмы Некрасова "Русские женщины", с женами декабристов, последовавшими за мужьями в Сибирь, сравниваются в книге женщины эмигрантки, которые "проявили исключительное мужество, жертвенность, невероятную силу противостоять судьбе, быть опорой своим родителям, мужьям, детям" (S. 184). И прав автор, указав на то, что роль женщин в истории эмиграций незаслуженно до сих пор остается обойденной исследователями.

В своих раздумьях об эмигрантах и об отношении к ним стран их проживания автор сопоставляет положение французских гугенотов, бежавших в XVII в. в Берлин, и русских, нашедших приют в Праге, и отмечает существенную разницу между ними, и не только потому, что одни беженцы – религиозные, а другие – политические. Главное различие он видит в том, что Берлин приветствовал эмигрантов в интересах собственного развития, а Прага это делала "в интересах России, потому что тогда в сильной демократической России Чехословакия была жизненно заинтересована" (S. 181).

Еще одна особенность книги – это теплое живое отношение автора к тем эмигрантам, которых он лично знал. Вот как он пишет о бывшей начальнице одной из лучших киевских женских гимназий Аделаиде Владимировне Жекулиной (1861–1950), выдающемся организаторе школьного дела в эмиграции: «В 1921 г. мы встречали ее в Царьграде как руководителя школьного дела Союза городов. В этом качестве она выполнила огромную работу: организовала ясли, детсады, школы и гимназию... Навысшим успехом ее все же был перевод гимназии из Царьграда в Чехословакию и размещение ее в Моравской Тршебове. Быстро и здесь она стала патронессой русских детей "бабушкой Жекулиной". Деятельной она оставалась до смерти. Уже будучи 84 лет, она взялась учить меня английскому. Ее единственный

грех, о котором знаю, состоит в том, что она принципиально не пользовалась розгой, потому что была слишком добра. Поэтому я так никогда порядочно и не научился английскому».

С такой же теплотой говорится и о бывшем профессоре Петербургского Политехнического института, выдающемся инженере-изобретателе Алексее Степановиче Ломшакове (1870–?), с которым его семья жила в одном профессорском доме. И.П. Савицкий вспоминает сильную и стройную даже в старости фигуру этого человека, его красивую и благородную внешность, готовность всегда помочь другим людям, снисходительность к слабостям других и строгую требовательность к себе. До конца дней своих оказавшийся на чужбине одаренный ученый и изобретатель сохранил интерес к происходящим политическим событиям и техническому прогрессу. Благодаря своему высокому научному и нравственному авторитету, широким связям А.С. Ломшаков сыграл исключительную роль в обустройстве эмигрантской жизни в Праге, особенно много сделал он для студенческой молодежи, обеспечения ей в изгнании продолжение образования.

Подобные приведенным бытовые подробности, литературные сопоставления, исторические параллели и мемуарные включения, равно как и личные авторские отступления, а их немало, в своей совокупности украшают книгу, делают ее чтение увлекательным. В целом книга И.П. Савицкого "Судьбоносные встречи" представляется весьма существенным вкладом в разработку избранной им темы, пусть сам автор и называет ее "индивидуальным взглядом на проблематику" (S. 7). Но это свежий, неординарный взгляд. Книга несомненно займет достойное место в литературе об эмиграции. Остается только порекомендовать ее всем, кого интересуют судьбы чехов в России и оказавшихся в Чехословакии после Гражданской войны русских.

© 2001 г. Л.С. Кишкин

А. АРСЕНЬЕВ. У излуцины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. 256 С.

Есть русская пословица: "Обещанного три года ждут". Эта судьба и постигла книгу А. Арсеньева, если иметь в виду появление печатных откликов на нее. По правде говоря, я не собирался братья за перо, будучи осведомленным о широких научных связях автора. И тем не менее решение отрецензировать книгу было вызвано у меня тремя причинами. Во-первых, книга полезна не только отечественным "югославистам", занимающимся проблематикой русской эмиграции в Югославии, но и исследователям ее общественной и политической мысли в общемировом контексте, а также историкам культуры. Во-вторых, речь идет о моей личной признательности А. Арсеньеву, труды которого, особенно в части биографий изгнанников, я основательно использовал в своих "студиях". В-третьих, предлагаемый А. Арсеньевым "очерк", в сущности, представляет собой отличную работу, редкостный труд русского краеведа в далеком Новом Саду (так автор называет г. Нови-Сад), где осело значительное количество покинувших Родину наших соотечественников.

Особая ценность книги заключается еще и в том, что ее писал русский человек, помнящий и любящий Россию, ее детей, бежавших, как им думалось, с родной земли "на время...". С.М. Соловьев, находясь на смертном одре, произнес, что история – это искупление. Слово трудное, скрывающее за собой и в себе множество понятий в зависимости от ситуации, чувства, веры. Думается, что представляемая монография тоже своеобразное искупление, возвращение долга памяти новосадским русским, тому времени, в которое они жили.

В любом исследовании на тему русской эмиграции в Югославии подчеркивается радужный прием, оказанный ее жителями изгнанникам. Но не везде прочтешь строки, повествующие о трудностях, интригах и прочих "неприятностях" вхождения в новую, хотя и братскую, среду. А. Арсеньев не стремится выстраивать свой текст по принципу: плохое забывается, хорошее остается. Для него важно показать всю гамму бытия с ее радостями и горестями, хотя вторых было несравненно меньше в Нови-Саде, чье название для русских, бежавших от боль-

шевицких кошмаров, обрело буквальное значение – Новый Сад.

Будучи своеобразным сколком с русского общества, эмиграция по своему социальному, имущественному, культурному, политическому составу была чрезвычайно пестрой. Хотя тут же необходимо сказать, что для Югославии она была прежде всего "профессорской". Еще живы те, кого учили русские специалисты.

Россия была так богата на таланты, что ее "мастеров" можно было встретить в любой стране русского рассеяния, особенно представителей богемы. Так, культура той же сербской провинции, подчеркивает автор, "проходила под знаком русского искусства".

На страницах книги, наряду с примелькавшимся перечнем "перелетных птиц", которых почти каждый автор старается "привязать" к исследуемой им стране, есть такие имена как, например, артист и постановщик Александр Александрович Верещагин, педагог Новосадского среднего музыкального училища, выпускница Киевской консерватории Ольга Константиновна Молчанова, чья деятельность теснейшим образом была вплетена в культуру принявшей их страны. Исследователь театрального и музыкального искусства, благодаря разысканиям автора, найдет в книге много нового, ранее неизвестного.

Конечно, тема искусства – благодарная и традиционная почва для историков русского зарубежья; гораздо сложнее обстоит дело с людьми иных профессий и занятий. И первенство здесь принадлежит именно русским краеведам, жившим или живущим в Мельбурне, Париже, Праге, Бизерте, Харбине, к числу коих относится и А. Арсеньев, старания которого нацелены на воссоздание целостной картины профессиональных судеб русских в структуре городской жизни Нови-Сада. Скрупулезность автора позволяет увидеть наших соотечественников и их вклад в самые различные сферы занятости. Представленный срез присутствия русских на городском уровне может служить основой для совершенно нового исследования, связанного с сопоставительно-страноведческим анализом вхождения беженцев в другие культуры.

Читатель встретит в книге и картины будней эмигрантского быта, этого вечного феномена человеческого общежития, который всегда будет любопытен для исследователя времени – историка, социолога, культуролога. Наряду с повседневностью чувств, забот, надежд в тексте "всплывают" необычные и трогательные сюжеты, например, переписка с близкими, оставшимися в СССР. Разномыслие русского люда, его страсть "играть роль", различие профессиональных интересов вели в эмиграции к созданию кружева политических, общественных, национальных и прочих обществ, объединений курсов, союзов. История русской колонии в Нови-Саде блестяще подтверждает тезис о способности русских людей к самоорганизации, их умении не потерять себя, не раствориться в "славянском море".

Безусловно, многие организации эмигрантов в Югославии известны историкам, но А. Арсеньев подает их в биографиях лиц, как, например, в случае с графом В.А. Бобринским, восстанавливает для истории имена руководителей, в сжатой форме представляет первичную информацию о задачах этих институций. Однако меня не оставляет мысль, что автор поведал гораздо меньше, чем та сумма знаний, которой он владеет. Причиной для такого умозаключения послужили, в частности, отличные сюжеты о русских авиаторах, внесших свой вклад в становление и развитие югославского воздушного флота, о казачестве, чьи станицы раскинулись и на землях Воеводины. Замечу, что если бы тогдашнее правительство страны приняло решение о массовом расселении казаков в Косово (такой проект существовал), судьба этого ныне кровавого региона была бы, возможно, иной. На практике же многие из них, не желая идти в батраки, уезжали в далекую Южную Америку. Вы скажу предположение, что в этом случае не обошлось без влияния Франции, которая стремилась рассеять эту мощную профессиональную военную силу по разным континентам – подальше "от греха", подальше от пожарщиц послевоенной Европы.

Русские люди всегда или почти всегда уважали печатное слово. Оказавшись в новой стране в непривычном для себя положении эмигрантов, они в число первоочередных задач включили издательскую деятельность, тем более, что в то же Королевство сербов, хорватов и словенцев прибыли и обосновались здесь многие журналисты, издатели, типографы. Обычно в трудах по культуре русской эмиграции эту тему обходят вниманием, в лучшем случае отводят

ей несколько традиционных строк стандартного содержания об издании русских классиков, религиозных книг, учебников, газет.

Однако у А. Арсеньева, судьба и жизнь которого связана с Нови-Садом – городом, уступавшим в довоенной Югославии только Белграду по количеству выпускаемой литературы, эта тема раскрыта вполне профессионально, живо, интересно. Читатель найдет в его книге новые сведения о русских издателях, типографщиках и их изданиях, о которых в большинстве случаев уже никто не знает и не помнит. Примерами могут служить сборник "В защиту русского языка: Памятка Союза ревнителей чистоты русского языка в Белграде" или выпуск в грознопечальном 1922 г. 15 элегий Овидия в сборнике "Любовь" (переводчик и издатель – генерал-майор Г.А. Барковский, служивший тогда нотариусом в новосадском окружном суде). Вызовут улыбку сведения о неистребимом племени графоманов, к коим, видимо, имел честь принадлежать автор трехтомной поэмы "Черт" на 1300 страницах, или информация о курьезных изданиях и стилевых "кляксах" М.А. Сопочко-Сирокомли.

Коротко, но емко рассказывается о русских сотрудниках знаменитого в славянском мире журнала "Летопис Матице Српске", на чьих страницах выступали такие ученые как М.П. Чубинский, С.В. Троицкий, Л.Г. Захаров, Р.В. Плетнев. Отдельное место уделено новосадскому отделению "Русской матицы", чья культурно-просветительская деятельность в различных странах русского рассеяния все еще не нашла своего благодарного исследователя. Как и ранее, здесь автор стремится "вдохнуть жизнь" в сюжеты прежде всего через конкретные дела, людей, действовавших на этом благодатном поприще. Их богатый опыт по предупреждению денационализации молодежи, сохранению "русскости", укоренению любви к Родине современен и сегодня.

Проблема "отцов" и "детей" относится к числу вечных, не обошла она и русскую эмиграцию. Нет сомнения, что "отцы" делали все от них зависящее для образования "детей", знания ими "преданий" России, остававшейся для них великой и в изгнании. В частности, среди гимназических учителей, воспитывавших новое поколение, в книге упоминается имя талантливого писателя С.Р. Минцлова, чьи рассказы я читал в свое время взахлеб. В достаточно сжатой, эскизной форме обрисованы молодежные общества, ищущие и находящие свой, отличный от "отцов", путь к России. При этом большое внимание уделено сокольскому

движению. Имена, организации, названия различных учебных заведений – все это есть в книге. Безусловно, фактографическая сторона проделанного А. Арсеньевым труда – одна из сильных сторон его исследования. Это – не упрек в адрес автора, а признание достоинства написанной им книги уже только по долгу памяти.

Именно памяти посвящены и отдельные "портреты" русских новосадцев, таких как Александра Анатольевна Сердюкова, чье богатейшее литературное наследие – стихи, драмы, эссе, философские студии – практически неизвестно современному читателю; философ, психолог, поэт Анатолий Игнатьевич Шпаковский, научные труды которого были переведены на европейские языки; режиссер Юрий Львович Ракитин, известный своими постановками в Югославии.

Свежесть монографии А. Арсеньева состоит и в том, что он продолжает историю судеб русских новосадцев и после окончания Второй мировой войны и образования новой Югославии, для которой русские эмигранты

и их семьи, случалось, были, мягко говоря, нежелательным элементом. Одни побывали в тюрьме, другие уезжали из "большевицкой" Югославии, третьи продолжали жить в ставшей родной стране."

В югославской земле обрели вечный покой многие из тех эмигрантов, кто не захотел или не смог перебраться в иные государства. С помощью автора читатель может посетить новосадский русский некрополь и увидеть судьбы своих соотечественников в коротких надписях, узнать от А. Арсеньева некоторые подробности их жизни. Заслуживает глубокого уважения и его труд по составлению обширного "синодика" русских людей, нашедших упокоение на новосадском кладбище.

Река времени уносит все. Остается жить лишь память. Будем благодарны историку Алексею Арсеньеву за его книгу, позволяющую воссоздать страницы нашей трудной истории.

© 2001 г. *В.И. Косик*



Первые и вторые Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова

Терять своих учителей всегда тяжело, но горечь утраты уступает место чувству светлой печали, если ученики находят в себе достаточно сил, преданности и верности духу ушедших, чтобы продолжить их дело. Так случилось с петербургскими славистами, когда один за другим ушли из жизни ведущие профессора кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета Герман Иванович Сафронов (1924–1997) и Петр Андреевич Дмитриев (1928–1998). Ученики и коллеги решили увековечить их память ежегодным проведением Славистических чтений, на которые могут приехать слависты из любого уголка не только России, но и всего мира. Уже два года собираются они 12 сентября (это день рождения Петра Андреевича и одновременно день смерти Германа Ивановича), чтобы обсудить насущные проблемы славяноведческой науки. Уже в I Славистических чтениях 1999 г. приняли участие свыше 50 гостей из университетов и вузов России, Болгарии, Польши, Чехии, Украины, Югославии, Испании, Италии, Швеции.

Главным на I Славистических чтениях стал рассказ об огромной научно-организаторской, педагогической и общественной деятельности П.А. Дмитриева и Г.И. Сафронова, которые на протяжении трех с половиной десятилетий стояли у кормила кафедры славянской филологии, заложив ее солидный научный потенциал и превратив ее в один из ведущих центров отечественной славистики.

Доцент Г.В. Крылова доклад о П.А. Дмитриеве начала со слов о том, "каким он был удивительным руководителем большого

коллектива славистов, верным товарищем, добрым и мудрым советчиком, умным и деликатным наставником". Все, кто его знал и работал с ним бок о бок многие годы, видели и ощущали его необыкновенную мудрость, скромность, бескорыстие. Одно его присутствие на кафедре позволяло чувствовать себя уверенно и надежно: все знали – что бы ни произошло, при любом, казалось бы, безвыходном положении будет принято самое верное решение.

Видный специалист в области славянской филологии, П.А. Дмитриев – автор 275 печатных работ, из них 12 монографий; его мысль запечатлелась также в многочисленных докладах на различных научных форумах. В своих научных трудах П.А. Дмитриев предстает как лингвист, литературовед, историк, педагог, переводчик, общественный деятель. Как способный языковед с незаурядными творческими возможностями П.А. Дмитриев заявил о себе уже в кандидатской диссертации, посвященной сложному предложению с определительным придаточным в современном сербохорватском языке (1955). Примененная им методика была использована в дальнейшем многими синтаксистами. Той же теме в последующие годы было посвящено еще более 30 статей П.А. Дмитриева, что отражало стремление ученого докопаться до самой сути изучаемых явлений. Его монография "Очерки по синтаксису сербохорватского языка" (1966) представляла новую авторскую концепцию сложноподчиненных предложений. Она получила дальнейшее развитие в докторской диссертации "Типология сложных предложений с присубстантивно-относительным

придаточным (на материале сербохорватского и других славянских языков)" (1972), снискавшей высокую оценку среди отечественных и зарубежных лингвистов. После этого П.А. Дмитриев публикует целую серию статей, углубляющих понимание многих спорных и недостаточно исследованных вопросов изучаемой им проблемы.

Не замыкаясь в рамках синтаксиса, П.А. Дмитриев много занимался вопросами исторической грамматики, истории литературного языка сербов и хорватов. Он уделял много внимания сопоставительному исследованию славянских языков. На эту тему им написано более 50 статей, из которых многие публиковались в Югославии, Польше, Болгарии.

Занимаясь многие годы историей славистики, П.А. Дмитриев и в этой области оставил нам замечательные труды: "Русское и славянское языкознание в Петербургском – Ленинградском университете за 150 лет" (1969 г., в соавторстве с Н.А. Мещерским), "Славистика в Ленинградском университете" (1968–1969 г., совместно с Г.И. Сафроновым), "Русское и славянское языкознание в России" (1981–1991. Т. I–II), созданный совместно с Г.И. Сафроновым и С.В. Смирновым и оцененный как новый перспективный жанр учебной литературы (отмечен почетной грамотой Министерства Виссо РФ).

Научной деятельности Г.И. Сафронова был посвящен доклад доцентов кафедры М.Л. Бершадской и Н.К. Жаковой. Крупный ученый-славист, талантливый организатор, авторитетнейший администратор в рамках всего университета, но самое главное – замечательный человек: мужественный, стойкий, обладающий могучей силой духа, искрометным юмором, заражавший всех своим оптимизмом – таким запомнился всем Герман Иванович. Сфера научной деятельности Г.И. Сафронова широка и многообразна: это и проблематика становления реализма в сербской литературе, и литературные взаимоотношения русских и югославских писателей, ученых, деятелей культуры и шире – литературные и культурные взаимосвязи славянских народов, это и проблемы славянской филологии и солидные разыскания в области истории славистики и славянской историографии, это, наконец, изучение роли переводов Библии в развитии славянских литературных языков и культур. Все это нашло отражение более чем в 200 его научных работах.

С первых шагов научной деятельности Г.И. Сафронов выступил убежденным сторонником реалистического метода в литературном творчестве и сравнительно-истори-

ческого подхода в литературоведческих исследованиях. В центре его внимания тогда оказалась фигура выдающегося сербского сатирика конца XIX – начала XX в. Радое Домановича. Г.И. Сафронов первым среди русских исследователей указал на место этого писателя в развитии сербской реалистической литературы, на его тесную связь с народом, определившую идейно-эстетические достижения писателя и прежде всего разряжающую силу и историческую направленность его политической сатиры. Новаторским было и обоснование Г.И. Сафроновым связи Р. Домановича с русскими сатириками Н.В. Гоголем и М.Е. Салтыковым-Щедриным.

Как переводчик и литературовед представлял Герман Иванович в 1950-е годы русским читателям творчество таких поэтов, как И. Илич, И. Суботич, Д. Деметр, С. Враз, П. Прерадович, Й. Йованович Змай, Д. Яшкич и других, а в дальнейшем на основе своего переводческого опыта пытался решать и теоретические вопросы перевода. В 1950–1960-е годы наметилось обращение Г.И. Сафронова к проблемам взаимоотношений русских и югославских писателей, которое привело к созданию таких известных статей, как "Горький в Югославии", "Л. Толстой – член Сербской Академии наук", "А. Цесаряц и Достоевский", "Вук Караджич и Россия" (последние две в соавторстве с П.А. Дмитриевым) и др.

С 1965 г. в научных интересах Г.И. Сафронова и П.А. Дмитриева на первое место выходит монументальная фигура Вука Караджича. Две их совместные книги – "Из истории русско-югославских литературных и научных связей" (1975) и "Вук Караджич и его реформа сербохорватского – хорватско-сербского литературного языка" (1984) подвели итог двадцатилетних исследований по истории сербохорватского языка, начиная с XII в. и до наших дней.

В течение всей жизни Г.И. Сафронов интересовался историей славистики, трудами и жизнью выдающихся ученых, мысль которых давала импульс современному развитию славяноведения. Это Э.А. Якубинская, К.А. Копержинский, Б.А. Ларин, Н.К. Пиксанов, М.Г. Долобко, М.А. Соколова и др. Много сил и энергии отдал Г.И. Сафронов созданию истории родной кафедры.

Интерес к историческим исследованиям лежал не только в основе работы над двухтомной монографией по истории русской и славянской филологии в России. С историей славяноведения связано и появление одной из последних книг Г.И. Сафронова – "Разные грани единой науки. Ученые –

молодым специалистам" (1996). Здесь, как и во всем, что делал Герман Иванович, сказались размах, видение перспектив славистики, понимание того, что нынешние студенты – это будущее нашей науки, а потому к научному диалогу с молодой сменой в рамках чтения курса "Введение в славянскую филологию" им были привлечены известные профессора университета и ведущие научные сотрудники Академии наук. Увлеченный славистикой ученый и деятельный организатор многих славистических начинаний в 1970–1980-е годы Г.И. Сафронов пришел к мысли о необходимости создания "Ассоциации по изучению славянских культур и истории славяноведения", которую и возглавил в 1988 г.

Вершиной и итогом научной деятельности Г.И. Сафронова и П.А. Дмитриева стал выход в 1997 г. последней их книги "Сербия и Россия (страницы истории культурных и научных взаимосвязей)", необычную актуальность и злободневность которой подтвердила в дальнейшем сама жизнь.

В целом работа I Славистических чтений продемонстрировала высокий уровень научных исследований. Достаточно полное представление о прочитанных на них докладах могут дать вышедшие в свет тезисы [1].

II Славистические чтения (12–14 сентября 2000 г.) привлекли еще большее внимание как отечественных, так и зарубежных славистов. Расширился круг рассматриваемых проблем, возросло количество секций (с шести до десяти), представленных стран и городов, было прочитано около 80 докладов (см.: [2]). На открытии II Славистических чтений участников приветствовал декан филологического факультета СПбГУ проф. С.И. Богданов, который подчеркнул важность и актуальность продолжения заложенных П.А. Дмитриевым и Г.И. Сафроновым традиций исследования современных славянских языков и их исторической общности, объединения усилий вузовских и академических ученых в раскрытии достижений и вклада славянских культур в сокровищницу мировой цивилизации.

С большой заинтересованностью был выслушан собравшимися рассказ И. Живанчевич-Секеруш (Нови Сад, Югославия), дочери известного югославского ученого М. Живанчевича о его переписке с П.А. Дмитриевым и Г.И. Сафроновым, которая запечатлела основные этапы становления современной славистики. Многократно участниками заседания высказывались пожелания о публикации этих писем.

Традиционная приверженность петербургских славистов к исследованию культурных и литературных взаимосвязей выра-

зилась и в тематике докладов пленарного заседания: доцента О. Рихтерека (Градец Кралове, Чехия) "Чешское восприятие русской литературы в контексте XX века" и профессора Г.А. Лилич (СПбГУ) "Из истории чешско-русских научных связей (к 75-летию Пражского лингвистического кружка)".

В тематике грамматической секции доминировали вопросы синтаксиса. Большой комплекс проблем из области палеославистики был освещен на заседаниях секции истории славянских языков.

Доклады, представленные на секции лексикологии, демонстрировали разнообразие подходов к исследованию современного состояния проблем исторической славянской лексикологии и семасиологии. Одно из заседаний секции было посвящено новым тенденциям развития славянских языков.

На секции лексикографии были представлены доклады, заинтересовавшие собравшихся своей практической направленностью. Так, проф. Е.В. Гусев (СПб) внес предложение о создании сводного "Словаря русско-славянских омонимов". Разнообразием подходов и тематики отличались доклады, прочитанные на секции фразеологии и паремиологии.

Секция вопросов преподавания славянского языка как иностранного была посвящена практическим аспектам преподавания славянских языков в вузе и средней школе.

На секции теории и критики перевода за исключением одного доклада на чешско-русском материале преобладала югославянская тематика: о переводах Д. Максимович на русский язык – проф. Б. Човича (Нови Сад, Югославия), о переводах С. Есенина на хорватский язык – проф. Д. Сесар (Загреб, Хорватия), о различных подходах к переводу "Горного венца" – проф. Р. Мароевича (Белград, Югославия).

На секции литературоведения обсуждались проблемы модернизма и постмодернизма.

Многоаспектными и разнообразными по характеру и форме изложения материала были выступления на секции культурных и литературных взаимосвязей. В докладах гостей преобладала проблематика восприятия русской литературы в славянских странах. С огромным интересом был выслушан доклад доц. В.П. Гудкова (Москва) "Стереотип России и русских в сербской литературе". Наряду с необычностью темы он покорила слушателей прекрасным русским языком – чистым, богатым, сочным.

Продуктивно работала секция истории славистики. Содержательным было выступление ст. преп. О.В. Васильевой (СПбГУ) о формировании и фондах библиотеки славянской филологии СПбГУ, основу которой составляет книжное собрание В.И. Ламанского (см.: [3]). Доклад доц. З.К. Шановой "История славистики в Санкт-Петербургском университете" был посвящен деятельности профессоров П.А. Дмитриева и Г.И. Сафронова, их роли в становлении кафедры, в постановке преподавания, создании учебных планов, программ, по которым изучают славянские языки не только на кафедре славянской филологии, но и во многих университетах и педагогических институтах России, их вкладу в координацию и объединение славистических сил страны. Вне программы состоялся доклад доц. Н.К. Жаковой (СПбГУ) "О жизненном и творческом пути В.Д. Андреева (1929–2000)". Памяти В.Д. Андреева (скончавшегося в августе прошлого года) и его вкладу в славистику и болгаристику посвящаются очередные Державинские чтения (март 2001 г.).

Благодаря большой подготовительной работе, проделанной сотрудниками кафедры славянской филологии СПбГУ во главе с ее заведующей доц. М.Ю. Котовой, II Славистические чтения прошли на высоком научно-теоретическом и методическом уровне.

Заключительное пленарное заседание открыла ректор СПбГУ, академик Л.А. Вербицкая, которая рассказала о значении вклада проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова в развитие кафедры славянской филологии и всего университета в целом и подчеркнула, что отныне Славистические чтения станут ежегодной международной научной конференцией, открытой для славистов университетов и академических учреж-

дений всего мира. Многие из выступавших приветствовали организацию регулярных Славистических чтений, имеющих большое общеславянское и общекультурное значение. Заведующий кафедрой славянской филологии МГУ доц. В.П. Гудков отметил, что учреждение такого международного славистического форума выходит за рамки сугубо научные, но со всей очевидностью приобретает большое общественно-политическое значение. В ходе дискуссий выявилась огромная тяга славяноведов к совместной работе и коллегиальному обсуждению итогов своих научных разысканий. Поддержку встретила идея проведения Летней школы славистики, которую выдвинула в своем заключительном выступлении зав. кафедрой славянской филологии доц. М.Ю. Котова. Первую Летнюю школу славистики предполагается провести в конце августа – начале сентября – в преддверии III Славистических чтений, которые намечены на 11–15 сентября 2001.

© 2001 г. *Н.К. Жакова, М.Ю. Котова*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова. 12–14 сентября 1999 г. Тезисы докладов. СПб., 1999.
2. Программа II Славистических чтений памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова. СПб., 2000.
3. Материалы к каталогу библиотеки кафедры славянской филологии СПбГУ: 50 книг XVI – начала XIX в. / Сост. О.В. Васильева. Отв. ред. М.Ю. Котова. СПб., 2000.



Юбилей Ивана Константиновича Горского

30 мая 2001 г. исполняется 80 лет выдающемуся полонисту, историку и теоретику литературы, ведущему научному сотруднику Института славяноведения РАН, д-ру филологических наук Ивану Константиновичу Горскому, "самому мужественному полонисту", как называют его в Польше [1], имея в виду те трудности, которые ему пришлось преодолеть в результате тяжелого ранения, чтобы стать ученым-исследователем.

Участник войны, И.К. Горский окончил филологический факультет МГУ в 1949 г., сосредоточив свое исследовательское внимание на истории польской литературы XIX в., на романтизме и реализме – его кандидатская диссертация (1953) была посвящена творчеству Юлиуша Словацкого [2], докторская (1967) – творчеству Генрика Сенкевича [3], ряд монографий и статей посвящен А. Мицкевичу (1955), Ю. Крашевскому, Владиславу Оркану и др. Иван Константинович – автор монографии о проблемах историзма и историческом романе [4]. Работы Ивана Константиновича, публикуемые также и в Польше, получили широкий резонанс и высокую оценку в научной среде (см., например, [5]).

Глубокий знаток исследуемого периода в развитии польской литературы, Иван Константинович неизменно выступает одним из авторов коллективных академических трудов: в "Истории польской литературы" его перу принадлежат разделы, посвященные польской литературе 60–80-х годов XIX в. и отдельным ее представителям [6]; в "Истории всемирной литературы" [7] и "Истории литератур западных и южных славян" [8] – главы о польской литературе второй половины XIX в.

Ивану Константиновичу как исследователю в высшей степени присущи интерес к теории и методологии литературоведения, к компаративистике, стремление не утратить накопленные наукой прошлого ценности, связать их с современностью, с живым литературным процессом. Об этом свидетельствуют, в частности, его работы, посвященные осмыслению различных сторон наследия выдающегося отечественного филолога А. Веселовского [9], как и старания по переизданию его трудов [10]. Всегда далекий от конъюнктуры, Иван Константинович стал писать о Веселовском, когда его имя замалчивалось. Таким образом он помог вернуть его современной науке. Многие сейчас, вероятно, уже и не помнят, скольких усилий это стоило Ивану Константиновичу Горскому.

Несмотря на то, что и последствия ран военного времени, и подорванное здоровье, к сожалению, отнюдь не благоприятствуют сидению за письменным столом, ученый продолжает свои изыскания как в области истории науки так и в области полонистики.

Свой замечательный юбилей Иван Константинович встречает на творческом подъеме, показывая, что солидный возраст не помеха труду исследователя. В 2000 г. завершена работа над книгой "Из истории науки о литературе" (она готовится к изданию), которая венчает давний и стойкий интерес Ивана Константиновича к этой области знания. Исследователь рассматривает процесс выделения из классической филологии специальной науки об изящной словесности, прослеживает логику формирования принципов анализа столь сложного предмета как литература, которая обнаруживает при разных подходах разные черты. В книге анализируются историческая, биографическая, мифологическая и культурно-историческая школы, стоящие за ними системы принципов изучения литературы. Автор выделяет сравнительно-историческое литературоведение и литературную компаративистику как очередные поворотные этапы в развитии науки о литературе. В последние годы Иван Константинович работает также над своим очередным полонистическим трудом – монографией "Преломление январского восстания 1863 г. в польской литературе".

В день 80-летнего юбилея Ивану Константиновичу Горскому, преодолевающему – с присущими ему стойкостью и достоинством – тяготы болезни, его коллеги и друзья желают долгих лет жизни, бодрости и новых научных успехов.

Sto lat, sto lat niech żyje, żyje nam, дорогой Иван Константинович!

Коллеги-литературоведы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Romanowski Z. Najmężniejszy z polonistów // Perspektywy. 1983. № 49. S. 10; Białokozowicz B. Iwan Gorski. W sześćdziesiątą rocznicę urodzin // Slavia Orientalis. R. XXX. 1981. № 3.*
2. *Горский И.К. Черты реализма в творчестве Юлиа Словацкого (до 1839 г.) Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1953; Юлиуш Словацкий: Био-библиографический указатель к 150-летию со дня рождения / Сост. В.Н. Стефанович / Отв. ред., авт. вступит. ст. И.К. Горский. М. 1959.*
3. *Горский И.К. Исторический роман Сенкевича. М. 1966; Горский И.К. К вопросу о мировоззрении Г. Сенкевича // Уч. Зап. Института славяноведения АН СССР. Т. XXI. 1960.*
4. *Горский И.К. Польский исторический роман и проблема историзма. М. 1963; Жанровые особенности польского романа в годы расцвета классического реализма // Развитие прозаических жанров в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М. 1991.*
5. *Łużny R. Dwie najnowsze prace radzieckie o Sienkiewiczzu // Ruch Literacki. 1961. № 2.*
6. *История польской литературы / Ред. В.В. Витт, И.С. Миллер, Б.Ф. Стахеев, В.А. Хорев. М. 1968. Т. 1.*
7. *Горский И.К. Польская литература // История всемирной литературы / Ред. И.А. Бернштейн. М. 1991. Т. 7.*
8. *Горский И.К. Польская литература // История литератур западных и южных славян. Т. 2. Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. / Ред. С.В. Никольский. М. 1997.*
9. *Горский И.К. Данте и некоторые вопросы исторического развития Италии в трудах и высказываниях А.Н. Веселовского // Дантовские чтения. М. 1973; Горский И.К. Наследие А.Н. Веселовского и сравнительное изучение славянских литератур // Сравнительное изучение славянских литератур. М. 1973; Горский И.К. Сравнительно-историческое литературоведение и Александр Николаевич Веселовский // Академические школы в русском литературоведении. М. 1975; Горский И.К. Александр Веселовский и современность. М. 1975; *Gorsky I.K. O Sienkiewiczzu i Wiesiołowskim. Warszawa. 1986.**
10. *Горский И.К. Об исторической поэтике Александра Веселовского // Веселовский А.Н. Историческая поэтика / Вст. ст. И.К. Горский / Сост., коммент. В.В. Мочалова. Сер. Классика литературной науки. М. 1989.*



Памяти Анджея Феликса Грабского (1934–2000)

26 июня 2000 г. в неполные 66 лет ушел из жизни Анджей Феликс Грабский.

Как и его учитель Марьян Серейский – один из основателей школы историографических исследований в польской науке, – Грабский начал с изучения средних веков. Первая книга, опубликованная им в 1959 г., посвящена польскому военному искусству раннего средневековья. В 1960-е и начале 1970-х годов историк подготовил два цикла монографий. Первые представляет собой биографическую галерею древних польских князей – Мешко I, Болеслава Храброго (книга выдержала несколько изданий) и Болеслава Кривоустого. Второй цикл состоит из двух фундаментальных трудов, исследующих представления иностранцев о Польше в X–XV вв. (*Polska w opiniach obcych X–XIII w.* Warszawa, 1964; *Polska w opiniach Europy Zachodniej XIV–XV w.* Warszawa, 1968).

Однако в 1970-е годы в научном творчестве Грабского определенно обозначается поворот к историографическим штудиям. В 1976 г. выходит в свет его большая книга об исторической мысли польского Просвещения. Затем судьба конкурса исторических работ, носившего имя видного представителя этой эпохи Ю. Немцевича, приводит Грабского к изучению рубежа XIX и XX вв. Таким же образом им перебрасывается мост от Т. Костюшко к культурным инициативам польской эмиграции по случаю сотой годовщины восстания 1794 г. Этим "следам" Немцевича и Костюшко посвящены две книги, опубликованные в конце 1970-х – начале 1980-х годов.

Имея за плечами большой опыт работы в области изучения Средневековья, Грабский не стал, подобно некоторым другим медиевистам, обратившимся к историографической проблематике, летописцем событийной стороны истории науки. Жизнеописание ученых – явно не его стезя. Событием и фактом для него были прежде всего идея, концепция, гипотеза – истинные двигатели научного знания. В творческой лаборатории историков он в первую очередь выделял методологию исследований, способы селекции материала и его интерпретацию. Обладая громадной, подлинно энциклопедической эрудицией, Грабский легко, можно сказать, на равных "общался" со своими коллегами по цеху, чья деятельность уже стала достоянием истории. Артистизм в науке – достаточно редкий дар, и Грабский был наделен им сполна. Неслучайно он еще являлся тонким ценителем музыки, в том числе русской, которая постоянно звучала в его доме. Кажется, о музыке и развитии исторической мысли ему было известно решительно все. Легко и с удовольствием он "перемещался" во времени, равным образом хорошо владея материалом в XVIII, и XIX, и XX вв.

О широте научных интересов Грабского красноречивее всего говорит содержание его статей, многие из которых объединены в сборники: "Ориентации польской исто-

рической мысли"; "Беспокойства и надежды. Из истории польской общественной и политической мысли XIX века"; "Перспективы прошлого. Историографические исследования и очерки" ("Orientacje polskiej myśli historycznej". Warszawa, 1972; "Troski i nadzieje. Z dziejów polskiej myśli społecznej i politycznej XIX wieku". Łódź, 1981; "Perspektywę przeszłości. Studia i szkice historiograficzne". Lublin, 1983). Центральное место в них принадлежит, конечно, польской исторической науке. Однако исследователь глубоко анализирует не только ее идейно-политический контекст и национальные особенности развития, но также место в мировой науке.

В этом плане особенно замечателен сборник "Образы истории" ("Kształty historii". Łódź, 1985). Собственно, по авторскому замыслу и исполнению он гораздо больше, чем обычное собрание статей. Грабский задается целью проследить процесс модернизации науки об истории начиная с рубежа XIX–XX вв. Он не ограничивается рассуждениями на сей счет философов и программными манифестами историков, а стремится раскрывать теоретико-методологическую основу конкретно-исторических исследований ведущих направлений и школ в историографии, не исключая тех, которые сложились на базе марксистского понимания исторического развития.

Грабскому было всегда свойственно уважительное отношение к историческому материализму как теории исторического процесса и методологии познания прошлого. Это исследовательское, творческое, во многом вольнодумное по еще памятным советским меркам восприятие и толкование марксизма отстояло свое право на существование в польской исторической науке времен ПНР и дало такие крупные имена, как Витольд Куля и Ежи Топольский. Исторический материализм служил для них отправной точкой научного поиска, а лучше сказать, почвой, которую они возделывали, оставаясь при этом духовно раскрепощенными интеллектуалами.

Примечательно, что уже в период советской гласности Грабский едва ли не первым задался целью исследовать "Краткий курс истории ВКП(б)" как памятник исторической и политической мысли своей эпохи. Особого упоминания заслуживает фундаментальное исследование Грабского (1987) о контактах Лелевеля с немецкими демократами. О новаторском характере книги говорит уже тот факт, что обращение историка к деятельности левого крыла Великой эмиграции позволило обнаружить новые сведения о молодых Марксе и Энгельсе.

Во второй половине 1980-х годов Грабский участвовал в сотрудничестве с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Он был близким другом В.А. Дьякова и много сделал для присвоения последнему звания почетного доктора Лодзинского университета, чему упорно противились "инстанции", недовольные неконформизмом российского историка в годы "польского кризиса".

В 1990-е годы, продолжая линию, начеченную "Образами истории", Грабский был увлечен идеей создания обобщающего компендиума по истории мировой исторической мысли, в котором видел свой *opus magnum*, венец многолетней исследовательской деятельности. Надо сказать, что нелегко назвать другого историка, столь же готового к воплощению этого масштабного замысла, как Грабский. Над ним ученый работал буквально до последнего дня своей внезапно оборвавшейся жизни. Предполагалось издать том, посвященный развитию польской историографии, а также историю мировой исторической науки (в том числе и русской) в нескольких книгах. Речь шла о тысячах страниц. Если "польский" том автор успел подготовить в значительной его части – в окончательной редакции текст доведен до второй половины XIX в., – то другая часть проекта осталась реализована, увы, лишь фрагментарно. По счастью, не дожидаясь полного завершения работы над *opus magnum*, Грабский опубликовал сжатую версию написанного – "Очерк истории польской историографии" ("Zarus historii historiografii polskiej". Poznań, 2000.). Это последняя из прижизненно изданных его книг, пятнадцатая по счету.

Несмотря на свое название, "Очерк" вовсе не ограничивается изложением польского материала. Почти равное с ним место занимает материал непольский, тот общий контекст, без которого Грабский не мыслил историографических исследований.

Изложение доведено автором до 1990-х годов и включает размышления о роли альтернативной науки. Достаточно критически он оценивает увлечение "белыми пятнами", ажиотаж вокруг которых продолжается по сей день. Не следует питать иллюзий, подчеркивает ученый, будто вполне оправданный интерес к запретным ранее темам и документам может стать двигателем науки. "Правда отдельных фактов не составляет еще полной исторической правды", – доказывает Грабский всей своей книгой, предостерегая от политизации истории, а значит, падения профессионального уровня ее изучения, создания нового официального канона. Быть может, это напоминание и является главным напутствием признанного мастера историографического исследования?

По своему природному складу Грабский принадлежал к типу кабинетного ученого, хотя, будучи профессором Лодзинского университета, постоянно преподавал. Неизменно общительный и доброжелательный, прекрасный рассказчик "историй об историках" и душа любой компании, вовсе не чуждый общественной деятельности, Грабский, кажется, лучше всего чувствовал себя за своим письменным столом – сначала с машинкой, а потом с компьютером, среди книг и записей классической музыки.

И еще одна радость была дана А.Ф. Грабскому в науке: у него несколько талантливых учеников, в полном смысле слова продолжающих его дело. Назову двоих. Профессор Анджей Вежбицкий – один из первых аспирантов Грабского – работает в Институте истории Польской академии наук, доцент Рафал Стобецкий сменил своего учителя на кафедре в Институте истории Лодзинского университета. Сейчас они заняты подготовкой к печати неизданных трудов покойного учителя.

Анджей Феликс Грабский – явление в науке. Его труды востребованы. Его будут помнить те, кому посчастливилось общаться с ним лично. Его обширное научное наследие само вполне может стать предметом специальных исследований. И в этом смысле он повторит судьбу корифеев исторической науки, хранителем памяти о которых был сам.

© 2001 г. *Л.Е. Горизонтов*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Gibiansky L.Ya.</i> (Moscow). The Trieste Question at the End of the WW II (1944–1945).....	3
<i>Aksenova E.P., Dostal M.Yu.</i> (Moscow). The Russian Academy in Prague During the Second World War	31

DISCUSSIONS

<i>Zukerman K.</i> (Paris). Two Phases of the Emergence of the Old Russian State.....	55
<i>Petroukhin V.Ya.</i> (Moscow). About the "Russian Kaganate", Early Chronicles, Search and Misunderstandings in Modern Historiography	78

COMMUNICATIONS

<i>Rusev R.D.</i> (Sofia). Literary Journals and Magazines of the Russian Emigrants in Bulgaria (1921–1943).....	83
<i>Vorobieva I.G.</i> (Tver') Ten Years of the Activities of the Renovated Matica Chrvatska	91

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Petroukhin V.Ya.</i> Л. Мюллер. Понять Россию: историко-культурные исследования	95
<i>Belova O.V.</i> А.В. Подосинов. Символы четырех евангелистов: их происхождение и значение	98
<i>Krysko V.B.</i> М. Moser. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im Russischen Satzbau des 16. Und 17. Jahrhunderts	103
<i>Ledovsky M.Yu.</i> New Issue of the Magazine "Vestnik RGNF": "2000 лет христианской культуры"	108
<i>Kishkin L.S.</i> I. Savický. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechach. 1914–1938	110
<i>Kosik V.I.</i> А. Арсеньев. У излучины Дуная. Очерк жизни и деятельности русских в Новом Саду.....	115

SCHOLARLY LIFE

<i>Zhakova N.K., Kotova M.Yu.</i> The First and Second Conferences in Memoriam of professors P.A. Dmitriev and G.I. Safronov	118
--	-----

PERSONALIA

Ivan Konstantinovich Gorsky's Anniversary 122

OBITUARIES

Gorizontov L.E. Andrzej Feliks Grabsky (1934–2000): In Memoriam..... 124

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 10.04.2001	Подписано к печати 25.05.2001	Формат 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать	Усл.-печ.л. 10,4	Усл.-кр.-отт. 6,3 тыс.	Уч.-изд. л. 12,2	Бум. л. 4,0
Тираж 593 экз.		Зак. 2238		

Свидетельство о регистрации № 0110184 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 952000 – журналы

